

Недосягаемый Соблазн

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ USA TODAY

Р. С. ГРЕЙ

Я хороша в том, чтобы прятать чувства.

Притвориться, что не влюблена в лучшего друга?

Пф-ф. Запросто.

Не хочу хвастаться, но перед Эйденем Смитом нетрудно устоять, если ты занимаешься этим так долго, как я. На самом деле, мы могли бы навсегда остаться лучшими друзьями, если бы не тот факт, что мне нужно было, чтобы он сыграл роль фальшивого парня. Только все пошло наперекосяк, ему пришлось уехать, и мы стали полной противоположностью.

Теперь я должна вести себя хорошо, даже если хочу раздавить его сердце.

Притворяться, что не люблю Эйдена, было самой легкой частью.

Притвориться, что не ненавижу его?

Что ж... возможно, мне понадобится еще немного практики.

НЕДОСЯГАЕМЫЙ СОБЛАЗН

Р. С. Грей

Перевод: *Наташа (по 19 главе), Samesta*

Редактор: *Ms. Lucifer*

Вычитка: *Квазар & Введьмочка*

Мэдди

О нет, я впустила очередную в нашу квартиру.

Он меня точно убьет.

Особенно учитывая, что эта девица почувствовала себя как дома на нашем диване. Я приготовила ей немного макарон с сыром (потому что сама проголодалась), и вот теперь она запихивает их в рот огромными порциями, все время плача. Она пробыла здесь дольше, чем я ожидала. Из-за ее горячих слез я не слышу телешоу по телевизору.

Поэтому немного увеличиваю громкость.

— А потом... он так мне и не позвонил, — причитает она.

— Что?! Не-е-ет! Правда? — я реагирую с переизбытком беспокойства высоким фальцетом.

Кажется, повышая свой голос почти до писка, я совершила ошибку (я явно перестаралась), но она этого даже не замечает. По сравнению с остальными, она слишком заиклена на себе.

— Никак не могу понять! Мне казалось, что мы с ним созданы друг для друга. Песня Тейлор Свифт идеально описывает наши отношения.

Это вызывает у меня интерес. Я забываю о ситкоме.

— Какая песня?

— Lover.

Я делаю мысленную пометку доставать Эйдена этой песней при каждом удобном случае.

— И сколько времени прошло с тех пор, как вы... э-э... расстались? — спрашиваю я, задаваясь вопросом, почему Эйден не рассказал мне об очередном разрыве. Хотя, в последнее время он перестал раскрывать подробности своей личной жизни. Это произошло после случая, когда я рассказала его маме о девушке, которая появилась у нашего порога в свадебном платье в надежде вернуть его. Так Эйден понизил мой статус до «не-твоего-ума-дело». Это одна из причин, по которой я впустила эту девушку. У меня слабость на инсайдерскую информацию... особенно об Эйдене.

— Думаю, около... — Она смотрит в потолок, как будто отсчитывает дни. — Около шести месяцев назад.

— Ох, это...

Дольше, чем я ожидала.

Поскольку она появилась в нашей квартире без предупреждения, плачущая и растрепанная, я предположила, что Эйден расстался с ней вчера или позавчера. Ну, неделю назад максимум.

Девушка ставит тарелку с пастой на кофейный столик и поворачивается ко мне, и ее потрясающие голубые глаза пронзают меня насквозь.

— Так что ты думаешь? Мне удастся его вернуть?

Я прикусываю губы, потому что ненавижу эту часть.

Могу ли я помочь этой девушке вернуть Эйдена? Безусловно. Сомневаюсь, что кто-то знает его лучше меня. Подобно зоологу, с невероятной дотошностью я изучала его жизненные привычки жизни и спаривания в течение двух лет во время нашего соседства. Я

знаю его любимую еду (гамбургер с говядиной), его любимое телешоу («Обуздай свой восторг»), его главный раздражитель (люди, которые не убирают тележки за собой в продуктовом магазине) и его тайную страсть (петь хиты начала нулевых в душе). Бритни Спирс, мать ее!

Но вопрос в том... хочу ли я ей помочь?

Вот тут все немного сложнее.

Я поворачиваюсь и пробегаюсь по ней оценивающим взглядом.

— Я не знаю, получится ли у вас, ребята.

— Но как же песня...

Я перебиваю ее и отмахиваюсь, не желая вновь вступать на эту тропу.

— Конечно, песня довольно убедительна.

Только вот с песнями Тейлор Свифт любой может связать свою жизнь.

Я перехожу к следующей части своей речи.

— Я думаю, не стоит терять надежду, но так как я не Эйден, я не могу точно сказать, есть ли у вас, ребята, будущее.

Девушка шмыгает носом и кивает, деликатно вытирая слезу со своих точеных скул.

Полагаю, что она модель. Эйден притягивает их, будто магнит.

— Итак, чем я могу помочь? — спрашиваю, одаривая девушку полуулыбкой.

Она качает головой, как будто не знает, что ответить.

— Я просто чувствую, что наши отношения остались незавершенными.

— Завершение. — Я понимающе киваю. — Разумеется, оно необходимо.

Тогда я нахожу идеальное решение.

Идея не моя. Впервые это случилось в прошлом году, когда бывшая Эйдена пришла в надежде найти в квартире его, но застала меня. После длительной беседы (только о ней) она умоляла меня позволить ей взять одну из футболок Эйдена. Тогда я почувствовала свою беспомощность. Она не хотела уходить. И что мне оставалось?

Поэтому этой новенькой достанется его подушка.

~

— МЭДДИ! — кричит Эйден, вернувшись домой вечером.

Я в наушниках уже в своей комнате, валяюсь на кровати и смотрю корейскую драму на своем ноутбуке.

— Мэдди! — снова кричит он, оказавшись у моей двери. Эйден даже не стучит, просто толкает ее и опирается на дверной косяк своими метр девяносто.

— О, добрый вечер, — сладко щебечу я, слегка нервничая.

Он не улыбается в ответ. Его зубы стиснуты. В утонченных чертах нет никакой мягкости, по крайней мере, сейчас.

— Келли заходила сегодня? — Его глаза сужаются. Эйден явно приготовился оценить мои следующие слова, чтобы определить, виновна я или нет.

Я симулирую амнезию.

— Келли?

Затем поднимаю палец в воздух и делаю вид, что прокручиваю в голове список всех моих знакомых, но ничего не нахожу на букву К.

Он на это не ведется.

— Ага. Келли. Она оставила мне сообщение на голосовую почту, где сказала, что приходила сегодня, и ты впустила ее. И еще, по ее мнению, я должен дать ей еще один шанс,

и ты с этим согласна.

Мой рот открывается и закрывается, как у маленькой рыбки в маленьком аквариуме.

Меня разоблачили.

Мне никак не отвертеться, особенно если учесть, что в своей комнате он быстро обнаружит исчезновение подушки.

— Она показалась мне милой, — оправдываюсь я.

Эйден проводит рукой по своим черным волосам, затем впивается пальцами в корни, словно пытается удержаться от желания задушить меня. Когда он опускает руки, короткие волосы Эйдена остаются всклокоченными, растрепанными.

— Я же говорил тебе больше не впускать их.

Я приподнимаюсь на кровати, чтобы сесть на колени.

— Я ничего не могу с этим поделать! Мне их жалко!

— А не стоит!

Слова истинного сердцееда.

— Они как потерянные щенки в поиске добрых ручек... я не могу их прогнать!

Он наклоняет голову вбок — его гнев лишь слегка рассеялся.

— Мэдди.

Господи, мне нравится, как это прозвучало из его уст, но я заставляю себя сосредоточиться.

— Я серьезно! — возмущаюсь я, для выразительности вскидывая руки в воздух. — Ты не представляешь, что я чувствую, когда они появляются на нашем пороге в печали и отчаянии.

Эйден уходит, топая по коридору. Скоро он доберется до своей спальни и обнаружит пустое место там, где должна быть его подушка.

— Я приготовила макароны! — кричу я, надеясь отвлечь его еще на минуту.

Это не срабатывает.

Наступает пауза, его дверь со скрипом открывается — затем:

— Где моя чертова подушка?!

Ладно, я поняла. Возможно, с подушкой я погорячилась. Футболка еще могла сойти с рук. А вот подушка — вещь для психопатов. Она будет спать с ней каждую ночь? Ну, это желание я могу разделить. Наверное, она пахнет им. Я бы хотела собственную подушку Эйдена, если бы была одной из его бывших. Но я не его бывшая. Я Мэдди. Его подруга. Соседка.

Топ-бум, топ-бум. Он реально крупный парень, поэтому, когда он расстраивается, как сейчас, весь свой вес при ходьбе он переносит в ноги.

Эйден врывается обратно в мою комнату и выдергивает подушку из-под моей задницы так, что я заваливаюсь набок. Затем, не проронив ни слова, он засовывает ее под мышку и оставляет меня.

— Это моя любимая! — кричу ему в спину.

Она мягкая, но не чересчур.

— Хреново, — рявкает в ответ Эйден.

Ладно, кажется, я действительно его разозлила, и он хочет, чтобы я это знала.

Я даю Эйдену минуту на успокоение, затем на цыпочках выхожу из своей комнаты, боясь, что он прячется за углом. Но обнаруживаю Эйдена на кухне со сковородой макарон в руке — он зачерпывает их деревянной ложкой и утрамбовывает в рот. Моя подушка по-прежнему зажата у него под мышкой. Он умен — не выпускает ее из поля зрения. Знает, что

я хотела бы украсть ее обратно.

Вместо этого мне придется вести переговоры.

— Могу я предложить обмен? Эта подушка взамен моей другой? У меня есть фирмы с таким же названием, как у тебя.

— Нет.

Что ж...

Я беру ложку из ящика с посудой и иду за пастой, ведь я так и не поела.

Эйден отодвигает от меня сковороду, прежде чем я успеваю зачерпнуть себе хотя бы ложку. Очевидно, он жаждет моей крови.

Я тыкаю его столовым прибором в ребра, и он смягчается — опускает сковороду достаточно низко, чтобы я доставала.

— Так ты не думаешь, что снова сойдешься с ней? — спрашиваю я, собираясь съесть еще одну ложечку.

— Точно нет. Мы расстались несколько месяцев назад. Я о ней даже не вспоминал.

Ого.

— Она показалась одержимой тобой.

Эйден равнодушно мычит.

Я смотрю на него из-под ресниц и удивляюсь. Как и всегда. Эйден из того типа мужчин, что вдохновляют женщин обивать пороги спустя месяцы после встречи, его красота ослепляет... но он далеко не милый. Это важно уточнить. Зато обладатель квадратной челюсти, густых темных бровей и кривой ухмылки.

Эйден встречает мой пристальный взгляд и изучает зелеными глазами.

— Все еще злишься? — отваживаюсь я, пытаюсь изобразить на лице полуулыбку.

— Может быть, — отвечает он, и его взгляд на секунду спадает на мои губы, прежде чем он снова переключает свое внимание на ужин.

Скоро я вновь завоюю его расположение. Эйдену никогда не удастся долго на меня злиться. Это одна из моих сверхспособностей: укрощение зверя.

Я познакомилась с Эйденем чуть больше двух лет назад на репетиции свадьбы моей сестры. Он опоздал. Мы со свадебной процессией стояли на своих местах в церкви, выслушивая речи священника. Стоит признаться, я засмотрелась на скульптуру Иисуса с внушительным твердым прессом, когда двери церкви открылись. Эйден вошел на закате, мгновенно похитив сердца каждой женщины в помещении.

Он поспешно двинулся по проходу, извиняясь за опоздание, и остановился только для того, чтобы поцеловать свою маму в щеку. Затем поднялся по лестнице и занял свое место напротив меня у алтаря.

Мой спутник, Даррен, подменял его, поэтому произошла неловкая перетасовка. Вот это я понимаю замена! Я уставилась на Эйдена с разинутым ртом. На одно короткое мгновение мое воображение исказило ситуацию, и я представила, что женихом и невестой были мы.

Мое сердце билось от радости. К нему присоединились и другие мои органы. Я вспотела и тяжело задышала, и мне потребовалось довольно много времени, чтобы прийти в себя и осознать реальность. Он не был женихом, он был шафером. Я не была невестой, я была подружкой невесты. Я пришла с молодым человеком, и он не был Эйденем. Даже близко с ним не стоял.

Брат Эйдена, Джеймс, отчитал его за опоздание, а затем махнул подбородком в мою сторону.

— Мы официально представим вас позже, но это Мэдди, твоя пара.

Его пара!

Взгляд Эйдена метнулся ко мне, и я упала в обморок. Или, по крайней мере, была близка к этому.

Мои колени дрожали, угрожая подогнуться. Но я устояла и кротко посмотрела в сторону Эйдена.

Он кивнул, но не улыбнулся, а затем перевел взгляд на священника.

Разумеется, я не могла перестать пялиться на парня. Я пыталась одним глазом сосредоточиться на пасторе, а другим — на Эйдене.

Ничего не могла с собой поделаться.

Он был таким... чертовски горячим.

Я предполагала, что он будет похожим на жениха моей сестры (братья, как правило, похожи), но нет. *Нет, нет и еще раз нет.* Эйден и Джеймс не были похожи. Сравнить их — все равно что сравнивать черствый заплесневелый хлеб со свежими булочками из духовки. В мужчинах читалось что-то родственное. Но лишь чуть.

Не поймите меня неправильно, Джеймс отлично выглядит. Даже мило, но как адвокат. Ему нравится носить поло и отглаженные шорты цвета хаки. Он из тех парней, которые даже в свои двадцать могут сойти за мужчину за пятьдесят.

Ощущение, что все гены, которые отвечают за сексуальность, достались Эйдену.

— Перестань пялиться, — вяло шикнула себе.

Это было бесполезно. Мне нравились его черты. Весь его образ привлек мое внимание. Я хотела разобрать Эйдена на части и изучить под микроскопом, потому что нельзя быть таким горячим. Он не был идеален, нет. Но его светло-зеленые глаза невозможно было игнорировать, особенно на фоне загорелой кожи и темных бровей. Его черные волосы, в отличие от идеальной укладки Джеймса, были немного растрепаны и нуждались в стрижке. Его рубашка была мятой (вероятно, он только сошел с самолета), а еще он пришел в джинсах, когда все остальные надели брюки и галстуки.

Я настолько увлеклась разбором мельчайших черт Эйдена, что не сразу сообразила, что репетиция закончилась и теперь мы должны были следовать за женихом и невестой по проходу, дабы попрактиковаться в отходе от алтаря.

Эйден вышел к центру прохода и согнул локоть, чтобы я взяла его. Что я и сделала после долгой, неловкой — о да, в этом вся я — паузы.

Я заставила себя улыбнуться, и он прищурился, как будто пытался понять, с какой планеты я родом.

— Привет, я Мэдди, — представилась во второй раз, когда мы начали идти.

Учитывая его телосложение, мы могли преодолеть проход за пару шагов, но он намеренно замедлился, как будто не хотел торопить меня.

— Сестра Джоли, — продолжила я.

— Я так и понял.

Верно.

В тот день мы с сестрой могли сойти за близнецов. Наша мама отправила нас на прическу и макияж в шикарный салон красоты «Сладкая магнолия». Мои длинные светлые локоны завили и растрепали так, что они могли посоперничать высотой с пиком церкви. Макияж отличался вкусом и лоском, подчеркивая мои глаза коричневыми тенями, но накладные ресницы и тридцать слоев кричащей помады в конечном итоге делали мое лицо

похожим на восковые фигуры из музея. Увидев итог в салоне, я пошутила над мамой, что добавлю кошачьи черные стрелки и блески, отчего у нее чуть не случился сердечный приступ.

— Пожалуйста, Мэдисон. Смилуйся надо мной, — попросила она, молитвенно сложив руки. — Только на один день.

Так я оказалась в пышном и розовом чудовищном платье.

Еще один подарок от моей матери. Она заказала платье, чтобы оно соответствовало ее наряду и наряду моей сестры.

Я едва могла двигаться из-за всех этих плотных слоев тюля и шелка.

— Сахарная вата, — бросил Эйден, снова привлекая мое внимание.

Я нахмурилась в замешательстве.

— Что?

— Цвет твоего платья.

Мои щеки стали ярко-алыми.

— Да, в таком трудновато смешаться с толпой.

Его зеленый взгляд прошелся по мне, но он больше ничего не сказал, потому что мы уже дошли до конца прохода. Эйден остановился и отпустил мою руку, одарив меня намеком на улыбку, прежде чем повернуться к своей семье. Его отец обнял его за плечи, а мать сияла от гордости.

Мой же папа тем временем фотографировал меня на сверхмощную камеру с огромным объективом, одновременно пытаюсь не заплакать в пятый раз за день.

— Я не могу поверить, что мой ребенок выходит замуж, — сказал он так, словно был близок к очередному срыву.

Щелк-щелк. Затвор камеры открывался и закрывался.

— Держи себя в руках, Питер, — простонала моя мать. — Мы должны быть сильными ради Джоли.

Но в ее голосе тоже слышались слезы.

Она бросилась ко мне и засуетилась над моим платьем, пытаюсь расправить цветок, пришитый к моему лифу у сердца.

— Не думаю, что его можно выправить, — заметила я.

На что мама цокнула, как будто ее раздражало отсутствие у меня веры в ее материнские способности. Она вытащила из сумочки маленькую булавку и всунула в мое платье (зацепив при этом мою кожу), игнорируя мой стон боли.

— Вот так, отлично. А теперь перестань сутулиться. — Я ссутулилась сильнее, и она закатила глаза. — Тебе всегда надо поспорить.

Да ну!

После репетиции в церкви был ужин. Разумеется, он удался. Мама участвовала в его планировании, а она устраивала вечеринки всю жизнь, как будто готовилась к большой традиционной южной свадьбе. Как завсегдатай светской жизни Хайленд-парка, она была рождена для подобных моментов.

К моему сожалению, мне не выпал больше шанс поговорить с Эйденом за ужином, не в присутствии членов наших семей, которые пытались завладеть нашим вниманием и задавали назойливые вопросы.

Что ты будешь делать теперь, когда закончила колледж?

Я бы с удовольствием отправилась в Мачу-Пикчу с одним только рюкзаком.

Когда собираешься замуж?

Не знаю... Мне всего двадцать один.

Сколько хочешь детей?

Что? Вы же знаете, что это не я выхожу замуж?

Затем пришло время для выступлений. Джеймс и Джоли (да-да, у мамы точно случилась тахикардия от всевозможных вариантов монограмм) попросили, чтобы члены семьи сказали свои тосты на репетиционном ужине, а не на свадебном приеме, поэтому, когда все расселись и поели, я отодвинула свой стул, подняла фужер с шампанским и постучала по нему ножиком для масла. Преуменьшением было бы сказать, что я немного нервничала, а уж что было после того, как я разбила флюте тем самым ножом и облилась шампанским...

Все ахали от ужаса, пока я смахивала брызги шампанского со своего платья.

— Ну, похоже, что эти репетиции — хорошая идея, — хихикнула я. — Завтра, во время свадьбы, я не стану стучать по стеклу, прежде чем произнести тост.

Все засмеялись, а ко мне бросился служащий, чтобы помочь навести порядок. Именно тогда в маленькой комнате загородного клуба Далласа я встретила с Эйденом взглядом. Он улыбался, хотя и едва заметно. Лишь правый уголок его рта был приподнят, давая мне понять, что он мне сочувствует, а не забавляется над ситуацией. От столь пронзительного взгляда по спине пробежали мурашки.

Я не совсем помню свою речь. Наверняка это была россыпь неловких и трогательных историй о моем детстве, когда Джоли играла роль идеальной (действительно идеальной) старшей сестры, в сочетании с шуточными предупреждениями Джеймсу о том, во что он ввязывается. Как и моя мать, Джоли может быть весьма требовательной. После тридцати она никогда не выходила на публику без макияжа. Сколько я себя помню, она выбирала имена своим детям. Ей необходимо все перевязать лентой и сделать бант, повесить венок на каждой двери, поставить цветок в каждую вазу. Если честно, я думаю, что плакала она не из-за моей милой речи, а потому что брызги того шампанского попали на фамильную скатерть нашей бабушки, которой покрыли в тот вечер столы.

Какой бы ни была моя речь, Эйден меня поддержал.

Когда я закончила говорить, мы выпили за жениха и невесту. Тогда он встал, взял ножик для масла и сделал вид, что собирается постучать им о бок своего фужера, затем выдержал паузу, как будто раздумывал над этим, прежде чем положить его обратно. Все засмеялись, включая меня. Затем — я никогда не забуду эту деталь до конца своей жизни — чтобы подтвердить, что это была шутка, он подмигнул мне с другого конца зала и только потом переключил внимание на брата.

Я влюбилась в Эйдена во время его речи, что крайне неуместно, учитывая сидящего рядом со мной Даррена. Но я не особо себя за это упрекаю. Эйден — журналист (чего я в то время не знала), так что если кто-то и мог произнести забавную, но пронзительную речь на репетиционном ужине, то это он. Он поведал, как они с Джеймсом отправились в поход по лесу. Эйден растянул лодыжку, выбираясь из оврага, и Джеймсу пришлось нести его до машины, но так как Эйден намного выше, Джеймс в итоге упал и тоже подвернул лодыжку. Они ковыляли обратно к автомобилю, проклиная лес и давая клятву никогда больше не ходить в походы. Все гости были в слезах от смеха, слушая этот рассказ. Кажется, в какой-то момент Даррен попытался привлечь мое внимание, но я отбросила его руку.

Следует отметить, что мы с Эйденем очень мало общались в тот уик-энд. Конечно, на следующий день мы вместе шли к алтарю (он выглядел отпадно в черном смокинге) и

позировали для фотографий с остальными членами наших семей, но другого общения у нас не вышло. Мне пришлось переключиться на Даррена, а время Эйдена было монополизировано целой толпой женщин. Я обнаружила, что выискиваю его взглядом во время приема, желая знать, что он делает и с кем разговаривает. Я выяснила, что он был на несколько лет старше меня и холост, но я жаждала большего.

После подачи основного блюда ко мне подошла свадебный организатор и наклонилась, чтобы тихо переговорить со мной.

— Когда Джозеф и Джеймс закончат свой первый танец, диджей попросит гостей присоединиться к ним на танцполе. Я бы хотела, чтобы вы с Эйденем вышли первыми.

— Но...

Я взглянула на Даррена, и она проследила за моим взглядом.

— Вы не возражаете, да? — мило уточнила она у моего спутника.

Даррен решительно покачал головой.

— Вообще нет.

Я посмотрела на Эйдена, точно определив несколько минут назад его местоположение в зале, и была удивлена, обнаружив, что он за мной наблюдал. Когда наши взгляды встретились, он пожал плечами, как бы говоря: «Я в деле, если ты согласна».

После этого я едва могла переварить свой ужин.

Танцы!?

Умела ли я вообще это делать?!

— А теперь встречаем первый танец жениха и невесты, — некоторое время спустя объявил слащавый диджей через громкоговоритель, и я огляделась в поисках коричневого бумажного пакета, в который можно было бы блевануть.

Я чуть не сыграла в ящик. Мне предстояло танцевать с Эйденем и выглядеть так, как будто это было совершенно нормально.

— Ты в порядке? — спросил Даррен, догадавшись о моем надвигающемся приступе психического расстройства. Он наклонился, чтобы взять меня за руку и успокоить, но я отдернула ее прежде.

— В порядке, — проямлила я, вытирая влажные ладони о платье подружки невесты от кутюр.

Я была всецело поглощена попытками придумать темы для разговора с Эйденем на танцполе.

Что ты ел на ужин? Курево или рыба? Курево?! О боже мой. Нет, я не ем сигареты, клянусь. Я про курицу. Ты выбрал курицу или рыбу?

Да я даже в своей голове не выглядела крутой!

Я не поняла, что Эйден подошел ко мне, пока его рука не коснулась моего плеча.

— Мэдди? Ты готова?

Я так быстро вскочила со своего места, что заехала Даррену локтем в нос. У него пошла кровь, и ему пришлось бежать в уборную, чтобы не испачкать костюм.

— Полный отпад! — вздохнула себе под нос.

— С ним все будет в порядке? — спросил кто-то.

— Да, с ним все будет в порядке, — уверила я, не желая подвергать опасности свой танец с Эйденем.

Я случайно взглянула на него и увидела такую же улыбку на его лице, как и прошлым вечером — как будто я была самым забавным человеком в зале.

— После разбитого бокала шампанского и носа твоего кавалера ты кажешься настоящей бедой на ножках, знаешь об этом?

Я побледнела.

— Если ты не хочешь танцевать со мной, то нам не обязательно...

— Все в порядке. Пошли, я могу за себя постоять.

Я обошла свой стул и позволила Эйдену вести меня к танцполу.

— Клянусь, обычно я более собрана.

— Разумеется. Меньшего я и не ожидал, — сказал он, взглянув на мое платье.

Я нахмурилась.

— И что это должно означать?

— О, девушка из Хайленд-парка... Я уверен, что ты брала уроки этикета с семи лет и тому подобное. Держу пари, ты умеешь грациозно ходить со стопкой книг на голове.

— Чтоб ты знал, моя мама начала давать мне уроки поведения на званых ужинах с пяти лет, а не семи, премного благодарна. Если у тебя когда-нибудь возникнут сомнения по поводу того, какую вилку использовать на государственной встрече, можешь обращаться.

Он засмеялся и покачал головой.

— Но знай, я не только это, — продолжила я, чувствуя, что была обязана это сказать.

Эйден молча смотрел на меня, словно не собирался поверить мне на слово.

Когда мы приблизились к краю танцпола, ди-джей заметил нас и объявил, что остальные присоединятся к жениху и невесте. Эйден даже не стал дожидаться моего окончательного согласия — просто взял и заключил меня в свои объятия.

Мы отлично смотрелись вместе. Он не полностью подавлял меня с моим ростом метр семьдесят. Лишь немного.

Одной рукой Эйден обхватил меня за талию, а другой держал за руку. Он повел меня по танцполу с уверенной грацией, спросив, не против ли я покружиться, после чего развернул меня, а затем снова прижал к себе. Я засмеялась и попросила повторить. Что он и сделал. Когда моя грудь вновь его коснулась, я подняла глаза и увидела, что он наблюдал за мной.

Понял ли он, как легко мы двигались вместе? Как это было весело?

Потом я представила, как Даррен засовывает туалетную бумагу в нос, и взяла себя в руки.

Прочистив горло, я спросила:

— Так чем ты занимаешься?

Он сказал мне, что он журналист.

— В самом деле? Это потрясающе!

Эйден криво усмехнулся.

— Не могла бы ты сказать об этом моим родителям? Они продолжают умолять меня вернуться в аспирантуру и найти «нормальную» работу.

— Пф-ф. А что считается «нормальной» работой?

— Вероятно, что-то вроде того, чем занимается Джеймс.

Он махнул головой туда, где Джеймс с моей сестрой танцевали, медленно двигаясь и глядя друг другу в глаза. В отличие от них, мы дважды обошли танцпол благодаря Эйдену.

— Разве он не работает в области корпоративного права? Какая скука, — поддразнила я.

Эйден улыбнулся, оценивая меня.

— Знаешь, я вчера ошибся насчет тебя.

— О, да?

Он кивнул.

— Полагаю, это произошло из-за твоего внешнего вида. Ты напоминала свою сестру. — Его улыбка померкла, как будто он понял, что, возможно, обидел меня. — Неправильно выразился. Она отличная. Я рад, что она и Джеймс нашли друг друга.

— Можешь не объяснять, — вставила я с улыбкой, которая, надеюсь, смягчила его чувство вины. — Скажем, они с мамой очень похожи, так что твое ошибочное впечатление вполне логично. В эти выходные я не чувствую себя собой. Волосы и мейкап... Я немного другая...

— Могу я украсть Мэдисон?

Это был Даррен. Даррен, милый парень, с которым я встречалась два месяца. Даррен — парень мечты до моей встречи с Эйденом. Какой унижительный момент — выйти из объятий Эйдена и перейти к Даррену. И почему Эйден оказался таким джентльменом? Почему он не стал угрожать телесными повреждениями, отказываясь отпустить меня?

Остаток ночи прошел скучно. Я могла поклясться, что видела, как Эйден уходил с красивой девушкой из сестринства Джоли. После этого я съела два куса торта и спряталась в углу, слушая разглагольствования моей тети о теориях заговора, прочитанных в Интернете.

Не следует использовать микроволновые печи! Но, ради всего святого, если ты это делаешь, обязательно отойди в другой конец комнаты. Эти волны поразят твой мозг!

В воскресенье утром, после прощального завтрака, я стояла у отеля и ждала, когда Даррен подгонит свою машину. Все это время я пыталась придумать, как бы по-тихому порвать с ним. Не из-за Эйдена, нет, а потому, что уже какое-то время наши отношения медленно шли под откос, и я не видела с ним будущего.

Я услышала, как кто-то окликнул меня по имени, и когда обернулась, то с удивлением обнаружила выходящего из вестибюля Эйдена с чемоданом, который заслонял собой раннее утреннее солнце.

— Уезжаешь? — спросил он, как будто мы были старыми друзьями.

— Ага. Пора возвращаться домой.

Меня ужасно взволновала эта встреча, наверно потому, что я смирилась, что мы больше не увидимся. Теперь у нас появился шанс! Мы ведь могли подружиться? Обменяться номерами? Влюбиться раз и навсегда?

— Где ты живешь?

— Здесь... в Далласе. Хотя не знаю, сколько еще здесь пробуду. Я только что окончила университет штата Техас и прохожу собеседование на должность в Остине.

Его брови взлетели вверх.

— Серьезно? Я там живу.

— Быть такого не может! Очень удачно.

Он ухмыльнулся.

— Да, если ты все-таки приедешь и тебе понадобится, где остановиться, дай мне знать. Мой сосед по комнате только что съехал.

Несколько недель спустя я позвонила ему.

Мэдди

На следующее утро после подушко-подставы я ем хрустящий тост с корицей за столом, проходя лабиринт на обратной стороне коробки с хлопьями. В этот момент Эйден выходит из своей комнаты без футболки.

Ненавижу, когда он так делает.

Любоваться его мускулатурой просто невыносимо. *Довольно! Все понятно! У тебя ТВЕРДЫЙ ПРЕСС. А у некоторых из нас его нет, поэтому, пожалуйста, перестань тут красоваться.*

Моя розовая подушка у него под мышкой.

А вот сейчас он действительно делает из меня идиотку.

— Хорошо спалось? — спрашиваю я.

— Сном младенца, — хмыкает он, почесывая щетину. Позднее Эйден побреется. Но в душе я молю его не делать этого. Всего один день. Только для меня. — На самом деле я даже рад, что ты отдала Келли мою подушку. Давно пора было ее заменить, и эта идеально подходит по всем параметрам.

Эйден гладит мою подушку, словно любовницу.

— Ну, я надеюсь, тебе хватило, потому что, как только ты уйдешь на работу, я заберу ее обратно.

— Отлично. Если ты это сделаешь, я возьму ее, когда ты будешь спать.

— Ты не посмеешь, — смертельно серьезным тоном возражаю я.

— Еще как посмею. Ты закончила с этим лабиринтом? Что-то долго возишься.

Я вновь смотрю на коробку с хлопьями.

— Это трудно. Мне кажется, он для подростков.

— Там черным по белому написано, что он предназначен для детей в возрасте от трех до пяти лет.

Я щурюсь, как будто не вижу больших жирных букв.

— Уверен?

Эйден забирает у меня коробку с хлопьями и насыпает в свою миску. Затем достает вареные яйца и делает протеиновый коктейль, который выпьет через трубочку.

— Что в списке дел на сегодня? — спрашивает он, усаживаясь напротив меня.

Так мне приходится справиться с главной трудностью — отвести взгляд от его обнаженной груди.

Я сосредотачиваюсь на завтраке.

— Сначала меня ждет беседа о дресс-коде на рабочем месте, а затем я попытаюсь встретиться со своим новым боссом и поговорить о моем будущем в компании. Пожелай мне удачи.

— Тебе не нужна удача. Ты ценный сотрудник, им повезло, что ты работаешь у них.

Это верно! Им повезло!

Два года назад я получила диплом специалиста по коммуникациям, предполагая, что перееду в Нью-Йорк, буду работать в модном рекламном агентстве и подружусь с детьми Анджелины Джоли. Как-то так. Но я струсила и осталась в Техасе, переехав лишь на три часа южнее того места, где провела всю свою юность. Кому-то может показаться, что мне не

хватает духа приключений, но вы бывали в Нью-Йорке? Это дерьмо не для всех. Я бы не смогла спокойно наблюдать, как передо мной по тротуару снуют крысы. Нет. Паразиты Техаса хотя бы знают, что нужно прятаться в кустах, пока я не уйду.

К сожалению, пребывание здесь ограничивало меня в плане работы. Пускай я и тружусь в рекламном агентстве, но только офис-менеджером. Устраиваясь, я посчитала это хорошим способом начать карьеру. И даже не подозревала, что, окрестив себя администратором, трудно получить повышение.

Но мне нравится жить в Остине. Здесь проживают самые разные люди. А зеленые зоны для пешеходных прогулок и потрясающий вид на холмистую местность прямо за пределами нашего кондоминиума впечатляют. Как и потрясающий вид на Эйдена, подносящего ложку с хлопьями ко рту.

— Что? — спрашивает он из-за того, что я на него таращусь.

— У тебя молоко на лице, — вру я, отодвигаясь от стола.

Вы могли бы подумать, что мое увлечение им давно сошло на нет. Мы живем вместе два года! Он случайно услышал, как я пукнула, когда я предположила (ошибочно), что сделаю это бесшумно. Я случайно увидела его голым и выжила, чтобы рассказать эту историю. И эта «история» очень длинная. Очень. *Хлопаю ресницами.*

Я не предполагала, что совместное проживание заладится.

Это казалось странным.

Мои родители не были в восторге.

Спустя несколько недель после свадьбы моей сестры я собрала свои вещи, чтобы отправиться в Остин.

— Почему ты не можешь жить с одной из своих подружек из колледжа? — негодовала мама. — Или я уверена, что у Джоли полно знакомых в Остине. И кажется у Дины из моего клуба там живет дочь. Почему бы нам не попытаться вас свести?

Я не хотела ничего слушать. Я приняла решение в ту минуту, когда позвонила Эйдену. Это был короткий обмен репликами. Он работал и не мог долго разговаривать. Я поинтересовалась, ищет ли он соседа по комнате. Эйден искал. Я спросила, не против ли он, если им буду я. Он поставил условие — я не должна разбивать фужеры в квартире. «Никаких дзынь-дзынь»... вот такая договоренность.

— Мама, Эйден предложил мне жилье, отказываться глупо. Расположение отличное. До моей новой работы всего десять минут пути, и мы знаем Эйдена. Он брат Джеймса. Если я не могу доверять ему, то кому тогда доверять?

Мой отец вызвал меня на беседу и заставил поклясться, что я буду запираеть дверь своей спальни каждую ночь. Они явно считали, что Эйден растерзает меня по прибытии. *Эй! Это моя мечта, люди!*

Но зря они беспокоились.

Я до сих пор помню день, когда я появилась на его пороге с сумками в руках. Стоило мне постучать в дверь — ее открыли. Девушка.

— О, привет, чем могу помочь?

Она смотрела на меня так, словно мечтала скинуть с лестницы.

— Привет, эм... — Я сделала шаг назад, чтобы рассмотреть цифры на двери. — Эйден живет здесь?

— Да... — протянула она. — Он в душе.

— Ох, хорошо. Без проблем. Я его новая соседка по квартире.

— Соседка по квартире?

Я поправила ремень на сумке, чтобы распределить вес на плече. Она заметно потяжелела.

— Ага. Могу я?..

Я жестом попросила ее открыть дверь и впустить меня, но она этого не сделала.

— Позволь я сначала уточню у Эйдена, — бросила девушка с улыбкой, которая больше походила на насмешку.

Круто! Я запросто поторчу здесь со всеми своими сумками! Не беспокойся!

Она исчезла, захлопнув дверь перед моим носом. Я ожидала, что девушка вернется через несколько минут, но чуда не произошло.

Я постучала в дверь, но на этот раз никто не ответил.

Дерьмо. И что мне теперь делать?!

Потом я вспомнила, что у меня есть номер телефона Эйдена, и позвонила ему.

Он ответил достаточно быстро.

— Мэдди, привет. Едешь?

— Ага, на самом деле стою у твоей квартиры. Я попросила твою девушку впустить меня, но кажется, она... э-э... забыла обо мне.

Он выругнулся себе под нос, а затем связь оборвалась. Секунду спустя я услышала топот шагов по полу. Входная дверь распахнулась. Эйден стоял с влажными волосами и в облегающей черной футболке.

— Она не сказала мне, что ты здесь.

— Упс! Так и знала, что что-то забыла, — запричитала та у него за спиной, но в ее голосе не было ни капли раскаяния.

Эйден поднял мои сумки и даже снял одну с моего плеча. Я вздохнула с облегчением, направив благодарную улыбку в его сторону, и вошла внутрь.

— Итак, — начал он, оглядываясь на меня с улыбкой, — это кухня, а там гостиная.

— С этим разобрались, — рассмеялась я.

— Ха, отлично. Пойдем, я покажу тебе твою комнату. Она напротив моей через гостиную.

— Эй-ден, — промурлыкала девушка. — Я умираю с голоду. Ты предлагал где-нибудь поужинать.

Ее надутые как у ребенка губы действовали мне на нервы, и на нервы Эйдена тоже. Он встретился со мной взглядом и шутливо закатил глаза. Я заговорщически улыбнулась ему.

— Ладно, — раздраженно простонала она. — Я буду внизу, в машине. Жду.

Затем вылетела из квартиры.

— Твоя девушка? — спросила я, пытаюсь придать своему тону непринужденность.

— Даже не близко, — заверил он меня.

О, слава богу.

Он открыл дверь в мою комнату, и мы вместе вошли внутрь.

Как он и говорил, там стояла кровать, но больше ничего.

— Ты на машине? — спросил он.

Я покачала головой. Я прилетела из Далласа и на такси добралась до кондоминиума.

— Нет. Она староватая и ненадежная. Родители предложили мне взять другую машину, но я решила, что буду гулять пешком, раз приехала в такое красивое место.

— Да, все будет в порядке. Если что, я могу одалживать тебе свой внедорожник. Тебе

наверняка захочется съездить за какими-то мелочами, чтобы чувствовать себя как дома.

Я обвела взглядом скудно обставленную комнату.

Дом.

Верно.

— Вон там у тебя своя ванная комната, — продолжил он, указывая на дверь напротив кровати, — а в коридоре рядом с кухней стоит стиральная машина и сушилка.

В руке Эйдена завибрировал телефон, и на его лице промелькнуло раздражение.

— Дальше я сама разберусь, — заверила его я, ободряюще подняв большой палец. — Мне в любом случае потребуется время, чтобы разобрать вещи и обустроиться.

— Отличный план. Извини, мне нужно бежать, — сказал он, пятясь к двери. — Обещаю загладить свою вину. Ты любишь пиццу?

— Терпеть не могу эту дрянь. — Он выглядел таким ошеломленным, что я рассмеялась. — Я шучу. Все любят пиццу.

Его улыбка увеличилась в десять раз.

— Точно. Закажу нам чуть позже. Отпразднуем твой приезд.

Хотела ли я, чтобы Эйден встречал меня, полностью и беззаветно влюбленный в меня? Еще бы. С другой стороны, как я могла обвинять его в том, что он встречался с кем-то? В конце концов, когда мы виделись в последний раз, я была с Дарреном. Эйден-то не знал, что я рассталась с парнем после свадьбы. Он-то не знал, что я с нетерпением ждала переезда в Остин не только чтобы начать самостоятельную жизнь после колледжа и получить новую интересную работу, но и потому, что втайне хотела узнать его получше.

Позже вечером он принес домой пиццу, как и обещал, а на следующий день, когда я попросила одолжить мне автомобиль, чтобы съездить в ИКЕЮ за комодом, он вызвался пойти со мной.

По дороге мы остановились на барбекю, и с тех пор мы с Эйденем стали не разлей вода.

У родителей не было повода переживать. За те два года мы не целовались и не прикасались друг к другу в сексуальном плане. Он не приглашал меня на свидание, не смотрел с тоской в мои глаза, не говорил о любви и не пытался соблазнить меня. Я видела его голым лишь раз, и то из-за того, что я рано вернулась с работы, а он оставил дверь в свою комнату открытой, потому что не ждал меня. Досадное недоразумение.

Но хотя Эйден и не приставал ко мне, он далеко не святой. За те два года, что мы прожили вместе, я видела его с другими женщинами. Большим количеством женщин. Творческими личностями. Застенчивыми книжными червями. Спортивными инструкторами по йоге. Более того, не все были красивыми — он не такой поверхностный. Большинство из них были забавными и классными, и это одна из причин, по которой я впускаю их, когда они стучатся после расставания.

Со вчерашнего вечера я думала о словах Келли, что они с Эйденем расстались несколько месяцев назад. Я и не подозревала, что с тех пор Эйден был одинок. Это, конечно, рекорд.

— Ты сейчас с кем-нибудь встречаешься? — выпаливаю я, ополаскивая миску с хлопьями в раковине.

Он качает головой, сосредоточившись на своем завтраке, так что я могу видеть только его затылок.

— Нет.

— Давно уже?

Он пожимает плечами.

— Я не считаю дни.

— Первый раз у тебя нет постоянной девушки.

— То же самое можно сказать и о тебе.

Это меня поражает. Из нас двоих именно я не закиваю на отношениях. Так и есть!

— Что? У меня не часто бывают свидания.

Он оборачивается и вскидывает бровь.

— У тебя было три парня с тех пор, как ты переехала из Далласа.

— Парня?! Я не встречалась с ними. Мы просто ходили на свидания, — настаиваю я.

— Да, вот только они думали иначе. Ты забываешь, что я по-прежнему работаю с

Коулом. И он постоянно спрашивает меня о тебе.

Я стараюсь не вздрагивать.

— Точно. Я надеюсь, что у него все хорошо. Он милый.

— У него все в порядке, — хрипло отвечает Эйден.

— Итак, давай еще раз проясним, в данный момент ты не встречаешься ни с одной девушкой?

— Почему ты так шокирована этим?

Потому что так и есть!

Эйден встает из-за стола, берет свою миску и присоединяется ко мне у кухонного островка. Я стою у раковины, поэтому ему приходится приобнять меня, чтобы поставить свою миску. Мы слишком близко, его волосы взлохмачены, на щеках утренняя щетина, его обнаженный пресс соприкасается с моим телом... Это слишком, чтобы я держала себя в руках.

— Тебе нравится думать, что я какой-то бабник, — говорит он в опасной близости от моих губ, — но давай начистоту: я встречался со многими, а вот ты водишь парней за нос.

У меня отвисает челюсть.

— Ага, — продолжает он. — Ты держишь их возле себя просто ради забавы. На крючке. Завлекаешь их, чуть отпускаешь, дразнишь наживкой, пока они прочно не цепляются, а затем, — Эйден щелкает пальцами, — ты их бросаешь.

— Неправда.

— Даррен, — он начинает перечислять имена в качестве доказательства.

— Это другое.

— Илай.

— Нет.

— Коул.

— Окей. — Я поднимаю руку и пытаюсь оттолкнуть Эйдена от себя, но он не двигается с места. Похоже, все эти протеиновые коктейли делают свое дело. Я бросаю попытки сдвинуть его и со вздохом опускаю руку. — Я понимаю твою точку зрения, но, может быть, я просто пытаюсь найти того самого? А для этого я должна ходить на свидания!

— Меня этим не проведешь. Если бы это было твоей целью, ты бы выбирала парней из своей лиги.

— Моей лиги?

— Да. Ты приводишь парней, которые лебезят перед тобой. Они милые, но немного туповатые. Половина из них не поняла бы шутки, если бы она укусила их за задницу.

Ладно, теперь я разозлилась. Останься в моей миске хоть капля молока, я бы надела ее

на голову Эйдена.

— Ты ошибаешься.

— Не кипятись.

— Слишком поздно, приятель! — Я прохожу мимо Эйдена к столу и хватаю свою подушку со стула.

— Мэдди, — на грани мольбы тянет он.

— Ничего не хочу слышать, плейбой! В следующий раз держи свои теории отношений при себе!

— Ты первая начала!

Я иду в свою комнату, хлопаю дверью, засовываю подушку в укромное место под кроватью и начинаю собираться на работу. Я фыркаю и пыхчу от раздражения. Эйден не имеет права анализировать мои отношения. Мне можно, но это другое — мое любопытство во имя любви. Да. Он не знает, каково это — жить со своим лучшим другом, есть и спать под одной крышей каждую ночь, питая к нему тайные чувства. Он не знает, как мучительно просыпаться воскресным утром и видеть на общей кухне девушку в одной из его рубашек, с довольной улыбкой на лице. Он не знает, что я держу Илая, Коула и всех остальных возле себя, потому что это лучше, чем абсолютное одиночество, лучше, чем тонуть в чувствах к лучшему другу. Свидания отвлекают. Разумеется, мне бы хотелось, чтобы кто-то из этих парней стал для меня чем-то большим, но этому никогда не бывать. Не тогда, когда Эйден так близко. Не тогда, когда от него перехватывает дыхание.

Мэдди

— В заключение хотелось бы добавить, что на рабочем месте нужно быть во всех этих предметах гардероба, а не в одном из представленных. — Я стою в конференц-зале и указываю на плакаты. Я лично занималась их выбором и склейкой. Первый информирует, «ЧТО НОСИТЬ», а другой — «ЧТО НЕ НАДЕВАТЬ». Если вы думаете, что подобные материалы не нужны взрослым людям, значит, вы никогда не работали в отделе кадров. Для плаката «МОЖНО НОСИТЬ» я подобрала такие вещи, как рубашки на пуговицах, джинсы майки-поло, блузки, туфли на плоской подошве и кроссовки. На другом плакате — купальники, шлепанцы, топы, платья для ночных клубов... такое я замечала на людях в этом офисе.

— Итак, у кого-нибудь остались вопросы?

Десять рук взлетают в воздух.

Чёрт побери. Это... настораживает.

Что может быть непонятного для целой десятки?

Я начинаю отвечать на вопросы.

Первое недовольство исходит от старого доброго Джо. Еще ни разу он не посетил мою презентацию, не рассказав о своих проблемах.

— Да, все понятно, хорошо, но у меня есть заключение от врача, где говорится, что мне разрешено носить шлепанцы на рабочем месте из-за грибка на пальцах ног.

Великолепно. Просто великолепно.

— Давай поговорим наедине, — предлагаю я, прежде чем дать слово кому-нибудь еще.

— Мне кажется, здесь намекается конкретно на меня, — говорит женщина в красном облегающем платье, которое жутко напоминает платье с плаката «НЕ НОСИТЬ». *Унс.*

Я улыбаюсь и качаю головой.

— Никаких намеков. Эта встреча — всего лишь обычное напоминание, чтобы мы вспомнили, какая одежда подходит для работы, а какая — нет.

Еще одна рука взмывает в воздух. Это Дэн, один из наших редакторов. Я считаю его довольно симпатичным: высокий и долговязый, с короткими рыжими волосами и беззаботной улыбкой. Он — любимчик офиса, потому я уверена, что если он задает вопрос, то только для того, чтобы снять напряжение.

— Дэн?

— У меня возник вопрос насчет кроссовок, — говорит он, указывая на мой плакат с разрешенными предметами гардероба.

— Слушаю, — решаюсь я, стараясь не улыбаться.

— Приемлемы ли синие кроссовки? — спрашивает он с серьезным видом. — Потому что на плакате белые.

Я проигрываю битву и выдаю улыбку, хотя и слабую.

— Да.

— Черные?

Я вот-вот расхожусь во весь голос и выйду из образа.

— Да.

— А как насчет синих кроссовок с черными полосками?

Теперь все смеются.

Я завершаю встречу. Все расходятся, ненавидя меня немного меньше, чем до шуток Дэна. Моя работа, мягко говоря, интересная. Я работаю в рекламном агентстве «Зилкер Креатив». Нас всего сорок человек, поэтому, хотя моя официальная должность офис-менеджер, на деле я выполняю работу отдела кадров, контролирую чистоту обеденной зоны и выношу мусор, потому что больше никому. Вдобавок ко всему, при каждом удобном случае, я помогаю руководству.

Дэн — один из классных ребят, которые работают в «Зилкер». Он пытается немного облегчить мою жизнь, и это не остается незамеченным.

— Отлично сработано, — говорит он мне, когда я снимаю свои плакаты.

Я самоуничижительно пожимаю плечами.

— О, спасибо. Знаешь, невозможно угадать, как пройдет очередная встреча. Мне показалось, что все потеряно, когда я слово в слово перечитывала дресс-код компании.

Он прячет руки в карманы и пожимает плечами.

— Трудная аудитория.

— Мне ли не знать, — хмыкаю я.

Он улыбается и кивает мне на прощание, после чего уходит за остальными. Зал я покидаю, чувствуя себя немного менее дерьмово.

После собрания мне нужно сходить на третий этаж, чтобы представиться новому главному креативному директору. Сегодня ее первый рабочий день, и я хочу произвести хорошее впечатление. Возле ее кабинета я перекладываю свои плакаты под левую руку и осторожно стучу.

— Элиза, у вас есть минутка? — спрашиваю через дверь.

— Конечно, конечно! Заходите!

Расправив плечи, я открываю дверь и через мгновение встаю как вкопанная.

Элиза лежит на массажном столе лицом вниз, а мужчина в свободном льняном наряде растирает ей поясницу. Она прикрыта простыней, но все равно совершенно очевидно, что под ней ничего нет.

— О, э-э... — Я гуманоид, у которого сбилась программа. Я делаю шаг вперед, назад, оборачиваюсь, смотрю в потолок, на пол, затем, наконец, семеню к двери. — Простите! Я не знала, что вы заняты. Я могу вернуться позже!

— Чепуха. Дипак почти закончил, а я умею работать в режиме многозадачности. — Она поднимает голову с массажного стола и смотрит на меня. — Не стой там просто так. Заходи и рассказывай, зачем ты здесь.

— О, ну что ж... Я просто хотела представиться, — бормочу я, теребя свои плакаты.

— Само собой. Зачем тогда еще ко мне приходите? — Она смеется над своей шуткой. — Как тебя зовут?

— Мэдисон Лейн. Я здесь офис-менеджер.

Она хмурится, как будто эта информация ей не по нраву.

— Кто по собственной воле хочет работать офис-менеджером?

Ее откровенность застает меня врасплох.

— Эм... ну, когда я размещала свое резюме, это была единственная вакансия в компании.

Она мычит.

— Это твоя мечта? Организовывать работу в офисе?

— Я... получаю от этого удовольствие.

Она взмахивает ладонью, и Дипак отходит. Заворачиваясь в простыню, Элиза садится, чтобы получше разглядеть меня. Я поднимаю глаза к потолку, пока не убеждаюсь, что она достаточно прикрыта тканью. Похоже, мне придется добавить кое-что еще к плакату «НЕ НОСИТЬ» к следующей презентации.

— Дипак, дорогой, ты был великолепен, — благодарит она и отпускает его. — В то же время на следующей неделе?

Он почтительно кивает в ее сторону и, не проронив ни слова, молча покидает комнату.

Элиза блаженно вздыхает.

— Дипак — настоящая находка. Не представляю, что бы я делала без массажиста. Его руки стоят той платы, которую он берет за перелет из Портленда.

Я стараюсь не округлять глаза. *Она каждую неделю вызывает массажиста с западного побережья?!*

Элиза обходит стол и направляется к небольшому холодильнику, который спрятался за листьями фикуса. Достав два готовых зеленых смузи, она протягивает мне одну бутылку.

— Вот, держи. Это сок сельдерея с различными корнеплодами. Сокровище для иммунной системы.

Я принимаю напиток, просто потому что не могу отказать руководителю. После первого глотка мне приходится сдерживать рвотные позывы. По вкусу эта субстанция напоминает грязь. Даже хуже — грязь, смешанную с тухлым мусором.

Моя реакция не остается незамеченной.

— Ты привыкнешь к запаху, — говорит она, махнув рукой. — Это действительно вкусно. А теперь допивай и скажи мне, что ты хотела? Поговорить?

Сейчас она направляется в уборную, предположительно, чтобы одеться, но я могу ошибаться.

— Я зашла, чтобы представиться и сообщить о готовности помочь, если вам понадобится какая-либо помощь в обустройстве.

Кажется, я нервничаю. Что мне делать с этим дурацким коктейлем? Если я его выпью, меня вырвет. Если я его не выпью, то рискую ее обидеть. Может, полить этой гадостью цветок в горшке? Но что, если от этого дерьма фикус погибнет?

— Хм, да, — произносит из уборной Элиза. — Полагаю, я воспользуюсь твоей помощью. Кэсси помогала мне долгое время, но она бросила меня.

— Она осталась в вашей старой компании?

— Нет, разумеется, нет. Она захотела перебраться в Тибет и жить с монахами. Разве я могла ее остановить? Тем более, что именно я познакомила ее с буддизмом. Ты практикуешь?

Она высовывает голову из ванной в момент, когда я ищу мусорное ведро, чтобы выкинуть туда смузи.

Я подпрыгиваю на милую в воздух.

— Практикую? — щебечу я. — Э-э... что именно?

— Буддизм.

— О... я никогда...

— Они называют это практикой, потому что работа над собой не имеет конца. Ты начнешь заниматься йогой со мной во вторник утром на рассвете. Для души это полезно.

— Вау. Эм, неплохо звучит.

Я понятия не имею, что происходит, поэтому просто соглашаюсь со всем, что она говорит. *Мерзкий коктейль? Отлично! Йога на рассвете? Рассчитывайте на меня!*

Судя по всему, она настоящая сорвиголова.

— Итак... с чего начать, — продолжает она, исчезнув в уборной. — Я не хочу видеть тебя в желтом. Это мой самый нелюбимый цвет.

Она возвращается в винтажном черном платье Chanel и леопардовых туфлях на плоской подошве. Браслеты Cartier звенят на ее запястьях. Очки в толстой черной оправе сидят на аккуратном носу Элизы. Она потрясающая и устрашающая одновременно. Я хочу убежать так же сильно, как и приклеиться к месту.

Элиза пронесится мимо меня к своему письменному столу. Именно тогда я замечаю, что в ее кабинете нет ни одного стула.

— У меня нерегулярный рабочий день, — сообщает она, начиная печатать на клавиатуре. — График с девяти до пяти не по мне. Я позволяю своему телу диктовать мое расписание. Посмотри на стены — ты видишь здесь часы? — После того, как я качаю головой, она продолжает: — Это потому, что время — общественные предрассудки.

Я чувствую, что должна записать — никаких часов, ничего жёлтого, — но у меня нет ни ручки, ни бумаги, только корявые плакаты под мышками. Тем временем Элиза продолжает бессвязную обличительную речь, которой, кажется, нет конца и края.

День обещает быть долгим.

~

— За Мэдди и еще один день выживания в этом безумии! — говорит тост Миа, поднимая свое пиво.

— За Мэдисон! — повторяет Блайт.

— Сегодня платит она, — заявляет Миа с дерзкой улыбкой.

— Нет, она не платит, — отказываюсь я. — Но хорошая попытка. Если я выполняю указания нового босса далеко не факт, что у меня будет прибавка к зарплате.

Поскольку сегодня вечер среды, бар «Летающая тарелка» забит. Мы с друзьями сидим в нашей обычной кабинке третью неделю подряд.

Я потягиваю пиво, ерзая на стуле в ожидании прихода Эйдена. Обычно он опережает меня, но не сегодня. Мой взгляд прикован к двери, и у меня перехватывает дыхание, когда я замечаю его.

Он придерживает дверь, пропуская двух девушек. Их освещает желтый свет уличных фонарей снаружи. Улыбнувшись Эйдену широкой улыбкой, одна из них что-то говорит. Вероятно, благодарит за то, что придержал дверь, но потом он кивает головой в сторону нашего столика, и ее улыбка исчезает. Значит, она предлагала ему присоединиться к ним? По некой причине эта мысль меня раздражает. С Эйденем всегда так. Для него мир — кладезь вариантов.

Когда он идет в мою сторону, я опускаю взгляд на свой бокал, делая вид, что не в курсе его прихода, пока он не оказывается у нашего столика.

— Извините, что опоздал, — говорит Эйден, поднимая бумажный пакет, который я раньше не заметила. — Мне пришлось заехать в магазин по дороге.

— Что там внутри? — спрашивает Миа, заглядывая внутрь.

— Подарок для Мэдди, — дерзко улыбается он в мою сторону, прежде чем поставить пакет передо мной.

Внутри я нахожу шоколадные конфеты. Не просто шоколадные конфеты — конфеты

Whitman's Sampler. Они — моя страсть. Когда я была маленькой, бабушка каждое Рождество дарила родителям коробку. Они делились ей со мной и моей сестрой, но нам выдавалось не больше одной конфеты в день. Эйден видел, что время от времени, блуждая по супермаркету, я с жадностью хватаю одну коробочку себе, потому что обладание этими конфетами приносит мне удовольствие.

— В честь чего подарок? — интересуется Блайт.

— Утром мы с Мэдди поссорились, — докладывает Эйден, махнув рукой, чтобы мы с Мией подвинулись. Он садится рядом со мной так близко, что я вынуждена вдыхать его запах. Его аромат — это комбинация дезодоранта, мыла и лосьона после бритья. Я не могу насытиться этим пряным оттенком с нотками сосны. Я глубоко вдыхаю.

— Милые бранятся? — дразнится Блайт.

Я показываю язык, а затем быстро прячу коробку обратно в пакет, чтобы никто не попытался украсть даже одной конфеты. Мои родители могли ими делиться, но не я.

Эйден толкает меня плечом.

— Простишь меня? — спрашивает он, глядя на меня сверху вниз своими светло-зелеными глазами. Его чернильно-черные волосы взъерошены после работы и ниспадают на лоб, ямочки на щеках дразнят меня, и я смягчаюсь.

— Ты прощен.

Блайт прочищает горло, и я отодвигаюсь.

Друзья переглядываются между собой, безмолвно общаясь. Такое происходит часто, если мы с Эйденем вместе. Блайт и Миа обожают загонять меня в угол и спрашивать, есть ли у меня чувства к Эйдену. Я все отрицаю. Всегда. Притворяюсь, что ничего не замечаю. *Это Эйден-то горячий? Какой-какой? Ты думаешь, он мне нравится? Не-е-е-ет.*

Я знаю, что все они обсуждают меня за спиной. Я знаю, они считают меня жалкой, потому что я долгое время в него влюблена и ничего не предпринимаю.

Мои щеки пылают, и я тянусь за пивом. Им не понять. Мы с Эйденем ходим по краю. Он не просто мой лучший друг. Он не просто мой сосед по квартире. Мы не просто связаны через брак наших родственников. Все эти сложные нити образуют самый тугой в мире узел вокруг моего сердца. Что будет, если я получу отказ, обнажив свою душу? Что тогда? Куда это нас заведет?

Мэдди

— Мне пришлось заставить ее примерить платье, более облегающее, и угадай, что?!

Моя сестра замолкает, и наступает продолжительная пауза.

Ох, блин! Она реально ожидает от меня отгадки?

— Оно ей понравилось? — осторожно рискую предположить.

— Оно ей понравилось! — подтверждает Джоли.

Пронесло, учитывая, что я особо не слушала. Я была близка к провалу. Обычно я не игнорирую свою сестру, просто в данный момент она выбрала не самое подходящее время для звонка. Я только вышла из салона красоты, где постриглась, и сейчас возвращаюсь домой. Городская суматоха — настоящий кошмар, так вдобавок мой мозг превратился в яичницу после попыток угнаться за Элизой в течение дня.

Мы созваниваемся с сестрой каждый четверг, чтобы поболтать о том о сем... чушь! Никаких душевных разговоров, лишь Джоли, которая говорит о Джоли.

У нее свой свадебный бутик в Хайленд-Парке, ровно в трех кварталах от нашего дома детства. Она без ума от всего этого, и посетительницы отвечают ей взаимностью. Сомневаюсь, что в Далласе найдется невеста, которая не пойдет в этот бутик за свадебным платьем. Джоли летает в Париж два раза в год на Неделю свадебной моды и гордится тем, что следит за тенденциями. Вера Вонг опубликовала список рекомендованных свадебных бутиков по всей территории Соединенных Штатов, и детище сестры вошло в этот список. Ее бизнес процветает, поэтому у нее полно дел. Я упоминала, что она ждет ребенка? Галочки напротив ее жизненных целей неумолимо проставляются.

Джоли по-прежнему рассказывает историю о женщине и свадебном платье. Мне кажется, я слышала ее миллион раз: приходит невеста, ей нужен определенный стиль, Джоли уговаривает ее «просто примерить» что-то другое, и вуаля — счастливая невеста рассыпается в благодарностях Джоли за то, что та сделала ее свадьбу незабываемой.

Я отпираю квартирную дверь и открываю ее ногой, так как руки заняты вещами Элизы — двумя хозяйственными сумками, которые она попросила меня забрать к себе.

Эйден сидит на нашем диване с карандашом в зубах. Перед ним раскрытый ноутбук. Эйден, часто бывает, работает вместе с коллегами у нас дома для статьи в Texas Monthly. Коул поднимает глаза и улыбается в знак приветствия. Эйден же продолжает печатать — следовательно, он не понял, что я вернулась. Он отрешается от остального мира во время написания. Обычно я нахожу это милым, поэтому немного раздражаюсь от того, что не могу спустить на нем пар.

— Привет, Эйден! Я дома! — кричу вслух для моей сестры.

Эйден перестает печатать и смотрит на меня. Карандаш выпадает из его рта.

Ах да, Элиза заставила меня накраситься сегодня днем во время ее встречи с «Остин Органикс». Это местная косметическая компания, специализирующаяся на растительной продукции. Их команда маркетологов предоставила образцы, чтобы Элиза могла «почувствовать» их бренд. Я отвечала на электронные письма за своим столом, когда она пощелкала перед моими глазами пальцами и велела следовать за ней на эту встречу. Там меня использовали в качестве подопытного кролика, во время чего я переживала, что покину кабинет похожей на клоуна. На деле же все вышло весьма недурно. Помада с пчелиным

воском делала мои губы пухлее, при этом не бесила раздражающей липкостью, а румяна естественно оттенили мои скулы.

Я забыла все это смыть, поэтому сейчас Эйден удивленно хлопал глазами.

— О, прекрасно! — щебечет Джоли. — Эйден дома? Включи меня на громкую связь, хорошо?

Так я и поступаю, и ее бодрый голос разносится по нашей гостиной.

— Привет, Эйден!

— Привет, Джоли, — здоровается он, отложив ноутбук на подушку рядом с собой. Он поднимается с места и идет ко мне, внимательно вглядываясь в мое лицо. По краям его глаз залегли морщинки.

Он останавливается только когда оказывается в футах от меня. Мы оказываемся лицом к лицу, и нас разделяет только мой телефон. Эйден протягивает руку и прикасается к концам моих светлых волос. Судя по всему, это его способ дать мне понять, что он заметил мою стрижку. Что меня немного удивляет, потому что фактически ничего не изменилось — отрезали всего несколько дюймов.

— Итак, мы с Джеймсом планировали приехать в Остин на эти выходные, чтобы повидаться с вами, ребята, — объявляет Джоли. — Я забронировала столик на субботу в «Отоко». Как вам идея?

— Звучит отлично, — говорит Эйден, поймав мой пристальный взгляд.

Я подавляю вздох и закрываю глаза. Ужин обещает быть утомительным.

Когда я поднимаю веки, Эйден все еще наблюдает за мной: его голова склонилась набок, темные брови нахмурились.

Я пожимаю плечами, давая понять, что ничего страшного. Не так уж и сложно проводить время с Джоли и Джеймсом. Разве что самую малость. Я подтверждаю Джоли, что приду на ужин в субботу. Стоит мне закончить с ней разговор, Коул встает и присоединяется к нам, и у меня наконец-то появляется возможность поздороваться с ним.

Мы обнимаемся, что кажется немного неловким, но я не знаю, как еще себя с ним вести. Мы встречались с ним несколько месяцев. Вообще-то, мы даже не целовались, но я не уверена, что Эйден это знает. Он наблюдает за нами, вероятно, пытаясь уловить напряжение или его отсутствие.

— Что в пакетах? — спрашивает Коул.

Я смеюсь и смотрю вниз, где бросила к ногам эту тяжесть.

— Подарки и бесплатные образцы, любезно предоставленные новым руководителем креативного отдела в «Зилкер».

— Там коврик для йоги, — потрясенно замечает он, когда заглядывает внутрь.

— Да, и новенькая форма от Alo Yoga. Кажется, мой руководитель боится, что я буду смущать ее на занятиях, придя в потрепанной майке.

Эйден смеется над моей шуткой.

— Я голодная, а вы?

— Мы собирались заказать пиццу, но потом Эйден принялся писать и совсем меня забросил.

Я бросаю на Эйдена предостерегающий взгляд.

— С гостями так нельзя.

Он проводит рукой по волосам и пожимает плечами, как бы говоря: «Разберись с этим».

— Я умираю с голоду, поэтому вряд ли дождусь доставку, но я могу приготовить

замороженную пиццу, если вы, парни, не против.

Коул кивает и следует за мной к кухонному островку.

— Все отлично. Я могу помочь.

— Она любит готовить, — сообщает Эйден, усаживаясь рядом с нами на табурет. — И будет вредничать, если ты попытаешься встать у нее на пути.

Это правда. Мы с Эйденем разработали систему. Я готовлю. Он убирает. Мы пробовали готовить вместе, но я постоянно бесилась, потому что на кухне хотела все держать под контролем. Но у меня не хватает духу сказать Коулу, что мне не нужна его помощь, поэтому я предлагаю ему открыть бутылку вина.

— Тебе, наверное, не помешает выпить, если ты весь вечер терпел Эйдена.

В ответ на это Эйден наклоняется вперед, опирается локтем на островок, а затем опускает подбородок в колыбель ладони. Его изогнутая бровь как бы намекает, что я хожу по тонкому льду. *Поосторожнее.*

Я показываю ему язык, и Коул смеется.

— Да, эм, ты же знаешь его лучше, чем кто-либо другой. Открыть бутылку красного или белого?

— Она предпочитает белое, особенно летом.

Так и есть. Коул странно поглядывает на Эйдена.

Я решаю это проигнорировать, сосредотачиваясь на разогреве духовки и доставая из шкафа три бокала для вина. Эйден его не любит, но если я налью ему немного, то выпьет. Думаю, он знает, что я ненавижу пить в одиночестве, поэтому вливает в себя глоток-другой.

— Итак, как твои дела, Мэдди? — спрашивает Коул. — Ты выглядишь великолепно.

Я хихикаю — меня поставили в неловкое положение.

— Ох, спасибо за комплимент. На мне демонстрировали новую косметику, и у меня не хватило времени смыть ее.

Я не могу заставить себя посмотреть на Эйдена, хотя отчаянно хочу знать, что он думает обо мне, о макияже и комплименте Коула. Но безопаснее внимать Коулу.

— Встречаешься с кем-нибудь?

Я сразу же вспоминаю вчерашнюю ссору с Эйденем. Мне не хочется возвращаться к этому разговору, поэтому я качаю головой.

— Нет. Что насчет тебя? В твоей жизни появилась та самая девушка?

Он потирает затылок и тяжело вздыхает, как будто задолбался поисками.

— Я зарегистрировался в Tinder, но приложение не особо работает.

— В самом деле? Эйден считает, что мне не стоит его скачивать.

— Потому что ничего хорошо из этого не выйдет, — защищается Эйден.

— Что ты имеешь в виду? Почему? — допытывается Коул.

Я наконец поддаюсь желанию взглянуть на Эйдена. Он смотрит на бутылку вина в руках Коула и словно избегает меня.

— Он так говорит, потому что не хочет, чтобы кучка случайных парней стекалась в нашу квартиру.

— Ты всегда можешь пойти к парню домой, — подсказывает Коул.

Хороший вариант.

— Точно, к тому же, ведь к Эйдену стекаются девушки в нашу квартиру...

— Ты собираешься ее открывать? — спрашивает Эйден, отталкиваясь от табурета, чтобы взять бутылку из рук Коула. Он пытается протиснуться мимо меня, чтобы добраться

до ножа сомелье в ящике, но я не двигаюсь, чтобы пропустить его. Мне любопытно, в каком он настроении.

Когда я не отступаю, преграждая ему путь, Эйден бросает на меня насмешливый взгляд. Я его передразниваю.

Его губы растягиваются в ухмылке, на что я скрещиваю руки на груди.

Эйденоу надоедает мое поведение — он ставит бутылку вина на островок, берет меня за бедра и разворачивает, прижимая меня к стойке напротив. Мне кажется, он не рассчитал силу, потому что звон моей тарелки оглушает тихую кухню. Мое сердце разрывает грудную клетку, а глаза вспыхивают, созерцая его. Руки Эйдена по-прежнему на моей талии.

Между нами натягивается невидимая нить, и клянусь, Эйден собирается что-то сказать мне в присутствии Коула, но затем, покачав головой, поворачивается и берет штопор.

Мне стыдно смотреть на Коула.

Он, должно быть, считает нас странными, и это правда. Такие мы. И пожилая супружеская пара, и совершенно незнакомые люди. Мы так много знаем друг о друге — бзики, привычки, образ жизни, — но я не знаю, какие его губы на вкус. Мне неизвестно каково это, когда он нависает надо мной в кровати и как ощущается прикосновение его рук между моих бедер.

Я позволяю Коулу и Эйденоу вернуться к работе, вынув пиццу из духовки. Сбежав в пределы своей комнаты, я пытаюсь выкинуть Эйдена из своих мыслей. Пространство — мое утешение. Здесь нет упоминаний о нем — ни выбившихся из прически черных волос, ни пустых кофейных чашек, ни заточенных карандашей.

~

Пятница пролетает как в тумане, поскольку я продолжаю свое знакомство с Элизой. Она заставила меня пересесть за небольшой стол, примыкающий к ее кабинету. Теперь у меня шикарный новомодный компьютер и куча кристаллов в определенных местах за монитором.

— Не передвигай их, — предупредила она меня. — Это испортит твою энергетику.

За обедом я случайно опрокидываю один из них на пол. Звук, который он издает, настолько зловещ, что я ожидаю обрушения здания.

С глазами нараспашку я разворачиваюсь к кабинету Элизы, но, к счастью, она разговаривает по телефону, подпрыгивая вверх и вниз на огромном синем фитболе. Облегченно вздохнув, что меня не застали за повреждением ее собственности и моих чакр, я опускаюсь на четвереньки и ползу к кристаллу. Добравшись до него, я аккуратно, словно ценнейшее достояние, поднимаю кристалл на стол, стараясь ни с чем не столкнуться.

Стоит мне подняться на колени, в нескольких футах оказывается Дэн. Его руки на бедрах, а в уголках глаз морщинки. Мое столь компрометирующее положение застает его врасплох.

— Мой кристалл упал, — объясняю я, как будто это имеет смысл для кого-то за пределами Ла-ла-лэнды, где обитает Элиза.

Он указывает на выставку кристаллов на моем столе.

— Тут их еще полно, вряд ли это так важно.

— Элиза сказала, что они помогут выровнять энергетические точки в моем теле. Не прикасайся к фиолетовому, пока не будешь готов стать отцом. Судя по всему, он способствует фертильности.

Дэн делает здоровый шаг в сторону, и я смеюсь.

— Шутка. Понятия не имею, для чего любой из них. Как по мне, это обычные пылесборники, но не говори об этом Элизе.

Дэн поджимает губы, затем указывает подбородком в направлении лифтов.

— Я спустился, чтобы пригласить тебя на обед, но, похоже, с этим у тебя не возникает проблем.

Я опускаю взгляд на свой салат из рукколы, посыпанный тонкими ростками люцерны. Никакой заправки, сплошные сырые корнеплоды — именно в таком виде все употребляет Элиза. Она взяла на себя смелость заказать для меня обед заодно со своим и стояла над моей душой, пока я это не попробовала.

— Вкуснятина, — пискнула я, проглотив волокнистую зелень и пытаюсь сохранить невозмутимость на лице.

Без лишних раздумий я тянусь за сумочкой на спинке моего стула и взмахиваю рукой, чтобы Дэн вел меня на обед.

— Пойдем быстрее. Салат спрячь в штаны, чтобы не осталось следов.

Он смеется и засовывает закрытый контейнер под мышку, а затем мы бежим к лифтам.

— Сколько времени у тебя осталось на обеденный перерыв? — спрашивает он.

— Тридцать минут, потом я должна присутствовать на встрече с Элизой, так что нам нужно поторопиться.

Я так суечусь, будто нахожусь в бегах. Ничего не могу с этим поделать. Как только представлю, что скоро положу в рот настоящую пищу, рот наполняется слюной.

— Любишь Филадельфийский чизстейк? — спрашиваю я Дэна, когда мы запрыгиваем в лифт.

— Не пробовал.

Я хлопаю себя рукой по груди, как будто глубоко оскорблена.

— Сегодня мы это исправим. Приготовься к тому, что сегодня твой мир перевернется.

Когда мы с Эйденем хотим вкусно поесть, то бежим в гастроном Южной Филадельфии. Это одно из наших любимых мест, поэтому меня не удивляет очередь, когда мы туда добираемся.

— Она быстро движется, — уверяю его я, заняв место в конце.

Мое внимание привлекает копна черных волос впереди. Я выхожу из очереди, чтобы убедиться, что это тот, о ком я думаю. Со смехом я качаю головой. Разумеется, мы с ним пришли сюда в один день. Как и у девочек с синхронизированными менструациями, у нас с Эйденем одинаковые пристрастия к еде.

Я уже собираюсь выкрикнуть его имя, когда замечаю, что он поворачивается поговорить с миниатюрной блондинкой. Он поднимает свой телефон и показывает ей что-то на экране, в то время как мой желудок словно наполняется сотней камней. Я будто в замедленной съемке наблюдаю, как она поднимает взгляд и смотрит на него. Полуденное солнце светит сквозь ее волосы, рассеивая свет по прядям.

— Ты там кого-то знаешь? — спрашивает Дэн, заметив мое пристальное наблюдение за Эйденем с девушкой.

— Оу. — Я качаю головой и отступаю обратно в очередь. — Я не уверена. Показалось, что мы знакомы.

Мне хочется убежать обратно в «Зилкер Креатив», но вместо этого я неохотно продвигаюсь вперед. Темная туча опустилась на меня, стоило мне вновь посмотреть на Эйдена и девушку. Они всего на несколько человек нас опережают. Я слышу его смех, и, хотя

его слова неясны, я узнала бы его голос где угодно.

— Итак, как тебе новое место?

— Новое место? — в замешательстве повторяю я.

— Новый стол... Элиза заставила тебя переехать.

Дэн перехватывает инициативу в нашем разговоре. Я пытаюсь отгородиться от Эйдена и вернуть свое внимание Дэну, но это все равно, что пытаться игнорировать рев скоростного поезда, который несется прямо на тебя.

Внутри помещения гастронома очередь очень быстро движется, поэтому я знаю, что наши с Эйденем пути пересекутся. Я понимаю, что мне вновь придется надеть маску храбреца и представиться еще одной девушке. Я делала это раньше, много раз, поэтому не понимаю, почему сегодня это ощущается особо тяжким бременем.

Быстро соображая, я хватаю меню со стойки и выставляю его в нескольких дюймах от своего лица под неестественным углом. Так никто не читает. Разве что люди со зрением летучей мыши.

— Очередь продвинулась, — сообщает Дэн, потому что сама я ни черта не вижу.

Я вытягиваю руку, чтобы нащупать пространство перед собой, не желая опускать меню, и в итоге случайно сталкиваюсь с человеком. Моя попытка сохранить анонимность мгновенно проваливается, потому что мои манеры требуют извинения.

— О, простите! Вам больно?

При звуке моего голоса голова Эйдена резко поворачивается в мою сторону.

Меня разоблачили. Мы находимся по диагонали друг от друга, на небольшом расстоянии.

— Мэдди, — произносит он с легким смешком, словно не верит в свою удачу.

— Эйден?! Что ты здесь делаешь?! — Я делаю вид, что потрясена, так ошеломлена фактом, что мы встретились именно здесь среди всех ресторанов города, что он сразу разоблачает мою игру.

Я бросаю меню обратно и слабо улыбаюсь.

— Вы, ребята, знаете друг друга? — уточняет Дэн, переводя взгляд с меня на Эйдена.

— О, да. Это... — *Мой лучший друг, сосед по квартире, тайная любовь всей моей жизни.* — Эйден, — вяло отвечаю я.

— Привет, я Дэн. Я работаю с Мэдди в «Зилкер», — представляется он, вежливо протягивая руку в направлении Эйдена.

Тот пожимает ее, медленно кивая, как будто пытается соединить точки, но выходит у него это с трудом.

— А кто твоя подруга? — спрашиваю я, наконец заставляя себя посмотреть на девушку. У нее пирсинг в носу и крошечные веснушки, а глаза мутно-серые.

— О, привет. Я Эллисон, — говорит она, очаровательно махнув рукой.

— Она стажер в Texas Monthly, — добавляет Эйден.

— Эйден рассказывает мне, что к чему, — с широкой улыбкой объясняет, глядя на него снизу вверх. Восхищение просачивается из ее взгляда, и у меня сжимается живот.

Мне следовало уйти. Мне следовало придумать оправдание насчет раздраженного кишечника и оставить Дэна здесь, чтобы он пообедал в одиночестве. Остаться было ошибкой.

— Тогда, может, поедим вместе? — предлагает Дэн.

Мы с Эйденем одновременно говорим «нет». Наши взгляды искрятся эмоциями войны.

Почему он сказал «нет»? Я-то так ответила, потому что не хочу терпеть, как Эллисон пускает на него слюни, но как *он* смеет мне отказывать?!

— Мне нужно побыстрее вернуться, — говорю я, виновато пожимая плечами.

— И нам. Крайний срок — пять часов, — подтверждает Эйден.

Очередь движется вперед, и теперь мы стоим бок о бок. Плечо Эйдена касается моего, и я смотрю на него, неуверенная, полностью ли я замаскировала эмоции, скрывающиеся под поверхностью. «Как ты мог?» — спрашиваю я про себя. Как ты мог начать встречаться с другой девушкой?

Я не уверена, сколько еще сил для борьбы во мне осталось. Два года — это долгий срок, дольше, чем я думала, что смогу прожить под одной крышей с Эйденем. Вначале, когда моя влюбленность была слабой, когда я могла в основном ее игнорировать, мне было не так плохо, стоило увидеть его с очередной девушкой. Теперь же страсть раздулась так сильно, что заполнила каждую клеточку моего сердца, так, что каждый удар напоминает мне, что он тот, кого я желаю. Он не должен встречаться с кем-то другим. Он должен быть со мной.

— Увидимся дома? — спрашивает он, протягивая руку, чтобы стряхнуть невидимую пылинку с моего плеча.

— Элиза может задержать меня сегодня допоздна.

— Я подожду.

— Эйден, нам есть чем заняться, — напоминает ему Эллисон. — Коктейли в «Дрискилле», помнишь? Ты сказал, что не отпустишь меня одну.

Прелестно! Великолепно! Что за чудесный разговор! А теперь, если вы меня извините, я отлучусь окунуть голову в унитаз.

Чтобы сохранить лицо, я отворачиваюсь и начинаю разговор с Дэном, встав спиной к Эйдену, пока не убеждаюсь, что они с Эллисон покинули гастронм.

Мэдди

Тук-тук-тук.

Эйден стоит у двери моей спальни.

Сегодня субботнее утро. Я все еще в постели, смотрю в потолок и гадаю, внесут разбитое сердце в список на трансплантацию или нет. Может быть, совершенно новый орган — тот, который не влюблен в Эйдена — даст мне новый старт?

Когда я не отвечаю, он приоткрывает дверь и заглядывает внутрь.

— Эй! — возмущаюсь я, поворачивая голову на подушке. — Я могла быть голой.

— Ты не голая, — сухо замечает он, проводя взглядом по моей груди, покрытой хлопчатобумажной майкой, затем вниз, к одеялу, свернутому на талии.

— Ну, могла бы быть, — парирую я.

— Но... ты не голая, — повторяет он, слегка улыбаясь.

Я вздыхаю и снова смотрю в потолок.

Он входит в мою комнату без официального приглашения и приносит с собой запах свежесваренного кофе. Поставив кружку для меня на прикроватный столик, он просит меня подвинуться.

Я так и делаю, и он, не колеблясь, ложится рядом поверх моих одеял.

Мы вместе тарачимся в потолок, не разговаривая. На расстоянии фута друг от друга.

Я вдыхаю его аромат мытого тела и пытаюсь сдержать слезу, которая норовит скатиться по моей щеке.

Не знаю, как долго мы так лежим, прижавшись друг к другу. Не прикасаясь.

Я считаю лопасти вентилятора над головой. Одно, два... пять... Потом начинаю говорить.

— Как прошла ночь? — спрашиваю, все еще не в силах взглянуть на него.

— Скучно. Я рано ушел.

— Как дела с Эллисон?

Мне нужно собраться с духом, если она сейчас в нашей квартире, в его постели.

Он вздыхает, как будто мой вопрос его утомляет.

— Она всего лишь стажер. Мой босс добровольно-принудительно попросил показать ей окрестности.

Напряжение в моем животе начинает спадать.

— Значит, в квартире ее нет?

— Нет, — почти оскорбленно отвечает он. — Господи. Я ее почти не знаю.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

— А Дэн? — спрашивает Эйден, и мои глаза снова открываются.

— Он мой друг.

Боковым зрением отмечаю, что Эйден понимающе кивает.

Его ладонь скользит поверх одеяла, пока его мизинец не накрывает мой. Я притворяюсь, что не замечаю, но потом Эйден начинает отбивать пальцем ритм по моему ногтю, напевая. Сначала я не могу уловить мелодию. Эйден не самый музыкально одаренный человек, но через несколько секунд я все же улыбаюсь и качаю головой. Он такой дурак. Это песня Chasing Cars группы Snow Patrol. Он смеется над нами.

Я хихикаю, и напряжение в воздухе рассеивается. Сев, я хватаю свои одеяла и бросаю на него весь сверток. Затем соскакиваю с кровати и бегу к кофе, чтобы сбежать с ним. Эйден игриво рычит, и хотя я знаю, что мы просто дразнимся, адреналин выбрасывается в кровь, как будто за мной действительно гонятся. Мне следовало бы оставить кофе и убежать, но его запах слишком соблазнителен, да и я переоцениваю свои способности уклоняться. Едва моя рука касается ручки кружки, Эйден хватается за талию и бросает обратно на кровать. Кружка сдвигается, но ничего не проливается. Я визжу от настоящего страха. Я жмурю глаза, когда Эйден забирается на меня сверху, хватается за запястья и прижимает к матрасу.

Он победил. Ясно.

Я совершенно ограничена в движениях.

Я поднимаю веки, и наши взгляды встречаются. Его глаза зеленые, как мох. Нет, как чешуя дракона.

— Будь милосердным, — срывается с моих губ, но Эйден не двигается.

Его чернильно-черные волосы ниспадают на лоб, несколько прядей закрывают левый глаз, и он крепче сжимает мои запястья.

— Эйден, — молю я, и, как заклинание, это вырывает его из задумчивости. Встав с меня, он идет к выходу из комнаты.

— Я собираюсь на пробежку, — бросает он перед уходом.

Я сажусь на край кровати — сердце колотится в горле, майка съехала набок, а запястья покраснели от хватки Эйдена.

~

Как я и ожидала, «Отоко» шикарный и фешенебельный. Это крошечный ресторанчик в отеле «Южный Конгресс». Бронировать места, чтобы туда попасть, необходимо за три месяца, но Джеймс позвонил другу друга и договорился на столик в этот субботний вечер. На мне короткое черное платье и туфли на каблуках. На прическу и макияж я убила какое-то время, понимая, что этого от меня ожидает Джоли. Эйден выглядит нарядно, но непринужденно в сшитых на заказ брюках и клетчатой рубашке. Он закатал рукава и расстегнул верхнюю пуговицу. Короткие волосы зачесаны назад каким-то воском — так он делает, когда идет на работу или на важную встречу.

Когда я собралась и вышла из своей комнаты, Эйден уже ждал меня на кухне. Мы медленно разглядывали друг друга. В тишине. В конце концов, я бросила что-то насчет того, как хорошо он выглядит. На комплимент он не ответил, но я не особо удивилась. Он молчит с самого утра.

Джоли и Джеймс заехали за нами, и мы вчетвером отправились в ресторан. Вместе мы выглядим немного абсурдно. Джеймс в костюме и галстуке, Джоли в макси-платье до пола и огромных бриллиантовых серьгах. Ощущение, что они собрались на ужин с членами королевской семьи.

Ресторан вмещает всего двенадцать гостей за небольшими столиками. Здесь минимальное количество вещей. Никаких тяжелых произведений искусства или портретов на стенах, никаких вычурных светильников, свисающих с потолка. Мы занимаем свои места, а затем я извиняюсь и отхожу, чтобы воспользоваться туалетом. Может, мне и следовало сделать свои дела до выхода из дома, но я не хотела заставлять всех ждать.

Я огибаю столы и почти добираюсь до уборной, когда чья-то рука хватается меня.

— Мэдисон!?

Я опускаю взгляд и вижу Элизу, которая сидит с тремя другими молодыми женщинами

— все, как и она, одеты так же безупречно в облегающие платья и дизайнерские украшения. Шею одной украшает несколько изящных золотых ожерелий, и мне нравится, как это смотрится.

— Девочки, Мэдисон работает со мной в «Зилкер»! Мэдисон, садись, садись. Ты обязана поужинать с нами.

Я улыбаюсь и здороваюсь с ее подругами, затем киваю в сторону своего столика.

— Спасибо за приглашение, но я уже сижу вон за тем столиком.

Элизе даже в голову не пришло, что я пришла с кем-то.

Она смотрит, куда я указала, и замечает Эйдена, Джоли и Джеймса. Джоли изучает меню, а Джеймс наблюдает за нами, явно гадая, кого я здесь могу знать.

— Кто это? — спрашивает Элиза, очевидно, имея в виду Эйдена.

Прежде чем я успеваю ответить, вклинивается еще одна девушка.

— Кого волнует, как его зовут? Я хочу знать, свободен ли он.

— Разумеется, нет, — отвечает другая. — Посмотри, как он смотрит на Мэдисон.

— Вы вместе? — уточняет Элиза, все еще сжимая мою руку. — Потому что, если нет, ты просто обязана представить меня. Ничего не имею против мужчин помладше. Даже приветствую.

Ее подруги смеются и подталкивают меня к ответу. Возможно, из-за того, как Элис смотрит на Эйдена, или может из-за привкуса ревности во рту после той встречи с Эллисон, я лгу.

— О да, это Эйден. Мы встречаемся.

Мой пульс немедленно учащается. Как только слова слетают с моих губ, я понимаю, что уже слишком поздно брать их обратно.

— Тебе так повезло! — восхищается подруга Элизы.

— Вы такая милая пара!

— Ты должна нас познакомить!

Что?! Нет. Точно нет.

Хотя мой мочевого пузыря — последнее, о чем я сейчас думаю, я использую его как способ вырваться из цепких лап Элизы.

Я морщусь и указываю на уборную.

— Прошу прощения, я шла туда.

— О! — Она отпускает меня. — Конечно. Извини, что задержала. Я постараюсь подойти, чтобы познакомиться с твоими друзьями.

Только через мой труп.

Я прощаюсь с этой компанией и убегаю, жалея, что не могу плеснуть немного холодной воды на лицо, не испортив макияж. Сделав несколько глубоких вдохов, кажется, немного успокаиваюсь, вплоть до того момента, пока не выхожу из туалета и не вижу, что Эйден разговаривает с Элизой и ее подругами.

Что?!

КАК это произошло?

Я спешу к нему, надеясь, что ему еще не сказали слишком много.

— Вы двое так мило смотрите. Идеальная пара!

ПРОКЛЯТЬЕ!

— О! — Элиза замечает меня. — Вот и она. Извини, Мэдди, мы не могли ждать, поэтому позвали Эйдена. Не вини нас за любопытство.

Я хочу провалиться сквозь землю. Я даже не могу посмотреть в сторону Эйдена. О чем, черт возьми, он сейчас думает?

— Как давно вы вместе? — спрашивает одна из подруг Элизы.

Далее следует самое долгое когда-либо зафиксированное молчание.

Мне кажется, что я состарюсь, пока придумаю ответ, который успокоит женщин и предупредит Эйдена о моем вранье.

— Сколько уже? — спрашивает Эйден. — Пять месяцев?

Я резко поворачиваюсь к нему, а мой рот приоткрывается от шока.

— Ого! Значит, у вас все серьезно? — интересуется одна из женщин.

Его губы растягиваются в легкой улыбке.

— Очень.

Элиза и ее подружки охают и ахают из-за очевидного увлечения Эйдена мной, но он просто подыгрывает. Когда мы останемся наедине, мне несдобровать.

Я сглатываю.

— Нам лучше вернуться за наш столик, — говорю я, торопясь закончить этот неловкий обмен репликами. — Похоже, Джеймс и Джоли готовы сделать заказ.

— Было приятно познакомиться, — кивает Эйден, прежде чем взять меня за руку. — Мэдди?

У меня нет выбора — лишь позволить ему обхватить мои пальцы своими. Так бы поступил любой бойфренд, и Эйден играет свою роль до конца.

Сделав несколько шагов, я пытаюсь высвободиться из его хватки, но он крепче сжимает меня и тянет к себе.

— Так мы встречаемся?

Мои щеки пылают.

— Я позже все объясню.

Он хмыкает себе под нос и отпускает мою руку, чтобы это не заметили наши родственники.

— Жду с нетерпением.

На протяжении всего ужина Эйден ведет себя как обычно — очаровательно. Он развлекает нас историями с места событий и не обижается, когда Джеймс пристаёт к нему с вопросами о его будущем и о том, достаточно ли он инвестирует средств, чтобы построить свое гнездышко.

Только когда мы высаживаемся у обочины возле нашего дома, Эйден поворачивается ко мне, его улыбка расплывается, а глаза превращаются в щелочки.

Я скидываю руки и поворачиваюсь, чтобы сбежать к главному входу, но Эйден опережает меня.

— О, позволь мне, любимая, — поддразнивает он, распахивая дверь. — Я бы никогда не позволил своей девушке самой открывать двери.

— Какая прелесть.

— Так, позволь мне отнести твои вещи, — говорит он, пытаясь завладеть моей сумочкой. Я бью его по руке.

— Прекрати это, ладно? Я и так достаточно смущена.

Его улыбка становится шире.

— Прекратить? Я понятия не имею, о чем ты говоришь. Я всего лишь хочу ухаживать за своей девушкой.

Я направляюсь к лифтам, но передумываю и иду к лестнице, чтобы перескакать за раз по две ступеньки и выпустить пар.

— У нас скоро круглая дата, — замечает Эйден позади меня на лестнице.

— Какая дата? Может, ты уже прекратишь?

— О, я только начинаю.

Вот вам и прекрасный пример того, почему я иногда жалею, что мы с Эйденем не живем отдельно. Сейчас бы я пошла в свою квартиру, заперла за собой дверь и забыла о нем, но здесь так не выйдет. Эйден следует за мной по пятам. Я бросаю свою сумочку на кухонный островок и поворачиваюсь к нему, уперев руки в бока.

— Это вышло случайно, окей? — объясняю я, надеясь, что чем быстрее он узнает, что произошло, тем быстрее бросит свои шуточки. — Они спрашивали меня о тебе, твердили и трещали о том, как они хотели бы с тобой познакомиться. — Да! Верно! Теперь повернись к нему лицом! — Если бы я не вмещалась и не солгала, что я твоя девушка, так просто от тебя бы не отстали. Элиза только и говорила, как ей нравятся мужчины помоложе, так что, выходит, я поступила благородно и спасла тебя от этой компании.

— Может быть, — бросает он, прислоняясь спиной к двери и скрещивая руки на груди.

— Может быть!?

— Да, может быть, ты хотела помочь, или, может быть, это было что-то совсем другое.

Я пораженно вскидываю руки в воздух и направляюсь к холодильнику. Мы с Эйденем выпили немного sake за ужином, но едва ли того количества алкоголя достаточно для спора с ним. Я достаю белое вино, которое мы открыли прошлой ночью, и выливаю остатки содержимого бутылки в бокал. Немного, но уже кое-что.

— Тебя не беспокоило, что мы с Элизой могли начать встречаться? — спрашивает он.

Я открываю и закрываю дверцу холодильника снова и снова, и прохладный воздух обдувает мое лицо.

— Почему ты спрашиваешь меня об этом? Какое это имеет значение?! — Мой голос звучит на грани истерики.

— Просто любопытно.

Сегодня он так просто с меня не слезет. Я точно знаю, что мне придется ответить на все вопросы, прежде чем он от меня отстанет.

— Ладно, хорошо. Я не хочу, чтобы ты встречался с Элизой. Конец!

— Почему?

Я хмыкаю, как будто это очевидно любому, у кого есть мозги.

— Потому что я работаю на нее! Это было бы неловко!

— Точно дело в этом? Это единственная причина?

Я хлопаю дверцей холодильника и поворачиваюсь к нему лицом. Эйден слишком близко подобрался к истине. Один неверный шаг, и он узнает, что Мэдди Лейн В-Л-Ю-Б-Л-Е-Н-А в Эйдена Смита. Поэтому, я обхожу его вопрос стороной.

— Ты же не думаешь, что мне понравилось говорить, что мы встречаемся, не так ли? Меня загнали в угол! Застали врасплох! Я думала, что делаю тебе одолжение, но ладно, знаешь, дай мне телефон, и я позвоню Элизе. Скажу, что ты не против познакомиться поближе.

Я иду за своей сумочкой, но Эйден опережает меня — захватывает ее в плен и поднимает над головой, чтобы я не могла добраться до своего телефона.

— Да ладно, все в порядке. Даже добавлю, что ты великолепен в постели.

Одна из его темных бровей выгибается дугой.

— Откуда тебе знать?

— У меня есть уши.

Его улыбка становится шире, но дрожь в коленках я умело контролирую.

— Ты подслушивала, как я занимаюсь сексом?

— Подслушивала? Да все здание это слышит! Мне не приходилось стоять со стаканом под дверью или что-то в этом роде. Твои девицы стонут твоё имя во всю глотку!

Я воссоздаю события из прошлого пронзительным и страстным голосом:

— О, Эйден! Именно так. Да, да. ДА!

Сейчас он ухмыляется — ему нравится мое представление.

— Тебе должно быть стыдно, — подсказываю я, гадая, откуда берется его уверенность. Ее, кажется, бесконечный запас.

— Мне стыдно, — говорит он, непоколебимо улыбаясь.

Я тыкаю его в живот.

— Нет, не стыдно. Тебе нравится, что все эти девушки выкрикивают твоё имя, верно? Тебе должно быть стыдно за то, что мне приходится это слушать.

— Ты могла бы сказать нам, чтобы мы вели себя тише.

— И рискнуть получить полный обзор? Нет уж, спасибо.

— Не похоже, что ты чего-то там не видела.

Я моментально стала похожа на кардинала — вся красная и с широко раскрытыми глазами.

— Всего один раз! Когда ты переодевался!

Он пожимает плечами.

— Значит, мы квиты.

У меня отвисает челюсть.

— В каком это смысле мы квиты?

— Мы оба видели друг друга голыми, — спокойно отвечает он, словно это самое обычное заявление, которое он когда-либо делал. *О, сегодня суббота, а еще я видел твои сиськи.*

Я подхожу к Эйдену с серьезным видом ближе и сжимаю в кулаке его рубашку.

— Когда ты видел меня голой?!

Он пытается отцепить мои пальцы от ткани, но бесполезно — мое смущение придает мне сверхчеловеческую силу.

— Может, хватит? Ты сейчас все растянешь.

— Отвечай!

— Это было несколько месяцев назад. Все твои полотенца были в сушилке, и тебе после душа пришлось выбежать из своей комнаты, чтобы взять одно.

О боже милостивый. Я помню тот день. Эйден пошел в продуктовый магазин. Его не было дома. Я закончила принимать душ и потянулась за полотенцем, прежде чем поняла, что его не оказалось на месте. У меня не было выбора. Мне пришлось пробежать на мокрых цыпочках по квартире, чтобы взять свежее полотенце из прачечной.

— Но тебя не было дома! — визжу я пронзительным голосом.

— Был, — без всякого смущения отвечает он. Где же раскаяние? Извиняющаяся гримаса?! — Я забыл бумажник, поэтому мне пришлось вернуться, — объясняет он. — Когда я взял его с тумбочки, то обернулся. И сделал это вовремя — именно в этот момент ты голая

пробежала через гостиную.

Я — воздушный шар, покидающий землю. Я даже не чувствую своих конечностей, когда отпускаю его рубашку, поворачиваюсь на месте и медленно бреду к своей комнате. С медлительностью зомби достаю свой чемодан из шкафа и начинаю бросать в него вещи. Блузку. Ботинок. Носок. Все они оказываются в чемодане.

— Что ты делаешь? — спрашивает он, стоя в дверях моей комнаты.

— Переезжаю в Мексику, — невозмутимо отвечаю я. — Можешь достать мой солнцезащитный крем из шкафа в прихожей? И заодно шляпу с широкими полями?

Он смеется, затем наклоняется, чтобы перевернуть мой чемодан, и его содержимое вываливается на пол. Кружевной лифчик оказывается на вершине кучи, словно издеваясь надо мной: *«А ведь ты могла тогда меня надеть»*. Я пинаю его ногой.

— Да брось! Тут нечего стыдиться. У тебя великолепное тело.

— ЭЙДЕН!

Я прижимаю ладони к глазам, пытаюсь ослепить себя или, как минимум, стереть эту картинку из своего мозга.

— Тебе было бы легче, если бы я ничего не сказал?

— Нет! Да! Не знаю! Просто... Ты не должен помнить меня голой. — Я морщусь ненавидя эту тему разговора. — Ты ведь забыл детали, правда?

Я оглядываюсь через плечо и вижу, как он задумчиво щурится. Порядочный человек сказал бы мне «да». Только не Эйден.

— К сожалению, это словно стальной капкан. — Он ухмыляется и постукивает себя по голове.

Я подхожу к Эйдену, прижимаю руки к его груди и начинаю выталкивать его из своей комнаты. Это не просто — он крупный парень.

— Я все помню, — продолжает Эйден, когда мне удается подтолкнуть его еще на несколько дюймов к выходу. — Свет из окон, вода, стекающая по твоим ногам. Раскрасневшаяся после душа кожа. Она была розовой. Кончики твоих...

— ТЫ ДОЛЖЕН ОСТАНОВИТЬСЯ!

Если бы мои руки были свободны, я бы заткнула ими уши и запела ЛА-ЛА-ЛА-ЛА так громко, как только могла.

Стоило Эйдену оказаться у двери, я выталкиваю его через проем и захлопываю дверь у него перед носом.

Я слышу, как Эйден прижимается лбом к дереву.

Он никуда не уходит.

Вместо этого мы оба стоим по разные стороны двери.

Я напрягаю слух, пытаюсь расслышать его удаляющиеся шаги.

Когда он наконец заговаривает, я подпрыгиваю от удивления.

— Мэдди? — зовет Эйден.

Его дразнящий тон исчез. Теперь он говорит совершенно серьезно.

— Да? — тихо шепчу я.

— Я не смог бы забыть это... Даже если бы ты попросила меня.

Мэдди

Следующим утром я приоткрываю дверь спальни и высовываю нос в поисках признаков жизни. С тщательной внимательностью к деталям окидываю взглядом гостиную и кухню. Эйдена нет. Или, как минимум, его нет в общей зоне. Не раздумывая ни секунды, я хватаю свою сумочку, распахиваю дверь и убегаю.

Я не боюсь спора. Просто у меня нет сил для борьбы таким ярким и ранним воскресным утром. Я разработала план, по которому буду находиться подальше от квартиры весь день, что достаточно легко осуществить летом в Остине. Начинаю я с чтения на территории Капитолия. Затем устраиваю поздний завтрак в «Кэролайн», побаловав себя вафлями с большим количеством горячего кленового сиропа. Потом прогуливаюсь по Городскому озеру, где кормлю уток остатками своего позднего завтрака. Разумеется, когда пытаюсь уйти, пернатых охватывает жадность, и на протяжении доброй четверти мили за мной тянется вереница голодных кричающих водоплавающих птиц.

— Мама! Смотри! — удивленно восклицает маленькая девочка. — Она как Белоснежка! В этот момент, громко крикнув, утка кусает меня за пятку.

— Ой! Вашу ж мать!

Мама отталкивает от меня свою дочь и закрывает ладонями уши ребенка.

Днем я заваливаюсь в квартиру Блайта и Мии. Они до сих пор в пижамах, видимо, планировали провести день за просмотром старых фильмов. Следующий на очереди «Мария-Антуанетта» Софии Копполы.

Когда я устраиваюсь у них поудобнее, меня спрашивают, чем я сегодня занималась.

— Ой, да особо ничем. Исследовала город.

Блайт мычит.

Даже не собираюсь выяснять причину этого «м-м-м». Мне все равно, что оно означает. Я просто хочу съесть попкорн и сосредоточиться на Джейми Дорнани в его роли любовника Марии.

Каждый раз, когда они пытаются заговорить во время фильма, я шикаю на них:

— Давайте притворимся, что мы в кинотеатре, — что можно расшифровать как «рот на замок».

В конце концов, Блайт встает и вырывает у меня миску с попкорном.

— Все. Уходи.

— Что?!

— Мы знаем, что ты нас используешь, чтобы спрятаться.

Я принимаю глубоко оскорбленный вид.

— Неужели я не могу провести воскресный день с двумя моими лучшими друзьями без каких-либо обвинений?!

— Конечно, можешь, но Эйден позвонил ранее и спросил, видели ли мы тебя.

Вот блин.

— И, кстати, сегодня у нас годовщина — пять лет.

Я радостно хлопаю в ладоши.

— Это замечательно! Может, мне сходить за продуктами и приготовить вам что-нибудь вкусненькое? О! Еще я могу испечь торт!

— Нет, уходи, — останавливает меня Миа и пытается силой вытолкнуть меня из помещения.

— Хорошо! Ой, не обязательно меня щипать, — шиплю я.

— Иди домой. Поговори с Эйденом.

Ужасный план.

Вместо этого я возвращаюсь на улицы Остина. Мне посчастливилось наткнуться на фермерский рынок, где я пробую все бесплатные образцы, а затем повторяю дегустацию по второму кругу. В итоге я покупаю свежие подсолнухи и сыры кустарного производства, чтобы немного успокоить совесть. Эйден любит сыр, но, уверяю, я покупала его не для него.

Ближе к обеду, боли в животе заставляют меня вернуться в нашу квартиру. Я понимала, что рано или поздно мне придется ответить за свои поступки. Тяжело ступая, я поднимаюсь по лестнице и открываю нашу дверь.

Эйден стоит у плиты, задавая кому-то по громкой связи вопросы о рецепте.

— Я только что добавил куриный бульон. Он должен кипеть? — спрашивает он.

— Да, а теперь добавляй пасту. Не забудь потом накрыть все крышкой! — Я узнаю голос его мамы. — Паста сварится только в случае, если ты накроешь сковороду крышкой.

— Но если я ее добавлю, то сковорода переполнится...

Она смеется.

— Этого не произойдет. Просто добавляй ингредиенты осторожно, чтобы ничего не выплеснулось по бокам.

— Хорошо, а насколько потом это все оставлять? — спрашивает он, регулируя температуру.

— Минут на пятнадцать. Время от времени помешивай, чтобы паста не слиплась.

— Понял. Спасибо. Думаю, получится прилично. Ничего похожего на твое блюдо, но это лучшее, что я мог сделать.

— Ей понравится.

Я улыбаюсь, потому что догадалась, какое блюдо у Эйдена на плите. Моя любимая паста в сливочно-томатном соусе с итальянской колбасой и тортеллини. Когда его мама приезжает в гости, то всегда ее делает.

— Здравствуйте, миссис Смит, — говорю я, сообщая им обоим о своем приходе.

Эйден резко оборачивается, удивившись, что я так тихо подкралась к нему. Я бросаю свои покупки с фермерского рынка на кухонный островок и направляюсь к плите, чтобы заглянуть в сковороду.

— Отлично выглядит. Почти как у твоей мамы.

— Главное не передержать, — добавляет она с другого конца провода.

— Хорошо, мам. Думаю, я понял, — благодарит Эйден, поднимая телефон.

— Позвони, если тебе понадобится еще какая-нибудь помощь. Люблю вас.

— Пока! — кричим мы в унисон.

Эйден вешает трубку и смотрит на меня. От страха, что он попытается поднять наш вчерашний разговор, я тянусь к своим пакетам и хватаю сыр.

— У меня есть для тебя подарок, — щебечу я, протягивая ему головку.

Он ухмыляется.

— Потрясающе. Попробуем? Я умираю с голоду.

Я беру маленькую разделочную доску и разворачиваю сыр. Отрезав ножом кусочек, я передаю его Эйдену, а затем отрезаю для себя. Эйден съедает сыр одним укусом.

— Где ты была сегодня? — спрашивает он, приобнимая меня, чтобы дотянуться за ножом и отрезать себе еще кусочек.

— О, просто бродила. Читала и гуляла. Ничего такого. А ты?

Он открывает рот, чтобы ответить, но тут звонит его телефон. Я предполагаю, что это его мама, которая желает убедиться, что он не сжег пасту, но затем мельком замечаю идентификатор вызывающего абонента и понимаю, что это его босс. Эйден уходит с телефоном в свою комнату. Я слышу только часть разговора, а минуту спустя он выходит и берет ключи.

— Похоже, прямо сейчас в центре города проходит акция протеста. Дэйв хочет, чтобы я поехал туда.

— Окей. Я послежу за пастой. Пятнадцать минут, верно? И периодически помешивать?

— Да, именно так. Оставишь мне немного?

И выходит за дверь, чтобы рассказать миру о важных новостях дня. Я прочитала много статей Эйдена, и он отлично справляется со своей работой. Как правило, люди в его возрасте писали простые истории о лучших тако в городе, но Эйден рано проявил себя, потому что корпел над статьями в свободное время и неустанно представлял их своему редактору, пока одна из них не попала в журнал, в то время как его сверстники развлекались.

Я помешиваю пасту, намереваясь идеально ее приготовить. Я уверена, что Эйден вернется домой чертовски голодным, и не хочу, чтобы ему пришлось жевать не вкусную пасту.

Через тридцать минут я заканчиваю есть, а порцию для Эйдена убираю в холодильник. Через час я начинаю зевать. Каждые несколько секунд я смотрю на дверь, гадая, когда он в нее войдет. Затем включаю местные новости и смотрю на протест. Я вглядываюсь в толпу в поисках Эйдена, но никак не могу найти его среди толпы людей.

Прикрывая глаза, я убеждаю себя, что вздремну всего несколько минут. Максимум десять. Но отключаюсь, как свет, и сплю всю ночь до утра.

Меня будет льющийся из окна солнечный свет. Я моргаю и протираю глаза ото сна, прежде чем сесть и зевнуть. У меня ужасно свело шею от лежания на диване, но это меньшее из зол... стоит мне бросить взгляд на кухонные часы.

Я выкрикиваю ругательства, одну длинную цепочку, которая длится до тех пор, пока я не вхожу в гардеробную переодеться и не вылетаю за дверь. Я не расчесала волосы и не почистила зубы. Я забыла воспользоваться дезодорантом и на мне разные черные балетки, но я уже на два часа опоздала на работу и не могу больше терять время.

Не могу поверить, что проспала!

Пятнадцать минут спустя я врываюсь в «Зилкер Креатив» и поднимаюсь по лестнице на третий этаж, перепрыгивая через две ступеньки. Раз даже оступаюсь, и больно ударяюсь голенью. Мой стон боли эхом разносится по лестничной клетке, но я не останавливаюсь, чтобы проверить, действительно ли моя кость раскололась надвое или мне просто так кажется.

Пыхтя и кряхтя, я рывком открываю дверь и, прихрамывая, выхожу в холл, по дороге расчесывая волосы пальцами.

— Боже мой, — охает кто-то, когда я прохожу мимо, но и я без того в ужасе, поэтому не оглядываюсь и не проверяю, имели ли в виду меня.

Когда я подхожу к своему столу перед кабинетом Элизы, она выглядывает через стекло, и ее глаза расширяются. Она выбегает с телефоном около уха и прикрывает рот рукой.

— Алло, 9-1-1? Да, на моего сотрудника напали. — Затем она протягивает трубку мне. — Они хотят поговорить с тобой.

Я благодарю оператора за потраченное время и приношу извинения за причиненные неудобства, затем вешаю трубку.

— На меня не нападали.

— Но твое лицо, — шепчет Элиза, указывая на меня с разинутым ртом.

Я поворачиваю голову в сторону ее кабинета и ловлю свое отражение в зеркале. Мои глаза покраснели и опухли от слез. Волосы похожи на птичье гнездо, спутанные и зачесанные с одной стороны. Прежде чем бежать сюда, мне следовало посмотреться в зеркало. Теперь я понимаю, что все-таки стоило задержаться дома на десять минут.

Я съеживаюсь и отвожу взгляд.

— Я забыла завести будильник и проспала.

Ее плечи опускаются, как только она понимает, что я в порядке.

Вот только я не в порядке. Моя нога все еще пульсирует, а дыхание сбилось, но ей не нужно этого знать.

— А, понятно. Я должна отчитать тебя, но считаю, что выпускать негативную энергию в мир вредно для моих кишечных бактерий.

— Я отлично понимаю, что ты имеешь в виду, — говорю я, энергично кивая головой, как будто действительно думала о своих кишечных бактериях хоть один день в своей жизни.

Убедившись, что я хорошо себя чувствую, Элиза оставляет меня в покое, чтобы я могла приступить к выполнению своих обязанностей — заняться «грязной работенкой»: внести несколько больничных листов и заказать канцелярские принадлежности. Я знаю, кому-то подобные вещи кажутся скучными, но мне нравится рутина. Люблю, когда у меня есть список задач на день, и люблю чувство выполненного долга, когда я все их делаю.

Примерно в обед звонит мой мобильный телефон.

Это Стефани, одна из моих лучших подруг детства, которую я не видела уже несколько лет. Мы учились в разных колледжах, а теперь она вернулась в Даллас. Тяжело поддерживать связь на расстоянии, хотя мы и стараемся созваниваться несколько раз в месяц.

— Мэдди! Я так рада, что дозвонилась! Так переживала, что ты не возьмешь трубку из-за работы.

Стефани не работает. Ну... не работает в общем смысле этого слова. Ее матери принадлежит фирма по дизайну интерьеров, и Стефани помогает, когда ей этого хочется. *Ах, вот это жизнь.*

— Нет, сейчас идеальное время. Я как раз собираюсь на обед. Что случилось?

— Ну, как ты знаешь, я обсудила с Эллиотом проведение совместного мальчишника и девичника.

— Ага, нашла что-нибудь?

— Думаю, мы остановимся на небольшом комплексе в Западном Техасе. Это настоящий оазис в пустыне с рядом частных бунгало, так что у каждого будет свое собственное пространство. Разумеется, мы найдем поваров и массажистов, так что не думай, что все будет примитивно.

Зная Стефани и Эллиота, я и не надеялась на «примитивность». Отец Эллиота — совладелец «Даллас Маверикс». Так что, вероятно, этот пустынный оазис — долбаный дворец.

— Так ты придешь, да?!

— Конечно!

Еще после первого приглашения на эту вечеринку, я отметила в рабочем календаре неделю выходных.

— И поскольку у нас совместный праздник, обязательно приведи кого-нибудь. Это же не будет проблемой? У тебя кто-то есть? Я знаю, что в последнее время тебе не везло с отношениями, поэтому я могу посводничать. Может быть, познакомить тебя с одним из друзей Эллиота?

— Нет! Нет, не нужно, — выпаливаю я, чувствуя, как краснеют мои щеки.

— О, так значит, ты с кем-то встречаешься?

— Э-э...

У меня звенит в ушах. Время, кажется, остановилось. Если я скажу ей, что ни с кем не встречаюсь, она заставит меня провести целую неделю с одним из друзей Эллиота. Ну нет, спасибо! Но если я совру, что у меня действительно есть парень, то... что, черт возьми, мне тогда делать? Нанять эскорт?

В голове всплывает образ Эйдена.

Точно!

ЭЙДЕН.

Отличная мысль! Ему даже не нужно приходить. Я просто прикроюсь им, чтобы избавиться от необходимости навязываться одному из друзей Эллиота. Эйден точно не будет возражать. Он посмеялся после знакомства с Элизой, верно? Что плохого от еще одной лжи?

— Мэдди? — Стефани беспокоится, что звонок оборвался.

Я прочищаю горло.

— Я действительно кое с кем встречаюсь.

— С кем?! Расскажи мне все!

— С Эйденем.

— Эйденем? *Эйденем?* Ты что, прикалываешься?

— Нет. Невероятно, да? Мы наконец-то начали встречаться.

Стефани знает, что я влюблена в него.

— Так держать, девочка!

Несмотря на то, что это обман, я не могу не чувствовать себя довольной этой ложной реальностью. Ведь я встречаюсь с Эйденем... пускай и в своей голове.

— Значит, он придет с тобой?

НЕТ.

— Ох, это было бы потрясающе, но...

— Но что? — визгливо спрашивает она.

Да, **НО ЧТО, МЭДДИ?! Он твой парень или как?!**

— У него не получится отпроситься с работы.

— Уверена? Какой у него номер? Я попрошу Эллиота позвонить ему и на всякий случай посвятить во все детали.

— **НЕТ!** Э-э... это не обязательно. Я сама поговорю с ним. Напишите мне о планах, и мы посмотрим, сможет ли он присоединиться.

— Ладно. Но думаю, что ты обязана убедить его взять отгул, потому что там все будут парочками. Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя обделенной.

Другими словами, несчастной.

Я могла бы отказаться ехать, но Стефани — моя самая давняя подруга. У нас есть

совместные фотографии с детского сада. Я не могу пропустить это особое событие только потому, что до чертиков боюсь приглашать туда Эйдена.

— Давай я обсужу это с ним, а потом сообщу тебе?

— Отлично! Вечеринка через две недели, так что мне нужно получить окончательный список приглашенных к пятнице.

Я вешаю трубку и смотрю на свой телефон, не зная, как поступить. Мне нужно ехать, а чтобы выглядеть менее жалкой, было бы неплохо отправиться туда с Эйденом. Мы могли бы пережить это безумие вместе, опираясь друг о друга.

Осталось смириться лишь с одной крошечной деталью — моей ложью о том, что мы пара, но это не имеет большого значения! Ему будет все равно!

Ведь так?

У меня есть время до пятницы, чтобы ознакомить Эйдена со своим планом.

Это выполнимо.

Сегодня только понедельник.

~

Вечером, после работы, я разогреваю вчерашнюю пасту к самому приходу своего соседа. Он бросает ключи и бумажник на кухонный островок вместе с кожаной сумкой, с которой ходит на работу, и я спешу ему навстречу.

— Эйден! Ты дома! Как на работе? — спрашиваю с дружелюбной улыбкой.

— Хорошо. Все утро переписывал статью о протестах, чтобы ее могли разместить на веб-сайте до обеда.

— Супер! Держу пари, она вышла удивительной. Я прочитаю позже. Пришлешь мне ссылку?

— Да, конечно. Почему ты так странно себя ведешь?

Я перестаю массировать его плечи. *Да, это было слишком.*

— Вот, присаживайся сюда. Ты голоден? Я нарезала сыра с фермерского рынка.

— О-о-о-окей... э-э, спасибо.

Я сверкаю улыбкой и прошу поделиться каждой деталью его статьи от начала до конца. Он любит трепаться о журналистике, и хотя я обычно прерываю его примерно через пятнадцать минут, сегодня вечером я позволю ему болтать до потери пульса.

После ужина я делаю попкорн с маслом и предлагаю Эйденоу выбрать, что мы будем смотреть по телевизору. Обычно соблюдаем очередность, и по моим подсчетам, сейчас выбирать должна я. И, по-видимому, Эйден тоже за этим следит, потому что указывает на это.

— Нет, нет. Выбирай ты. Твои шоу самые лучшие!

— Ты принимаешь наркотики? Блайт снова обманом заставил тебя что-то съесть?

Я смеюсь слишком долго и слишком громко.

— Что?! Не-е-е-ет. Я просто обожаю проводить с тобой время.

Эйден супит брови, изучая меня пронзительным взглядом зеленых глаз. Моя улыбка подрагивает — я точно знаю, что через несколько секунд меня раскроют. Но затем (поскольку он парень, а в глубине души парни довольно простые существа) он берет пульт и заставляет меня смотреть эпизод «В изоляции» на канале History Channel. Почему мужчин так привлекают шоу о жизни в дикой природе? Это действительно круто — выживать на Аляске в одиночку? Ловить рыбу, жить в маленьком вигваме и вырезать дурацкие штуки из дерева?

— У него просто офигенная жаберная сеть, — комментирует Эйден стратегию рыбалки участника.

— Боже мой, согласна! Просто невероятная!

К моменту отхода ко сну я морально истощена. Быть чрезмерно восторженной — тяжкий труд. Как некоторым людям это удается? С помощью «ксанакса»?

На следующий день я всерьез берусь за дело. По дороге домой с работы я покупаю в магазине ящик любимого пива Эйдена из самого дальнего угла холодильника — самое ледяное. Ему же скажу, что оно было по акции (так не будет очевидна моя попытка подмазаться к нему). Еще я заказываю нашу любимую тайскую еду и забочусь о том, чтобы кокосовое карри было особенно острым, как предпочитает Эйден.

Домой я добираюсь, когда он уже сидит на диване в домашних брюках и футболке Columbia, что-то печатая на своем ноутбуке.

— Я принесла тайскую кухню! — объявляю я, поднимая коричневый бумажный пакет.

Эйден смеется и указывает на кухонный островок.

— Я тоже.

Разумеется, там лежит идеальный клон бумажного пакета в моей руке. *Проклятье*. Как он смеет столь великодушно приносить для меня ужин? И как мне теперь доказать свою доброту и заботливость? Но тут я вспоминаю о пиве.

— Ты не поверишь! — Я поднимаю упаковку из шести банок. — На «Блю мун» была акция!

— Серьезно? Спасибо.

Он снова начинает печатать, не обращая на меня внимания. Так не пойдет. Я открываю одну бутылку пива и засовываю ее в термо-подставку.

— Вот, держи, — предлагаю я. — Все еще ледяная.

Он берет ее, не глядя. Я мельком смотрю на экран его ноутбука, но не могу понять, что же настолько привлекает его внимание.

— Материалы для работы?

— Да, мне нужно отправить одно письмо, а потом мы сможем поесть. Хочешь начать без меня?

Я ухмыляюсь.

— Какой из меня был бы друг, если бы ела раньше тебя? Не торопись! Я подожду!

Если судить по моему тону, то подождать — самое меньшее неудобство в моей жизни, но правда в том, что я умираю с голоду. Элиза опять добровольно принесла мне обед: бургеры с тофу, без картошки фри. Вместо нее подавался несоленый эдамаме. Такими темпами от меня скоро останутся кожа да кости.

— Хорошо, и... отправлено, — говорит Эйден, прежде чем закрыть свой ноутбук и положить его на кофейный столик. — Давай поедим. Я голодный как волк.

Взмахом руки, предлагаю ему начать идти:

— Ты первый.

Он ухмыляется и вытягивает руку, чтобы я шла вперед.

— После тебя.

Я цокаю.

— Нет, нет, нет, я настаиваю.

Затем он качает головой, делает глоток пива и проходит мимо меня.

— Клянусь, на этой неделе ты точно под кайфом. Что с тобой такое?

— Неужели я не могу быть просто милой?

— Нет.

Я закатываю глаза, когда он поворачивается ко мне спиной, но когда он оглядывается, сладко улыбаюсь.

— Когда я последний раз пытался подрезать тебя в очереди за едой, ты чуть не проткнула мне руку вилкой, — напоминает он, протягивая мне тарелку, прежде чем взять одну для себя.

Черт. Неужели я настолько нетерпелива?

— Ух ты, не могу поверить, что у меня такие плохие манеры. Я поработаю над этим. Спасибо, что обратил на это мое внимание.

В моем голосе нет и намека на сарказм, только благодарность за его отличную конструктивную обратную связь.

Эйден достает еду из пакетов, чтобы разложить ее по тарелкам и разогреть то, что остыло.

— Что посмотрим сегодня вечером? — спрашивает он, попробовав зеленое карри.

— Я подумывала об еще одном эпизоде «В изоляции». Мне не терпится узнать, понял ли тот парень, как правильно расставлять ловушки.

Мысленно у меня кровь идет из глаз от перспективы посмотреть еще один эпизод шоу о выживании, но, надеюсь, Эйдену это не заметно.

— До недавнего времени ты смеялась над передачей. С чего вдруг так пристрастилась?

— Что я могу сказать? History Channel знает толк в качественном контенте.

Удивительно, что я не проглатываю язык в процессе произнесения этих слов.

Эйден ставит свою тарелку и подходит ко мне так близко, что у меня не остается и шанса на побег. Я протискиваюсь к кухонному островку, но он следует за мной.

— Окей, говори уже, что ты хочешь.

— Что хочу?

— Тебе либо сделали лоботомию, либо тебе что-то от меня нужно. Итак?..

— Я просто милая.

Он ловит мой взгляд.

— Ты милая, но не настолько. Веди ты себя так всегда, мы не продержались бы в одной квартире так долго. Это все равно что жить вместе с роботом, которого я создал для собственного удовольствия.

Плохо дело. Я перестаралась. Мне казалось, что переступаю черту, но, по-видимому, я ее перепрыгнула.

— Ладно, значит так, — начинаю я своим обычным голосом впервые с тех пор, как вернулась домой. Больше никакой чрезмерной вежливости. — Я хочу попросить тебя об одолжении, и это довольно серьезное одолжение.

Его взгляд не дрогнул, но Эйден скрестил руки на груди, словно готовясь к тому, что должно произойти.

— Это очень важно для меня, поэтому ты не можешь сказать «нет», — продолжаю я.

— Говори уже, что случилось.

— Сначала ты должен согласиться на это.

Он хмыкает и обходит меня, чтобы начать наполнять свою тарелку.

— Моя подруга Стефани хочет, чтобы я поехала на девичник-мальчишник вечеринку, — выпаливаю я.

— Хорошо, я посмотрю за домом. И это все?

— Она хочет, чтобы ты тоже приехал.

Он смеется.

— Нет, я не могу. У меня на работе сейчас дурдом, и, кроме того, с какой стати мне там быть? Я едва знаю ее, и никогда не общался с ее женихом. Напомни еще раз, как его зовут?

— Эллиот.

— Ага, точно.

— Они пригласили тебя, потому что... ну... на вечеринке будут только парочки.

— И что?

Он не понимает!

— И... ты и я... — Я заламываю руки. — Нас двое. Два человека составляют пару.

Он перестает накладывать рис на тарелку и оглядывается на меня через плечо.

— Мэдди.

— Что?! Мы уже солгали Элизе о том, что мы пара, и все отлично прошло! Это всего на несколько дней! Подумай только, какими веселыми получатся выходные!

Он не отвечает.

— Я не видела Стефани целую вечность! — добавляю я.

— Значит, езжай.

Я хочу уйти от этой темы, но не могу. Стефани снова спросила об Эйдене сегодня, желая убедиться, что я передала приглашение. Она ждет нас обоих.

— Что я могу сделать, чтобы убедить тебя?

— Я не пойду. Ты должна сказать Стефани правду.

Я складываю руки вместе, умоляя его.

— Эйден.

— Нет.

— *Пожалуйста.*

Мэдди

— До места всего несколько миль, — пытаюсь бодро щебетать я.

Эйден за рулем. Мне же пришлось взять на себя важную миссию — возиться с радиоприемником в надежде занять руки. Мы прослушали каждую песню в нашем плейлисте для путешествий... три раза. Здесь, на ничейной земле, радио практически не ловит, но попробовать стоит.

Песни появляются и исчезают, когда я нажимаю на кнопки. Из динамиков доносятся статические звуки, прерываемые резкими всплесками рэп-песен, которые переходят в поп-припевы, за которыми следует еще больше статики. Эйден опускает свою руку поверх моей, давая понять, что будет счастлив, если я остановлюсь.

Мы проезжаем еще одну группу кактусов, еще одно поле желтых цветов, еще один поворот, но я так и не могу взглянуть на Эйдена. Когда Стефани сказала, что вечеринка будет на территории Западного Техаса, я решила, что мы домчимся туда быстрее ветра. В конце концов, разве Остин не находится в центре штата? Но, по-видимому, даже прожив в Техасе всю свою жизнь, я не до конца понимала, насколько велико это место. Мы едем уже шесть часов. *Мы уже должны были приехать.*

Тут я замечаю дорожный знак, который гласит, что до города Марфа осталось пятьдесят миль.

«Если ты доберешься до Марфы, значит слишком далеко забралась!» — дала напутствие Стефани вчера во время короткого телефонного разговора.

Наш навигатор барахлит. Здесь, как и в случае с радио, мобильный практически не ловит. Стефани предупредила меня об этом, но я и подумать не могла, что это станет проблемой, потому что она дала мне указания по маршруту.

Мне кажется, мы никогда не найдем этот оазис. Мы заблудимся и будем бесцельно бродить по пустыне, пока не рухнем от обезвоживания и истощения. Стервятники, радостно гогоча, будут кружить над нашими головами. Думаю, сначала они обглодают наши лица. Я слышала, что им нравятся носы.

И именно в этот момент птица проносится над горизонтом, и меня охватывает паника.

О-окей. Время отвлечься.

— Давай поиграем в игру, чтобы скоротать время. Как насчет «Я вижу»? Я первая. — И начинаю, прежде чем Эйден успеет возразить: — Одним глазком я вижу... — Я осматриваю горизонт в поисках интересного объекта. Хотя бы чего-нибудь. — Что-то коричневое.

— Грязь, — бросает он, постукивая по окну. — Или грязь вон там. Нет, подожди, грязь с той стороны.

Ладно, он прав.

— Мы проехали холм. Ты уверен, что мы двигаемся в верном направлении?

— Нет, я понятия не имею, куда мы двигаемся. Стефани отвратительно объяснила маршрут.

Я вновь изучаю распечатанное накануне электронное письмо. Там присутствуют такие фразы, как «Следуйте за линией горизонта», «ищите кратер» и «позвольте ветру направлять вас». Наверное, мне следовало уделить этому больше внимания, а не просто понадеяться, что

все пройдет хорошо.

— Она говорила, что мы сразу пойдем, что это оно, когда увидим, — сообщаю я, пытаюсь быть полезной.

Но все складывается ужасно.

Я действительно хотела, чтобы эта неделя прошла гладко, особенно потому, что мне неким образом удалось убедить Эйдена присоединиться.

Это было непростой задачей. Поначалу он не уступал. На следующее утро после того, как я рассказала, почему так мило себя вела, я проснулась пораньше и приготовила блинчики, и на верху стопки крошечной шоколадной крошкой написала «ПОЖАЛУЙСТА» Позже в тот день я отправила ему на работу огромный букет фруктов. Но все же он не сдавался.

Вечером я предложила сделать Эйдено массаж ног. Он отказался. Я попыталась придумать что-нибудь еще более изобретательное. Чего на самом деле хотят парни? О, да. Мои глаза скользнули к его паху. *Верно*. Что ж, физиологию никто не отменял.

— Эйден, — обратилась я, поворачиваясь к нему лицом. — Я могла бы...

Он разглядывал меня сощуренными глазами, пытаюсь понять, куда я клоню.

— Ну, сам понимаешь. — Я многозначительно указала на его штаны.

Он вскочил с дивана, запустив руки в волосы.

— Господи, Мэдди. Хорошо. Я пойду! Я поеду в эту чертову поездку.

— И притворишься моим парнем?

— Да по хер!

Та-дам! *Не нужно делать минет.*

Я думала, что ему будет сложно отпроситься с работы, но так как он никогда не брал больничный, его босс фактически выставил его за дверь. И вот мы здесь, первопроходцы на новой земле. Лишь тонкая полоса металла автомобиля отделяла нас от стервятников, желающих начисто обклевать наши черепа.

Я предлагаю Эйдено еще одну пригоршню закусочной смеси, но он отказывается.

— Мне нужна настоящая еда.

Я бледнею и оглядываюсь вокруг. Мы съели небольшой запас вяленой говядины еще в Остине. Следующими пошли яблоки.

Я стараюсь не смотреть на запасы воды. Знай, что нам нужно ее беречь, я бы не стала брать соленые закуски. У меня пересохло во рту. Это обезвоживание?

Там!

Впереди!

— ЭЙДЕН! СВРАЧИВАЙ!

На дороге без опознавательных знаков примерно в четверти мили впереди возвышается огромная железная арка с десятками свисающих колокольчиков. *Позвольте ветру направлять вас!*

Мы сворачиваем и въезжаем в арку. Оттуда ползем по гравийной дороге, двигаясь мимо еще большего количества кактусов. Больше ничего нет. Моя уверенность ослабевает с течением минут. Мои пальцы сжимают колени, впиваясь в плоть, и я молча молюсь, чтобы я не сбила нас с пути.

— Это что, кратер? — спрашивает Эйден, указывая в окно.

И, разумеется, в нескольких ярдах от дороги виднеется неглубокая яма в форме чаши.

Стефани не тупица! Ее указания сработали!

Я хватаю Эйдена за плечо и трясу.

— Мы сделали это! Мы нашли путь! Мы не умрем!

Он смеется.

— Мы и не собирались умирать.

Ага. Ладно. По крайней мере, один из нас смело смотрел вперед.

Мы продолжаем ехать по дороге, следуя за линией гор вдалеке, затем после еще одного резкого поворота в поле нашего зрения появляется комплекс. Стефани не преувеличивала, говоря, что там мило. По ландшафту раскинулись модульные одноэтажные здания, сделанные из темно-коричневого металла и шпукатурки, с огромными панорамными окнами во всю стену. Кажется, будто мы попали на Марс.

В аккуратную линию в конце ряда зданий выстроились три одинаковых черных «Лэнд Ровера». Стефани упоминала, что приедет на машине из Далласа со своими друзьями, и предложила захватить и нас с Эйденем, но я решила, что собственное транспортное средство — лучший вариант. Ну... просто на случай, если все станет странным и нам захочется свалить.

Эйден паркует свой внедорожник рядом с «Лэнд Роверами» и глушит двигатель. Тут до меня доносятся громкие визги.

Я открываю дверь и выхожу, мои мышцы болят от напряжения и беспокойства. Стефани выходит из главного дома в белом купальнике и поясе с надписью «Будущая невеста».

— Ты сделала это! — визжит она и бросается вперед, чтобы заключить в крепкие объятия.

Я счастлива видеть Стефани после стольких лет порознь. Не смотря на данное друг другу обещание, мы выстраивали свою жизнь и не находили времени для встреч. И вот сейчас я поняла, что не зря приложила столько усилий, чтобы оказаться здесь.

— И Эйден! Я так рада, что ты тоже смог приехать. Парни будут вне себя, что их не превосходят числом, — смеется она, обнимая и его.

Стефани всегда могла завоевать любого своим настойчивым энтузиазмом и обаянием. Плюс ко всему, ее отличала красота. Смуглая кожа, карие глаза, заразительная улыбка... Даже в детстве и юности, в отличии от всех нас, у нее не было проблем с внешностью. А подтяжки смотрелись мило на ней.

— Итак, теперь мы можем полноценно начать вечеринку! Идем, идем! — Она хватается меня за руку и тащит к дому.

— Ох, мне нужно взять сумки, — говорю я, указывая на машину.

— Для этого мы наняли персонал.

Что ж, тогда...

— Все! Все слушаем сюда! — Стефани привлекает внимание группы, как только мы оказываемся внутри. — Я хотела бы представить вам мою подругу Мэдди. Некоторые из вас встречали ее раньше и знают, что она одна из моих самых давних подруг. Мы вместе играли в Барби — вот как давно мы знаем друг друга. А это ее парень, Эйден.

ПАРЕНЬ.

Я оглядываюсь на него. Если Эйден растерян или смущен от этого комментария, то никак не показывает. Пока он знакомится со всеми, одна из подруг Стефани, не теряя времени, приносит ленту и мне. Так как в них все девушки, я наклоняю голову и позволяю накинуть ее на мои плечи.

— Теперь ты посвящена! — говорит она с улыбкой.

— Еще нет! Сейчас нальем тебе выпить! — восклицает Стефани и затаскивает на кухню, где стояли еще люди.

Кроме Стефани я ни с кем близко не общалась, но некоторых за эти годы встречала. И все же мы снова представляемся друг другу. Изабелла работает со Стефани в фирме по дизайну интерьера ее мамы. Каденс переехала к Стефани в прошлом году. А Данте с гордостью объявляет себя шафером жениха Стефани.

— Мне жаль парня, который будет стоять рядом со мной у алтаря, потому что я буду выглядеть горячо, — говорит он, подмигивая, и мы все смеемся.

Но это, говоря откровенно, правда. Вьющиеся каштановые волосы и квадратная челюсть подчеркивают его невероятную красоту.

Обернувшись, я вижу, что Эйден разговаривает с Эллиотом и еще одним парнем. Я не вслушиваюсь в разговор, но улавливаю, как Эллиот задает Эйдену вопрос:

— Значит, ты работаешь в Texas Monthly? Не думал о переезде в Лос-Анджелес или Нью-Йорк? Пытаешься пробиться в какое-нибудь крупное издание?

Я не слышу ответа Эйдена, потому что Данте отводит меня в сторону.

— Вы двое пока поболтайте, а я схожу проверить, готовы ли апартаменты, — убегая, бросает Стефани.

— О, хорошо. — Я провожаю ее взглядом, не в силах стереть улыбку с лица.

— Ладно, выкладывай. Расскажи мне все, — говорит Данте, наклоняясь ко мне.

Я смеюсь.

— Что именно? О себе? Ммм... Ну, я живу в Остине, а работаю в рекламном агентстве...

— Эй, — перебивает он. — Без обид, но я не хочу ничего слышать о работе. Это малоинтересно. Как давно вы со своим парнем вместе?

Он берет дольку грейпфрута и осторожно выжимает ее в стакан, чтобы сок не брызнул на стойку.

Мне требуется секунда, чтобы понять, что речь идет об Эйдене. Он все еще разговаривает с парнями. К их компании присоединились и девушки.

Я не могу вспомнить, что тогда соврал Эйден. Как долго, он сказал, мы встречаемся? Решаю уклониться, просто чтобы не втягивать нас в неприятности.

— Недолго, — отвечаю я, наблюдая, как Данте готовит мне коктейль.

— Все серьезно?

— О, м-м-м... да? — Но потом даю заднюю. — Хотя он может сказать и другое.

— Ах, мужчины. Пытаться понять их невозможно. Мы с моим партнером вместе уже девять лет, но, если его спросить, он ответит, что мы до сих пор присматриваемся друг к другу. — Он закатывает глаза. — Пойдем, заставим его ревновать, — говорит Данте, протягивая мне мой напиток, затем огибает бар и берет меня за руку.

Мы подходим к группе людей, и за нашим приближением наблюдает Эйден. Его внимание приковано к руке Данте.

— Эйден, не возражаешь, если я украду твою девушку на несколько минут? Я хочу показать ей вид на горы до того, как солнце полностью сядет.

— Почему бы нам всем не пойти? — с улыбкой предлагает Каденс. — Точно! Все берите по стаканчику и давайте выйдем на улицу!

Данте, подмигнув мне, шепчет:

— Ну, я пытался. Не волнуйся, к концу недели он будет у твоих ног.

И бежит к Каденс. Я остаюсь ждать Эйдена.

— Это один из друзей Эллиота? — спрашивает он, указывая подбородком в сторону Данте.

— Я думаю, скорее он друг Стефани.

Эйден кивает, но могу сказать, что он точно жаждет подробностей. Вместо этого я прячу улыбку.

— Хочешь попробовать мой коктейль? Данте сделал.

Эйден хватает его и делает большой глоток.

— Давай поторопимся, — прошу я. — Хочу увидеть закат, о котором столько разговоров.

К дому прилегает просторная терраса у бассейна с несколькими зонами отдыха, шезлонгами и местом для костра. Растения и кустарники растут по периметру, но за ними до самого горизонта простираются песок и грунт, где горный хребет крадет последние лучи солнца.

Кажется, будто кто-то обрызгал небо розовой, желтой и оранжевой краской.

От пейзажа захватывает дух. Похоже, долгая поездка того стоила.

— Видишь? — говорю я, поднимая взгляд на Эйдена. — Возможно, неделя будет не такой уж плохой.

~

Мы с Эйденем должны спать в одной постели. От этого никуда не деться. После ужина Стефани показывает нам наше бунгало.

— По секрету, ребята, я выбрала для вас лучшее. Оно находится далеко от остальных, так что не переживайте — вас никто не услышит. — Ее многозначительное подмигивание не остается незамеченным Эйденем.

— Стефани! — шиплю я.

— Что?! Я просто подумала, раз вы, ребята, только недавно начали встречаться... ну, сама понимаешь... — Ее брови многозначительно взлетают вверх и опускаются. — Или я ошибаюсь?

Эйден смеется, полностью наслаждаясь представлением.

Я подхожу к окну, надеясь увести разговор в сторону.

— Ух ты! — громко ахаю я. — Как тут красиво! Посмотрите на вид на звезды.

На самом деле, их невозможно разглядеть, потому что люстры освещают в окна, но никто не обвиняет меня в том, что я несу ерунду.

— Да, это еще один плюс пребывания в этом бунгало: ничто не загораживает обзор. Итак, ванная комната там, а в гардеробной — мини-холодильник с закусками и напитками. Если вам что-нибудь понадобится, главный корпус не закрывается, но, пожалуйста, будьте осторожны, гуляя ночью — дикая природа. — Затем Стефани направляется к двери. — Хорошо отдохните. У нас завтра насыщенный день!

Она уходит, и мы остаемся одни в комнате. Я и Эйден, в бунгало в пустыне с двуспальной кроватью. Разумеется, один из нас мог бы лечь в другом месте, но в комнате нет дивана — только два современных кресла. О сне на полу тоже не может быть и речи — он бетонный. Я бы, наверное, сломала бедренную кость, пытаюсь уснуть на нем.

Я ничего не произношу, ожидая реакции Эйдена. Он обходит комнату, осматривая обстановку, прежде чем исчезнуть в коридоре, ведущем к гардеробной и уборной.

— Кто-то развесил нашу одежду, — говорит он, его голос эхом разносится по

пространству.

Стоило бы обрадоваться, но мне вовсе не радостно. Этой задачей можно было скоротать крайне много времени, или хотя бы до тех пор, пока мы не привыкнем к идее делить небольшую площадь.

Эйден появляется секундой позже, смотрит на меня, затем смотрит на кровать.

— Ты выглядишь обеспокоенной.

— Я не подумала о ночевке. — Я морщусь. — Почему-то решила, что у каждого будет своя комната.

Он совершенно непринужденно пожимает плечами.

— Я могу найти Стефани и спросить, есть ли свободные кровати.

Я качаю головой.

— Она посчитает это странным, учитывая, что мы вроде как пара.

— Скажем, что я громко храплю, или, например, что ты до брака ни-ни.

Я смеюсь над его предложениями, после чего мои плечи расслабленно опускаются.

— Все в порядке, правда. Да и что такого? — размышляю я вслух. — Нам ведь не впервой спать с кем-то.

— Тогда, я надеюсь, ты знаешь, что я сплю в чем мать родила.

— Эйден!

— Шутка. Давай, Мэдди. Расслабься. Давай приготовимся ко сну, а потом можем... —

Он оглядывается по сторонам, ища, чем бы заняться, но ничего не обнаружив, потирает затылок. — Я не знаю. Потом решим.

Я иду к шкафу, чтобы взять свою пижаму.

— Если ты не против, я приму душ.

Он кивает.

— Конечно, без проблем.

Что ж, ему легко говорить. Дизайн этого комплекса в пустыне основан на минимализме, поэтому здесь нет даже двери, чтобы отделить спальню от ванной комнаты. К счастью, она имеется в уборной, так что, по крайней мере, там человек может спокойно заниматься своими делами.

Но с душем никакого уединения. Мне следует быть очень быстрой.

— Я в душе, — предупреждаю я Эйдена, включая горячую воду.

— Звучит неплохо.

Прежде чем стянуть через голову футболку, я задумываюсь.

— Я собираюсь раздеться.

— Да, я догадывался, что так и будет, — смеется он.

— Знаешь, просто... Зеркало так висит, что если ты встанешь с левой стороны кровати, то...

— Мэдди, просто прими душ.

Я снимаю футболку и лифчик, затем стягиваю брюки и трусики, после чего прыгаю в душевую и хватаю шампунь с мылом. Со сверхчеловеческой скоростью намыливаю волосы и тело, ударяясь локтем о стеклянную перегородку. Эйден спрашивает, все ли со мной в порядке, и его голос звучит подозрительно близко. Я прикрываю все свои интимные места и кричу, что все под контролем.

Затем выжимаю на руку еще немного средства для тела и намыливаю ноги и ступни.

В общей сложности я, наверное, ополаскиваюсь максимум три минуты. И это

впечатляет. Вот только когда я выключаю воду и поворачиваюсь, чтобы выйти, до меня доходит, что я не захватила полотенце.

В панике осматриваю помещение. Здесь нет ни бельевого шкафа, ни ящиков под раковиной. Дурацкий минимализм.

Ругаюсь себе под нос.

Так как горячая вода меня больше не согревает, по коже бегут мурашки. Я перепрыгиваю с одной ноги на другую в надежде согреться, пока осматриваю каждый уголок и щель в ванной.

Я могла бы надеть свою грязную одежду, но эта идея мне не нравится. Она вся в пыли пустыни и крошках еды.

Шкаф находится в дальней части спальни, поэтому я никак не могу добраться туда незамеченной.

Уткнувшись лбом в стеклянную дверцу, решаю, что просто постою тут, пока Эйден не заснет, а потом спокойно выйду и возьму одежду. Тридцать секунд превращаются в минуту. Такое чувство, что я стою уже всю ночь, и теперь я действительно дрожу. Не думаю, что продержусь долго.

— Ты как там? Я хочу принять душ после тебя.

— Хьюстон, у нас проблема, — с тяжелым вздохом бормочу я.

Он смеется из другой комнаты.

— Что там у тебя?

— Я забыла полотенце.

— Ничего страшного, я видел их в шкафу. Сейчас принесу.

Я отрываю голову от стекла, мои глаза расширяются в панике.

— Тогда брось его в ванну, а я подбегу к нему.

— Ты, кажется, забыла, что я уже видел тебя голой?

— Нет, но давай не будем делать это привычным, хорошо?

Через секунду свернутое полотенце взмывает в воздух и ударяется о зеркало в ванной, сбивая его со стены. Я в ужасе наблюдаю за этим падением — как оно ударяется о туалетный столик, а затем разлетается на миллион осколков.

Вот блин.

— Пожалуйста, скажи мне, что ничего не случилось, — умоляет Эйден.

С моих губ срываются нечеловеческие звуки, как у несчастного животного.

— Стекло разбилось? — спрашивает он, отчаянно цепляясь за клочок надежды.

— Да! Эйден! Зачем ты это сделал?!

— Что? Это ты не хотела, чтобы заходил, вот я и бросил полотенце.

— Я не просила бросать его вот так! Ты же не играешь за «Янкис»!

— Немного не рассчитал свою силу.

— Сейчас не время для шуток!

Я начинаю расхаживать по квадрату душевой.

— Я в ловушке! Если выйду, то порежу себе ногу.

Стекло повсюду. ВЕЗДЕ.

— Хорошо, не выходи. Жди. — Его голос становится громче, а затем он просто появляется в дверях ванной. — О, ПРИВЕТ, КТО ЭТО У НАС ТАКОЙ ГОЛЕНЬКИЙ?

Взвизгнув, я падаю в душе, обхватив руками колени. Мои волосы, словно занавес, свисают вокруг меня.

— Может, ты расслабишься? Я пришел сюда не для того, чтобы паялиться на тебя. Я пытаюсь навести порядок в этом беспорядке.

— Удачи тебе. Надо сходить за метлой или чем-нибудь таким в главном доме. — Когда Эйден разворачивается, чтобы уйти, я спешно добавляю: — Но никому не говори, для чего! Не хочу, чтобы Стефани знала о зеркале раньше времени. Мне еще предстоит придумать оправдание.

— Верно. Понял.

Стоит ему уйти, меня осеняет, что следовало попросить его бросить мне (осторожно!) полотенце. Так что я застряла здесь, голая, замерзшая и знатно раздраженная тем, что оказалась в такой ситуации.

Ощущение, что Эйдена нет уже целую вечность. Я начинаю напевать себе под нос песню, чтобы сдерживать психоз. Вожу ногтем по гравировке стекла, как если бы коротала свои дни в заключении.

И вот, наконец, он возвращается.

С метлой и совком для мусора.

— О, слава богу. Где ты их нашел?

— Мне помогла Стефани.

Мои глаза расширяются.

— Что ты ей сказал?

— Я сказал, что мы любим ролевые игры. Знаешь, непослушная французская горничная и все такое.

— Ты шутишь! — охаю я.

— Эй, ты сама не захотела, чтобы я рассказывал ей о зеркале, поэтому мне пришлось импровизировать.

— Теперь она думает, что мы извращенцы.

Он невозмутимо пожимает плечами.

Бог ты мой.

Стало быть, Эйден извращенец!?

— Ты раньше увлекался ролевыми играми с подружками?

— Ты действительно хочешь сейчас поговорить об этом?

Он смотрит на меня, изогнув бровь, и я вспоминаю свое нынешнее состояние раздетости.

— Точно. Продолжай.

Эйден кивает и исчезает в коридоре. Через секунду возвращается с новым, чистым полотенцем. Он осторожно ступает ботинками по битому стеклу, хрустя, а затем приоткрывает дверцу душевой кабины. Он отвел взгляд — слава богу, — и когда он передает мне полотенце, я, не теряя времени, заворачиваюсь в него.

— Что скажем о зеркале? — спрашивает Эйден, принимаясь за подметание стекла. — Я без проблем могу признаться, что случайно его разбил.

— Нет, я что-нибудь придумаю. Но сейчас мне слишком холодно, чтобы думать.

Он хмурится и смотрит на меня.

— Так, давай я принесу твою обувь, чтобы ты могла выйти и одеться.

— Нет, все в порядке. Мне не хочется еще больше хрустеть стеклом и усложнять тебе работу. Я еще немного подожду.

Эйден кивает и возвращается к уборке, склоняясь, чтобы тщательно подмести мусор.

— Я бы все равно не стал тут ходить босиком, пока тут как следуют не пройдутся пылесосом. Вряд ли вручную можно собрать все осколки.

А ведь верно.

Закончив, он вытряхивает содержимое совка в мусорное ведро под туалетным столиком и завязывает пакет, чтобы выбросить его утром.

Час спустя мы оба лежим в постели, я в майке и пижамных шортах, Эйден в боксерах, только что принявший душ. Мы пахнем одним и тем же средством для мытья тела. Мы чертовски близко. Если бы я чуть-чуть сдвинулась вправо, мы бы соприкоснулись. Итак, я лежу совершенно неподвижно, уставившись в потолок в темноте. Я знаю, что Эйден все еще не спит. Мы почистили зубы, забрались в постель и выключили свет. «Спокойной ночи», — сказала я, и он пожелал того же и мне. И вот мы дошли до этого момента, когда молча пытаемся притвориться, что другого человека не существует. Мне следовало бы попытаться заснуть, но я не могу. Мне кое-что слишком любопытно.

— Пс?

Голова Эйдена поворачивается на подушке.

— Что?

Я поворачиваюсь лицом к Эйдену, но так темно, что я его не вижу. Даже при свете звезд, проникающем сквозь тонкие шторы на окнах, я не могу разглядеть, где он на кровати. Так что я просто разговариваю с темнотой.

— Чуть раньше... когда ты убирался... — осмеливаюсь я тихо.

— И?

— Я спрашивала тебя о ролевых играх.

Мэдди

Эйден смеется себе под нос.

— Как чувствовал, что ты не оставишь эту тему.

— Так что? — назираю я.

— Так что? — передразнивает он.

— Какой ты в постели?

— Я не знаю. Спроси себя — ты сейчас со мной в постели.

Я полностью поворачиваюсь на бок, к нему лицом, упираюсь локтем в подушку и кладу голову на ладонь.

— Нет, признавайся. Я хочу знать все. Эм, я слышала женские стоны, так что точно знаю, что ты хорош.

В темноте я едва могу разглядеть, как Эйден растирает руками лицо. Наверное, он не намерен обсуждать это со мной, и мне лучше не давить, но... Я не могу себя остановить.

— Не понимаю, что именно тебя интересует.

Всё.

— Давай начнем с малого, — предлагаю я, прикусывая нижнюю губу. — Ты берешь все в свои руки, или предпочитаешь, когда партнер берет инициативу на себя?

— Когда как. Я думаю, это сексуально, когда женщина ясно дает понять, чего она хочет, но с другой стороны...

Эйден не заканчивает фразу, но все итак очевидно.

Он любит контроль.

По моей спине бегут мурашки.

Зачем я мучаю себя? Зачем усложняю жизнь рядом с Эйденем? Зачем размываю границы? Не знаю. Подумаю об этом утром.

— Ясно, а как насчет позиций?

— Мэдди, спи.

— Мне любопытно.

Он вздыхает.

— У меня не было секса шесть месяцев. Я даже не могу вспомнить, что мне нравится.

Я вскакиваю с разинутым ртом и широко распахнутыми глазами.

— Ты лжешь.

— Зачем мне лгать?

— Шесть месяцев?!

— Ни разу после того, как я разорвал последние отношения.

— Вот так да-а-а.

— А что такого? — вскидывается Эйден.

Я качаю головой, пытаюсь справиться с шоком.

— Я просто... удивлена. Вот и все.

— Мы можем продолжить этот разговор утром?

Я все еще не могу разглядеть выражение его лица в темноте, поэтому не могу точно сказать, бешу я Эйдена (что, говоря откровенно, входит в наши обычные отношения) или он действительно раздражен.

Я падаю обратно на подушку, смотрю в потолок и делаю глубокий вдох, чувствуя себя не в своей тарелке из-за того, что втянула нас в столь неловкий разговор.

— Если тебе от этого станет легче, у меня не было секса целый год, — выпаливаю я и после этого признания жмурю глаза.

Эйден очень долго никак не реагирует.

Полагаю, что он заснул, потому что моя сексуальная жизнь его «сильно» интересует. А информация, которую я раскрыла, — это отличное средство от бессонницы.

Поэтому я переворачиваюсь на другой бок и тоже притворяюсь, что засыпаю.

В конце концов он шепчет мое имя, но я молчу и закрываю глаза, желая, чтобы эта странная ночь закончилась.

~

— Проснись и пой! — пробуждает нас голос из-за двери. Это Стефани выполняет роль будильника. — Солнце уже высоко!

Я моргаю и понимаю, что еще слишком рано. Солнце едва начало восходить.

Эйден стонет рядом со мной, садится, затем свешивает ноги с кровати. Я оглядываюсь через плечо, чтобы полюбоваться его загорелой спиной. Когда Эйден растирает глаза, его мышцы напрягаются, и я позволяю своему взгляду скользнуть по его лопаткам и ниже, вдоль изгиба позвоночника. Никаких жировых складок — зауженная талия и боксеры Calvin Klein. Он оглядывается на меня, и я вскакиваю, чтобы открыть дверь.

Стефани в спортивном костюме стоит снаружи и широко улыбается.

Когда она успела собраться?

— Поторопитесь, мы занимаемся йогой на рассвете.

Это что, шутка?! Все свихнулись со своей йогой и восходом солнца? Как насчет полуденной йоги, а? Что вообще такого нашли в восходе солнца?

— Мне обязательно идти?

— Да, или потом никаких пончиков. Собирайтесь!

Мы с Эйденем быстро переодеваемся в спортивные костюмы и идем к главному корпусу. Как только я добираюсь до Стефани, то спрашиваю об ранее упомянутых пончиках, на что она качает головой и подталкивает к месту, где вокруг медной чаши на ковриках расположилась группа.

— Поедим позже. Йогой лучше заниматься на пустой желудок.

Да, так каждый сможет услышать звуки, которые издает мой голодный желудок.

— Располагайся рядом с Данте, — говорит инструктор по йоге, прежде чем оглянуться на меня. — Ты будешь рядом со Стефани, чтобы вы могли подпитываться энергией друг друга.

О, отлично. Может быть, это удержит мои звуки голода на приемлемом уровне.

Мне хочется возненавидеть все, что связано с йогой на рассвете. Это противоположно тому, как я обычно провожу свое свободное время. И список моей ненависти будет возглавлять Джанесса, дитя земли в свободных льняных брюках и майке из какого-то темного хлопчатобумажного материала (вероятно, конопля), которая протяженным голосом велит мне закрыть глаза и соединиться с природой. Сначала, в безмолвном акте неповиновения, я закрываю глаза и представляю различные виды продуктов для завтрака: пышные блинчики, теплые круассаны, хрустящий бекон, йогуртовое парфе. Однако в какой-то момент у меня заканчиваются продукты в меню завтрака «Макдоналдс», и мои мысли начинают блуждать в других направлениях. Они перескакивают с работы на Эйдена, на мою

сестру и родителей. Но потом... Ничего... Странная неясность, я словно плыву в камере с невесомостью. Я даже не осознаю, что на самом деле наслаждаюсь происходящим (а не просто притворяюсь!), пока Джанесса не начинает бить молоточком по краю металлического гонга, чтобы «пробудить нас».

Что. За. Чертовщина?!

После занятий на крытую веранду с видом на бассейн подают завтрак. Эйден присоединяется ко мне в очереди в буфет.

— Было не так плохо, как я ожидал, — признается он.

— Сама удивлена. Так что, теперь мы будем зажигать благовония и делать чайный гриб?

Данте встает между нами.

— Кстати, у меня есть отличный рецепт чайного гриба, которым могу с вами поделиться, ребята.

Мы с Эйденем обмениваемся улыбками, прежде чем продолжить разговор. К счастью, нанятый персонал взял на себя смелость предоставить множество вариантов завтрака, включая блюда, которые я представляла в начале занятия. Я хватаю пончик, несколько яиц и большую чашку кофе.

Стефани лучезарно улыбается мне, когда я сажусь рядом с ней.

— Я рада, что тебе понравилось. У нас впереди насыщенный день, так что набирайтесь сил.

И она не лжет. После еды мы все принимаем душ и собираемся в музей современного искусства Дональда Джадда в окрестностях Марфы. Кто бы мог подумать, что маленький городок в пустыне окажется меккой для художников? Я еду туда в «Лэнд Ровере» со Стефани и Данте, хотя хотела бы путешествовать с Эйденем, но его захватил Эллиот, чтобы поговорить о делах во время пути. Данте предлагает перед музеем заскочить в город на еще одну чашечку кофе, и это занимает больше времени, чем ожидалось, потому что они со Стефани решают зайти в книжный магазин.

— Разве мы не должны встретиться с остальными? — уточняю я.

— Спешить некуда, — отмахивается Стефани, переворачивая книгу в мягкой обложке, чтобы прочесть краткое содержание на обороте. — Чтобы насладиться искусством, наша компания не обязательна. Каждый двигается в своем ритме.

Наш ритм, очевидно, включает в себя кофе, книжный магазин и бутик элитной одежды. Откуда мне знать, что он элитный? Да просто в этом магазине всего двадцать вещей, и каждый предмет расположен так, что его можно рассмотреть со всех сторон.

Я совершаю ошибку, взглянув на ценник на юбке, сшитой вручную французским дизайнером, — у меня почти случается сердечный приступ.

— Я подожду снаружи, — хриплю я, когда Данте и Стефани набрасываются на платье.

Сидя на обочине, я таращусь на свой телефон, но сигнала нет, поэтому мне не удается сообщить Эйдену, что в ближайшее время меня не стоит ждать в музее.

Я чувствую себя ужасно из-за того, что бросила его. Эйден здесь только потому, что делает мне одолжение. Вдруг он сейчас на меня злится?!

~

— Я немножко напилась.

— Ты уже говорила.

— Прости. Больше не повторю. — Я делаю вид, что закрываю рот на замок, а потом

выбрасываю ключ. Но секунду спустя забываю о своем обещании: — Они заказывали и заказывали мне напитки, а мне не хотелось показаться невежливой.

Я валяюсь на кровати после ужина. Эм, мне *кажется*, что мы вернулись в бунгало *после ужина*, хотя не похоже, что мы со Стефани и Данте ели. После посещения бутика мы обнаружили маленький бар в отеле. Коктейли были такими хорошими и такими дешевыми, а Данте и Стефани такими веселыми! Невероятно, но они могут пить и не пьянеть. Я... не могу.

— Я рассказала Стефани о зеркале, и она посмеялась. Думаю, я правильно поступила, выбрав этот момент. Тебе понравился музей? — спрашиваю я, наклоняя голову, чтобы посмотреть на Эйдена вверх ногами. Он сидит на одном из кресел в комнате и печатает на ноутбуке. Интересно, о чем он пишет?

Наверное, обо мне.

Розы красные, фиалки синие.

Уста у Мэдди малиновые.

— Честно говоря, не совсем.

О нет, так и знала, что его день не задастся! Из-за этого я теперь плохо себя чувствую. Я щелкаю пальцами — мне в голову приходит блестящая идея.

— Пойдем купаться! — сев, придумываю я.

От резкого движения голова начинает кружиться.

— Сейчас?

— Да! Ну же, будет весело!

— А остальные? — спрашивает он, поглядывая на дверь.

— Мы тихонечко. Давай, один раз живем, Эйден Смит!

У него нет выбора, потому что я уже порхаю по комнате, собирая вещи, которые, как мне кажется, нам понадобятся: полотенца, солнцезащитный крем, обувь. Сборы я устраиваю для того, чтобы доказать всю серьезность своих намерений.

Он отбирает у меня солнцезащитный крем.

— Сейчас ночь, солнца нет.

— То-о-очно.

— На тебе мой шлепанец.

— Ой.

Я бросаю все обратно на кровать.

Эйден смеется и качает головой, прежде чем направиться к двери.

— Нам ничего не нужно. Пойдем.

Теперь ведет он. Мы выходим из бунгало и спускаемся по бетонной дорожке к бассейну. Сначала я немного переживаю, что нас кто-то увидит, но оказалось, что на улице темным-темно. Все спят. Шторы везде задернуты. В главном корпусе выключен свет, и нет ничего, кроме стрекота сверчков и цикад. Я опускаю большой палец ноги в бассейн, чтобы выяснить температуру. Думала, что будет теплее.

Эйден, не теряя времени, стягивает с себя футболку. Наблюдаю за ним из-за плеча. Луна подчеркивает контуры его тела, отбрасывая свет и тени. Эйден бросает футболку на шезлонг и начинает снимать шорты, оставляя на себе лишь черные боксеры.

Затем переводит взгляд на меня.

— Раздевайся, Мэдди.

Мое тело моментально реагирует так, будто Эйден контролирует мой мозг. Я начинаю

стягивать майку через голову. На секунду она цепляется за мой конский хвост, и я издаю страдальческий звук — как животное, попавшее в ловушку, — прежде чем руки Эйдена ловко поднимают ткань над моей головой и кидают одежду к его футболке.

Мы никогда не раздевались друг перед другом. Ни разу.

Само собой, мы ходили поплавать с друзьями в природный источник Бартон-Спрингс или нежились в бассейне нашего дома, но это другое.

— Теперь шорты, — говорит он, не сводя с меня взгляд своих зеленых глаз.

Я расстегиваю пуговицы и спускаю шорты, так, что они самостоятельно соскальзывают вниз. Отодвинув их в сторону, перевожу взгляд на свои черные трусики. Они не подходят к моему бледно-розовому бюстгальтеру. Интересно, как к этому относится Эйден? Интересно, волнует ли его это вообще? Когда я снова поднимаю голову, он смотрит на меня в мягком лунном свете.

Его взгляд горит. В зеленых глубинах полыхает огонь.

— Думаешь, это хорошая идея? — спрашиваю я. Весь мой энтузиазм развеялся как дым сразу, стоило нам покинуть бунгало. Внезапно происходящее перестало походить на веселье и забавы.

Эйден ухмыляется.

— Один раз живем, Мэдди Лейн, — возвращает он мои же слова.

И пятится к глубокому концу бассейна. Я было решила, что он сейчас упадет, но в последний момент Эйден поворачивается и ныряет, исчезая под поверхностью. Его тело размывается под глубинами. Эйден пересекает бассейн, а затем вновь появляется рядом, как морское чудовище, скрывающееся в темноте.

— Неужели думаешь, что я прыгну? Что ж, спешу сообщить: я так и не научилась нырять, поэтому воспользуюсь проверенным методом, — разъясняю я, огибая край бассейна и направляясь к мелким ступенькам. Я спускаюсь медленно, глядя под ноги, чувствуя на себе взгляд Эйдена.

Сейчас тихо. Я привыкла к шуму пустыни, поэтому слышу лишь мягкие всплески в воде от моих ног. Когда моя грудь уходит под воду, я погружаюсь с головой и плыву туда, где находится Эйден.

Я почти до него добираюсь, но выпитый алкоголь и отсутствие опыта плавания сказывается, и мне приходится почти сразу же тянуться к бортику.

Эйден этого не замечает. Он молча плывет на месте, разглядывая звезды над головой.

Он в странном настроении.

Может, злится на меня за то, что я бросила его на весь день. Может, злится на меня за то, что я вообще притащила его сюда. Как бы то ни было, я больше не могу терпеть.

— Ты сердишься? — ласково спрашиваю я.

Эйден переводит внимание с неба на меня. Его взгляд такой тяжелый, что я бы утонула, если бы не держалась за борт.

— Нет.

Но слово, сказанное грубым тоном, меня не убеждает.

— Ты чем-то расстроен.

— Это не совсем подходящее слово, — отвечает он, задумчиво прищурился глаза.

— Тогда в чем дело?

Он качает головой.

— Не сегодня.

Эйден вновь ныряет и уплывает на другую сторону, потом возвращается ко мне, затем снова уплывает. И так по кругу. Выныривает лишь для того, чтобы глотнуть немного воздуха. Похоже, он пытается выпустить пар, и меня это раздражает.

Когда Эйден вновь подплывает, я преграждаю ему путь. Он не понимает, что я рядом, пока не разворачивается, чтобы оттолкнуться от стены, с силой в меня врезаясь. Его макушка ударяется мне в живот, и я издаю громкий стон. Когда я начинаю изо всех сил пытаться плыть, он тянется ко мне.

— Вот черт, — бормочет он, сжимая мое плечо. — Ты в порядке?

— Боже, как больно, — постанываю я, желая обхватить рукой живот. Мне удастся это сделать, но только когда Эйден подталкивает меня обратно к бортику. Затем помогает мне ухватиться за выступ, где я пытаюсь сделать глубокий вдох, но из-за боли не могу.

— Все, выходим. Не следовало нам плавать, — говорит Эйден, хватая меня за талию, чтобы поднять и перевалить через край.

У меня нет сил для протеста, поэтому я позволяю ему вытолкнуть меня из воды. Как только я оказываюсь на бетонном выступе, я переворачиваюсь на спину. Мои ноги свисают в бассейн, погружаясь в воду. Бетон, прогретшись за день на солнце, наполняет меня приятным теплом. Боль в животе утихает. Я знаю, что ничего серьезного, но Эйден все равно намерен проверить меня.

Он вылезает из бассейна и нависает надо мной, вода капает с его тела.

— Ты как?

Я закрываю глаза.

— Превосходно.

— Зачем ты встала у меня на пути?

Меня бесит его тон.

— Я просто попыталась остановить тебя на секунду.

Его рука касается моего живота, и я вздрагиваю.

— Я хочу понять, действительно ли я больно тебя задел, — объясняет он.

Я всасываю свою нижнюю губу в рот и не говорю ни слова. Правда в том, что он причинил мне боль. Мне было больно жить с ним в качестве друга два года, и эти раны гораздо серьезнее удара в воде.

Его рука не отрывается от моего тела, но я не открываю глаза.

Как только его пальцы начинают мягко скользить выше, *ох, так чувственно*, вдоль центра моего живота, по телу пробегает дрожь.

— Мэдди?

Я продолжаю молчать, четко осознавая, что этот момент не продлится вечно. Его пальцы легко скользят по моей влажной коже. Я не врач, но я почти уверена, что он больше не проверяет меня на наличие травм. Он просто, не торопясь, прикасается ко мне.

Раньше ничего подобного не происходило.

Эйден как будто забылся, забыл, кто я для него.

Возможно, сейчас я для него обычная девушка в трусиках. Готовая на все.

Его пальцы порхают по нижней части моей грудной клетки, и я выгибаю спину. Мои лопатки упираются в бетон, отчего его прикосновения кажутся еще более сладкими.

Мне страшно, что Эйден остановится в любую секунду, поэтому я жмурю глаза. Его ладонь отрывается от моей кожи, но не полностью. Подушечками пальцев Эйден обводит центр моей грудной клетки, прямо между грудями.

Я резко втягиваю воздух, когда капли воды стекают с его волос на мою шею. Они скатываются по моей коже, и я четко ощущаю каждую. Чувствую, как Эйден склоняется надо мной, словно я тонущая жертва, и он готов вдохнуть в меня жизнь. Его палец скользит по моей ключице выше, к точке пульса, затем по подбородку и, наконец...

К моим губам.

Он прикасается к ним благоговейно, как будто это крылья бабочки, которые он не хочет раздавить. Я приоткрываю их, и в этот же момент его рот опускается на мои губы.

Из-за неверия и накопленного желания, первые несколько секунд я никак не реагирую. Меня обездвиживает шок, я боюсь проснуться.

А затем внезапно, как обухом по голове, я с ослепительной ясностью прихожу в себя.

Моя мечта сбывается.

Эйден целует меня.

Я поднимаю руку и касаюсь его шеи, мои пальцы путаются в его мокрых волосах. Мой рот открывается навстречу, и язык Эйдена скользит внутрь. Стон пронзает воздух, и я не понимаю, что он исходит от меня, пока Эйден не реагирует. Он накрывает своим телом так, что наши бедра соприкасаются, и целует сильнее. Смахнув волосы с моего лица, Эйден обхватывает мой подбородок и наклоняет мою голову под идеальным углом. Мы целуемся, но это больно от понимания скоротечности поцелуя. Мы словно пытаемся вырвать друг у друга все до последнего кусочка, пока есть такая возможность.

Эйден осторожно удерживает свой вес, осознавая, что бетон царапает мою кожу, поэтому я вожу пальцами по его спине и притягиваю к себе... Будь прокляты синяки и царапины!

Простонав, Эйден ласкает мою шею и опускает руку к бретельке моего лифчика. Его пальцы проскальзывают под ней и начинают ее снимать. Я чувствую, как прохладный ночной воздух целует мою обнаженную грудь. Эйден сжимает и дразнит холм своей ладонью, углубляя поцелуй.

— Мэдди, это ты? — словно из железнодорожного тоннеля за много миль отсюда раздается голос Стефани.

Я мечтаю, чтобы она действительно находилась за много миль отсюда, но это не так.

Вот он — звонок с урока, дзиньканье лифта перед открытием, конец, который, как я знала, приближался.

Мои глаза распахиваются, а Эйден разрывает наш поцелуй и, выпалив ругательство, прикрывает мою наготу своим телом.

— Прости, — кричу я, — мы как раз собирались вернуться в наш номер!

Стефани смеется, и дверь в главный корпус вновь закрывается. Мы снова наедине с Эйденем, но теперь все не так. Я мокрая, замерзшая и смущенная. Мой локоть болит, потому что я поцарапалась о бетон. Эйден спешит поправить бретельку моего лифчика и свои боксеры.

Он отстраняется от меня, прежде чем я успеваю попросить его не уходить. Эйден берет свою футболку и натягивает ее, после чего передает мне мои вещи.

Я сажусь и жду, что Эйден что-нибудь скажет, но он молчит. Он не может стоять на месте, в движении, точно так же, как в бассейне. Я чувствую, как нас затягивает назад, словно луна зовет прилив. Ощущаю себя голой, поэтому спешно одеваюсь, отчего натягиваю майку задом наперед, но мне все равно. И возвращаюсь в наше бунгало, желая покоя и уединения в нашей комнате. Я ожидаю, что Эйден окажется за моей спиной, как только я

войду в дверь и обернусь, но его нет.
За мной он не пошел.

Мэдди

Я не могу сказать, возвращался ли Эйден в бунгало прошлой ночью. Его не было рядом, когда я заснула или когда проснулась. От острой головной боли рябит в глазах, напоминая, что я вчера слишком много выпила... Раскаиваюсь ли я? Посмотрите, куда это меня привело: под Эйдена.

К поцелую.

Теперь, конечно, придется бороться с желанием повторить. А стоит ли нам обсудить произошедшее? М? Должны ли мы посмеяться над этим или мне следует потребовать, чтобы мы сели и серьезно поговорили о его намерениях? Такие мысли крутятся в моей голове, пока я одеваюсь и тщательно наношу макияж. Я надеваю свой самый красивый сарафан не специально, просто он оказался ближе всего ко мне — в дальней части шкафа. Легкий аромат духов за ушком — случайность. Еще один маленький пшик на обоих запястьях? Ну, мне не хотелось выбирать любимые части тела.

На улице жаркий солнечный день. Я убираю волосы с шеи и закручиваю их в низкий пучок.

Когда я добираюсь до места, все уже завтракают.

Эйден потягивает кофе. Я подхожу и встречаюсь с ним взглядом.

Я выгибаю бровь, и он медленно расплывается в улыбке. Так, будто пытался сдержать ее, не желая поддаваться.

Любопытно.

— А вот и она! Мы делали ставки, когда ты присоединишься к нам, — веселится Данте.

— Эй, не будешь же ты винить девушку за то, что она нуждается в отдыхе? Говорят, она вчера поздно легла, — поддразнивает Стефани.

— Хоть у кого-то была бурная ночь, — стонет Данте.

Я поворачиваюсь спиной к группе, наполняя свою тарелку в буфете, держа кулачки, что никто не заметил, что я покраснела с головы до ног.

— На самом деле, я рада что вы, наконец, вместе, — вздыхает Стефани. — Остальные не в курсе, но Эйден и Мэдди годами жили вместе как соседи по квартире...

Я замираю, а потом резко разворачиваюсь в надежде прервать ее рассказ.

— Стефани, наша история никому не интересна. Самая обычная. Давайте обсудим, чем будем сегодня заниматься...

— Нет! Я обожаю узнавать, как пары познакомились, — не соглашается со мной Каденс, взволнованно хлопая в ладоши.

— Скажем так, — хихикает Стефани, — Мэдди была одержима Эйденom с первого дня.

Меня парализовало. Я стою у буфетного стола в полном оцепенении.

— Когда мы созванивались, она целую вечность рассказывала мне о своей влюбленности и о том, что он никогда не увидит в ней никого, кроме друга.

Вот оно.

Правда выплескивается наружу, как вихрь из страниц моего дневника на всеобщее обозрение.

— О, это так мило! — восторгается Каденс. — И, очевидно, что все у ребят получилось.

В уголках моих глаз собираются слезы. Руки так сильно дрожат, что вилка стучит по

тарелке.

— А как насчет тебя, Эйден? — спрашивает Данте. — Ты тоже влюбился с первого взгляда?

Я не могу смотреть на него. Я — провод под напряжением. Оголенный.

Его очаровательный голос пробивается сквозь шум в моих ушах.

— Не совсем.

Не совсем.

Нет.

Точно.

Мое тело начинает двигаться прежде, чем мозг посылает сигнал к действию.

— Я пойду переоденусь, — быстро бросаю через плечо, смаргивая слезы. — Не подумала сразу прийти в купальнике, как остальные. Сейчас вернусь.

Я несусь по тропинке обратно в бунгало с пустой тарелкой в руках.

Я в шоке. Все кажется нереальным. Пейзаж проносится мимо меня. Пробегает ящерица. Все это происходит, но мой мозг слишком занят, пытаясь убедить меня, что все это просто сон наяву.

Я прячусь внутри, за закрытой дверью, и пытаюсь осмыслить сказанное Стефани. Такие слова, как «влюблена» и «одержима», прорываются наружу, отчего все внутри меня сжимается. Что мне теперь делать? Что сказать Эйдену, чтобы он обо всем забыл?

Одно дело, когда у нас у обоих сносит крышу, как прошлой ночью. Это было спонтанно. Весело. Глупо.

А сейчас совсем другое.

Стефани, которая вещает всем о моей одержимости Эйденом с первого дня, — это не тот способ, которым я бы хотела поделиться о своих чувствах. Нельзя бросаться такими словами, как «одержимость», ведь из-за него меня можно счесть сумасшедшей фанаткой.

К тому же, он наверняка подумает, что она сказала правду. И это так! Но ему не нужно было этого знать.

Дверь позади меня открывается, и я резко оборачиваюсь, нацепив широкую улыбку на лицо.

— Ты в порядке? — спрашивает Эйден.

Тут я начинаю мгновенную импровизацию.

— Боже, конечно. Не слушай Стефани. Кажется, я как-то сказала ей, что ты милый или что-то в этом роде, а она подхватила.

Я иронично закатываю глаза.

Эйден останавливается в дверях, нахмутив брови.

Я вытираю щеку, чувствуя, как скатывается одинокая слезинка.

Хотелось бы мне, чтобы он этого не заметил. А еще лучше, чтобы вообще не последовал за мной сюда.

— Это прозвучало не как единичный случай, — произнес он.

Я выдавливаю из себя смешок.

— Уверена, что действительно говорила ей об этом не один раз. Эм, ведь ни для кого не секрет, что ты симпатичный, но это не означает, что я одержима тобой. — Я качаю головой. — На самом деле, я трепалась с ней обо всех своих знакомых парнях. Если не ошибаюсь, только на прошлой неделе я сказала ей, что, по-моему, Дэн довольно милый.

Врушка. Врушка. Врушка.

Он хмурится.

— Дэн с твоей работы?

— Да, ты видел его со мной в гастрономе.

— Ага.

— Эм, понимаешь, между нами говоря, я думаю, что Стефани всегда хотела, чтобы мы были вместе. Это вроде как мило. Так что, не придавай большого значения тому, что она сказала.

— А как насчет прошлой ночи?

О боже мой. Нам обязательно говорить об этом сейчас?!

— Ночью было весело.

Я двигаюсь как птица, порхающая с одного дерева на другое. Поставив тарелку, иду к гардеробной, чтобы достать свой купальник из чемодана.

— Брось, нам не нужно обсуждать дела сердечные, — кричу я, чтобы Эйден меня услышал. — Я еще даже не пила кофе!

Мой голос крутой, как яйца. Словно я постоянно тискаюсь с парнями у бассейна. Рука на моих сиськах? Такое случается каждый день, ничего особенного!

Я переодеваюсь в свое небесно-голубое бикини, а затем накидываю коротенький белый пляжный халатик и возвращаюсь в спальню. Эйден сидит на краю кровати и смотрит в окно.

— Ты не будешь переодеваться? Кажется, все собирались полежать у бассейна.

— Да, конечно. — Он кивает, но не встает.

Его внимание все еще приковано к чему-то за окном.

— Встретимся там?

Наконец Эйден поворачивается и оценивает меня, уставившись так, словно пытается разглядеть что-то глубоко спрятанное.

Я улыбаюсь и шевелю бровями, как бы спрашивая: «Что?»

— Ты бы сказала мне, верно? — задает он вопрос. — Если бы хоть что-то из этого было правдой?

Я стону, как будто нахожусь в агонии.

— Я думала, мы закрыли эту тему.

— Мэдди...

— Да! Эйден, да. Конечно, я бы тебе сказала. Но это неправда, так что перестань так на меня смотреть. А теперь, пойдем повеселимся.

~

Как выяснилось, все эти разговоры о том, что отдых будет исключительно для пар, были не совсем правдой. Разумеется, праздновать приехало и несколько пар, но Данте отдыхал один (его партнер не смог отпроситься с работы), а Каденс вообще одинока. Я прекрасно осведомлена об этом, потому что она проявляет особый интерес к Эйдену. Она засыпала его множеством вопросов о работе с тех пор, как мы присоединились к остальным, хотя, думаю, это имеет смысл. Она помощник литературного агента, и хоть еще не представляет собственных клиентов, но помогает обрабатывать материалы и запросы.

Каденс болтает с нами в мелком конце бассейна, пытаясь убедить Эйдена подумать о том, чтобы продвинуть карьеру в новом направлении.

— Вчера вечером я прочитала твою статью о протестах в центре Остина. Мне понравился твой подход, — выпаливает она. — Повествование от лица детей иммигрантов. Проблема стала очевидна, как будто я смотрела на нее под микроскопом, ее было легко

воспринимать.

О-окей. Хотя я и уверена, что его статья вышла замечательной, действительно ли ей нужно смотреть на него с сердечками в глазах? Хочу отметить, насколько она знает, мы влюблены! Разве она не слушала все, что Стефани говорила за завтраком? Вероятно, все она прекрасно слышала, и, к сожалению, это, вероятно, только сделало Эйдена более интересным в ее глазах.

— Я пойду налью себе еще выпить, — сообщаю я, но никто из них не отвечает.

Я переплываю на другую сторону бассейна и вылезает. Эллиот и Данте организовали бар на складном столе со всевозможными видами алкоголя, блендером и льдом.

Там сейчас Данте, и я направляю в его сторону обаятельную улыбку.

— Могу я соблазнить тебя приготовить мне такой же коктейль, как в первый день? Он получился таким вкусным.

Он подмигивает.

— Конечно. Я как раз собирался сделать себе.

Я протягиваю Данте свой стакан, и он просит меня принести холодную банку спрайта из холодильника.

Когда я передаю лимонад, он смотрит на меня краем глаза.

— Хочешь обсудить то, что Стефани рассказала за завтраком?

— Сделаем вид, что уже обсудили.

Он смеется.

— Знаю, что тебе, вероятно, было немного неловко, но что в этом такого? Вы с Эйденем встречаетесь, так что для него не секрет, что он тебе нравится. Как по мне, это было мило.

Я отвечаю уклончивым гулом.

— Скорее всего, тебе так сложно, потому что вы недавно начали встречаться, — продолжает он обдумывать нашу предполагаемую ситуацию. — Вы двое, вероятно, все еще на стадии выяснения. Ты просто не хочешь показаться слишком увлеченной им.

— Определенно нет.

Данте делает паузу и смотрит на меня.

— Он запаниковал, когда вы вернулись в бунгало?

— О... да...

— Серьезно?!

Я яростно качаю головой, понимая, что потеряла нить разговора.

— Стоп! Нет! — смущаюсь я и пытаюсь отмотать назад. — Он не паниковал, — настаиваю я. — Это я испугалась.

— Потому что он тебе действительно нравится, — заключает Данте.

С облегчением киваю. Хотя бы Данте я могу спокойно признать правду.

Я оглядываюсь на Каденс и Эйдена и вижу, как он подплывает к краю бассейна и вылезает, чтобы ответить на звонок. Эйден спешно берет мобильный и во время разговора кивает, а затем направляется обратно в бунгало, очевидно, желая побыть наедине.

— Интересно, что это за дела, — бормочет Данте.

— Работа, наверное.

Проходит полчаса, но Эйден так и не возвращается к бассейну.

Меня начинают расспрашивать, куда подевался мой парень, и если сначала я просто пожимаю плечами, то позже решаю вернуться, чтобы проверить его, на всякий случай, если

что-то не так.

Я иду по бетонной дорожке мимо главного корпуса и вижу впереди наше уединенное бунгало. Дверь слегка приоткрыта, как будто Эйден забыл ее закрыть полностью, или, может быть, он просто слишком торопился. Я поднимаю руку, чтобы постучать в дверь и предупредить его о своем присутствии, но потом слышу, как он говорит по телефону:

— Естественно, это моя мечта. О таком мечтает каждый.

Он смеется над чем-то, что говорит человек на другом конце линии, а затем снова наступают тишина. Я оглядываюсь назад, на тропинку, раздумывая, не вернуться ли мне к бассейну. Но тогда все будут спрашивать меня, что с Эйденем, а у меня все еще нет ответа.

— Я понимаю, — продолжает он. — Я не особо загружен, у меня будет свободное время, так что нет причин, по которым я не смогу прийти туда завтра.

У меня внутри все сжимается.

Нет причин, по которым я не смогу прийти туда завтра.

Нет причин.

— Отлично, да, звучит неплохо. Как только закончим разговор, уточню варианты перелета. Свяжусь с вами после этого.

Эйден снова смеется, горячо благодарит собеседника, а затем звонок заканчивается.

Я слышу его шаги, как он расстегивает сумку, по-видимому, достает свой ноутбук, чтобы проверить эти самые рейсы.

Я прочищаю горло и стучу в дверь.

— Эйден? — зову я, делая вид, будто только что дошла до бунгало.

— Эй, можешь войти.

— Ты оставил дверь незапертой, — указываю я. Он сидит в одном из шезлонгов, пальцы уже летают по клавиатуре.

— Ох, прости. — Он даже не отрывает взгляда от своего компьютера. — Я добежал сюда, чтобы спокойно поговорить, и должно быть, в спешке не закрыл ее полностью.

— Ясно, важный звонок?

Он смотрит на меня так, словно только сейчас понимает, кто я и о чем его спрашиваю. Затем он медленно кивает.

— Да, можно и так сказать.

Я слегка улыбаюсь.

— Почему ты говоришь так загадочно?

Он подражает моей улыбке.

— Наверное, я просто все еще немного в шоке. — Я вскидываю бровь, и он качает головой, прежде чем продолжить: — Это был «Таймс».

— «Таймс»? В смысле The New York Times?

Он смеется, словно сам не может в это поверить, откидывается на спинку шезлонга и проводит руками по волосам.

— Они позвали меня на собеседование.

— Ни фиги себе!

Моя челюсть лежит на полу. Это же мечта Эйдена.

— Ага. Дэйв сказал, что замолвил за меня словечко несколько недель назад, но я не думал, что из этого что-нибудь выйдет.

Дэйв — главный редактор Texas Monthly. В течение многих лет он поддерживал Эйдена, верил в его талант и устраивал для него настоящие испытания в надежде, что Эйден обернет

все в свою пользу. Ничего удивительного, что он дал хорошую рекомендацию Эйдену, и ничего удивительного, что издательство ждет его в Нью-Йорке на собеседование.

Удивительно лишь то, как не вовремя все это произошло.

— Значит, ты уедешь раньше?

— Понимаешь... Я должен, согласна?

Его зеленый взгляд никогда не был настолько отстраненным.

— Безусловно, должен. Это же «Таймс».

— «Таймс», — повторяет он.

— Невероятно.

— Я знаю.

— Что чувствуешь? — спрашиваю я, сознавая, что мой голос звучит не совсем правильно. Я недостаточно скрываю свои эмоции. Мое беспокойство просачивается наружу.

— Как все не на яву. В смысле, пока ничего не ясно. — Он пожимает плечами. — Мне еще не сделали предложение или типа того. Просто собеседование.

Хоть Эйден и говорит так, но я-то знаю правду. Эйден получит эту работу. Это его момент, время и место, и если он не воспользуется предоставленным шансом, через десять лет он будет вспоминать об этом дне, разочарованно качая головой.

— И что потом? — подсказываю я, потому что мне нужно знать.

— В каком смысле?

— Ты будешь корреспондентом в Техасе или кем-то в этом роде?

По тому, как Эйден хмурит брови, я уже догадываюсь, каким будет ответ. Последний клочок надежды, за который я наивно цеплялась, скомкан и выброшен.

— Работа в Нью-Йорке, — легко говорит он.

Я качаю головой, словно исправляю ход своих мыслей.

— Само собой. Еще бы. Ух ты, это... — Я указываю себе за спину. — Я зашла проведать тебя, так что мне, вероятно, теперь следует предупредить остальных...

— Да, хорошо. — И он вновь концентрирует внимание на ноутбуке. — Мне нужно все выяснить и понять, смогу ли я вылететь из Эль-Пасо или мне следует вернуться в Остин.

— Ого! Конечно. — Я воспринимаю это как намек на то, что мне пора уходить. — Хорошо, удачи.

Я пытаюсь выглядеть полной оптимизма до тех пор, пока не закрываю за собой дверь нашего бунгало. Тогда мои плечи опускаются, улыбка исчезает, и я делаю прерывистый вдох. Такое чувство, что на моей груди лежит камень, как будто я не смогла бы сдвинуться с этого места, даже если бы за мной гнался лев. Прищурившись, я смотрю на пустынный пейзаж, пытаюсь понять, как это могло произойти. Эйден проходит собеседование в Нью-Йорке. Если он получит работу, он переедет.

Вот так просто — пуф. И его нет.

Меня тошнит от страха, и мне совсем не хочется верить, что все так быстро произошло. Разумеется, Эйден упоминал о работе в «Таймс», но это всегда казалось несбыточной мечтой, как будто десятилетний ребенок в футболке рассказывал, что когда-нибудь попадет в НФЛ. Я никогда не думала, что он действительно сделает это.

Это неправильно.

Все должно быть иначе.

Прошлая ночь была началом чего-то. Мы оба потерялись в моменте, да, но разве это ничего не значит? Он наверняка тоже подавлял свои чувства, верно? Нельзя ведь целовать

того, кто не нравится? Так, может, я ему нравлюсь? Может быть, он жалеет, что нас прервала Стефани?

Сейчас я нахожусь в раздразе с собой, расхаживая взад и вперед по бетонной дорожке перед нашим бунгалом, обдумывая варианты в голове и дико жестикулируя руками, как будто я адвокат в зале суда. Я могла бы вернуться к бассейну, достать бутылку водки и выпить ее до последней капли. Или пойти к Эйдену, сказать ему правду о своих чувствах и умолять его остаться.

Ни то, ни другое не звучит привлекательно.

Есть причина, по которой я все это время хранила свою влюбленность в секрете. Будь я одной из тех уверенных в себе женщин, которые кричат о своей любви, мы бы с самого начала не оказались в такой ситуации. Я бы призналась Эйдену, о, не знаю... ДВА года назад!

Я не смогу этого сделать. Ни за что.

С другой стороны, если я не скажу ему сейчас, что тогда?

О, верно: тоска, страдание, душераздирающая печаль.

Я не могу этого допустить.

Я должна рассказать ему все. Он должен знать!

Не раздумывая больше ни секунды, я поворачиваюсь к двери и снова распахиваю ее. Мое сердце бешено громыкает. Зрение затуманивается от преждевременных слез. Я больше не контролирую свои ноги, просто две конечности делают свое дело, пока я не оказываюсь вновь перед Эйденем. Он поднимает на меня взгляд и улыбается.

— Я нашел рейс из Остина, в Нью-Йорке буду завтра до полудня, — сообщает он, откладывая ноутбук на кофейный столик и направляясь к шкафу.

Что?! Уже?!

— Оу, неужели? — Судя по всему, меня эта новость в восторг не привела. — Обычно ранние перелеты тяжело даются, потому что хочется спать, верно? Будешь пить много кофе? Но что потом? Еще больше кофеина? Уф. Удачи. Тебе придется просить рядом сидящего пассажира выпустить тебя в туалет, и сам знаешь, как это раздражает...

Эйден смеется.

— Все будет хорошо.

Я прищуриваюсь.

— Уверен? Какой авиакомпанией летишь?

— «Дельтой».

— «Дельтой»? Иу. «Юго-Западные» авиалинии хотя бы дают орешки.

— Предполагаю, что «Дельта» тоже раздает закуски.

Дерьмо. Так ли это?

Я слышу, как он сдергивает одежду с вешалок. Эйден на самом деле уходит. Сейчас. Если у него ранний утренний рейс из Остина, это означает, что он должен ехать домой сегодня.

Я кусаю костяшки пальцев, придумывая план. Я думала, что когда я вернусь сюда, он будет сидеть на шезлонге и испытывать те же сомнения, что и я. Он бы увидел мое выражение лица, нахмурился, отодвинул свой ноутбук в сторону и сказал бы: «Не волнуйся. Я точно знаю, что ты чувствуешь, и, конечно, я не соглашусь на эту работу. Я бы никогда тебя не бросил».

И после этого мы бы долго-долго целовались и унеслись в закат на благородных

скакунах.

Вот черт.

— Эйден! — резко окликаю я.

Он возвращается в комнату и быстро огибает кровать, чтобы отсоединить зарядное устройство от стены и свернуть его в комок.

— Да?

— Ты точно уверен?

— В чем? — спрашивает он, не потрудившись остановиться и хотя бы посмотреть в мою сторону.

Храбрость покидает меня, как гелий воздушный шарик.

— В этом... рейсе.

— С «Дельтой» все в порядке.

Я неподвижно стою, пока Эйден относит зарядное устройство для телефона и ноутбук в гардеробную, где собирает вещи.

Все я делаю неправильно. Я ошибочно предположила, что просмотр романтических комедий на протяжении всей моей жизни помог мне обрести навыки для этого момента. Но только что все мои широкие жесты сошли на нет. У меня нет гигантских плакатов и бумбокса как в «Реальной любви». Никакой небрежной позы у красного «порше» в стиле «Шестнадцати свечей». Под моей рукой нет микрофона, чтобы спеть Can't Take My Eyes Off You, как это делал Хит Леджер на трибуне в «Десяти причинах моей ненависти».

Я смотрю вокруг, и меня не вдохновляет обстановка нашего бунгало в пустыне.

Вот, Эйден, возьми этот высохший цветок в знак моей привязанности.

Я слышу, как он застегивает свой чемодан, и мое сердце разрывается на мелкие кусочки. Он появляется мгновение спустя со своим багажом, взволнованно пробегает взглядом по комнате, чтобы убедиться, что ничего не забыл.

— Уверен, что собрал не все. Что бы это ни было, захвати обратно в квартиру... — Его взгляд, наконец, останавливается на мне. — Черт, я не подумал. Как ты вернешься в Остин?

Я отмахиваюсь.

— Попрошу Стефани. Не забывай, что перед отелем стоит целый парк внедорожников.

Он выглядит успокоенным.

— Хорошо, хорошо. Я недолго пробуду в Нью-Йорке. Я забронировал обратный рейс на послезавтра.

Какое это имеет значение?

— Ты же не злишься, что я уезжаю? — спрашивает Эйден, его темные брови нахмурены.

Я натягиваю на лицо нейтральную маску, которая кричит: «Мне все равно!»

— Пфф. Нет! Конечно, нет. Конечно, да, без тебя здесь будет паршиво, и...

Вот он.

Тот самый момент.

И... я очень надеюсь, что ты не согласишься на эту работу.

Эти слова вертятся у меня на кончике языка.

Но тут кто-то колотит в дверь, и выпившая Стефани впускает себя.

— Где вы двое застряли?! Не вздумайте прятаться от всех, чтобы заниматься сексом в середине дня. — Она грозит пальцем, как будто отчитывает провинившихся школьников. — У нас вечеринка! — Она хватает меня за руку и тащит к двери, затем останавливается, когда замечает чемодан Эйдена. — Зачем он тебе сейчас?

Он хмурится и смотрит вниз.

— Прости, Стефани. Мне нужно возвращаться в Остин.

— У него собеседование по поводу работы, — добавляю я, будучи запрограммированной защищать его. — От такого нельзя отказываться.

Даже ради меня.

Стефани ударом карате рубит воздух, как будто слова, которые я говорю, ей скучны.

— Фу! Никаких разговоров о работе. Иди, если тебе нужно! — Она резко оборачивается ко мне, и ее глаза широко распахиваются от паники. — ТЫ! Ты ведь не уедешь, верно? Только потому, что уезжает он?

— Нет, но мне нужно будет вернуться в Остин через несколько дней.

Я морщусь, потому что ненавижу доставлять людям хлопоты.

— Конечно! Этот вопрос я беру на себя. Пока, Эйден! Желаю приятно провести время, чем бы ты там ни собирался заниматься!

Она крепко обнимает меня и тянет за собой, не давая мне возможности остаться.

Я оглядываюсь и смотрю, как Эйден стоит со своим чемоданом в центре комнаты. Прошлой ночью мы целовались у бассейна, а теперь он покидает меня.

Он выглядит грустным, наблюдая за моим уходом, но не просит меня остаться, и это гложет меня больше всего. Конечно, я ничего не сказала ему о своих чувствах, но и он мне не признался.

И это, к сожалению, мне и нужно.

Если бы Эйден любил меня так, как люблю его я... если бы у него были чувства ко мне, он бы сейчас не уехал.

Я наблюдаю с террасы у бассейна, как он катит свой чемодан к машине и загружает его в багажник. Словно парализованная, смотрю, как он обходит автомобиль, подходит к двери со стороны водителя и открывает ее. Я ненавижу, что во мне осталась надежда, совсем немного надежды, которая отказывается поддаваться разуму и здравому смыслу. Он садится в джип и закрывает за собой дверь. Я задерживаю дыхание. Это может случиться сейчас... Он покачает головой и придет в себя. Ну же.

Тут колеса автомобиля начинают вращаться, поднимая пыль. Эйдену было легко уехать; он даже не понимает, что проталкивает мое сердце сквозь лезвия измельчителя.

Наблюдая за отъездом Эйдена, я понимаю, насколько хрупка любовь. Нет никакого способа защититься от нее, нет способа сохранить свое сердце в пузырячатой пленке и в безопасности. Движения автомобиля по грунтовой дороге достаточно, чтобы сокрушить фантазию, которую я лелеяла в душе все эти годы.

Нам с Эйденем не суждено быть вместе.

Все сложилось не так, как я мечтала. У меня были смутные представления, каким должно было быть наше будущее. Будучи лучшими друзьями, постепенно мы бы полюбили друг друга. Предполагалось, что нас ожидает своего рода сказка с фейерверками в небе. Работа не помеха. *Настоящая взрослая жизнь? Эм, нет, спасибо! Забудь о предусмотрительности! Бросай свою работу! Разоряйся!*

Но Эйден не оборачивается, и моя медленно накатывающая печаль — это облако, отбрасывающее тень на любого, кто находится рядом со мной. Я даже не могу выдавить из себя слабую улыбку. Однако я могу употреблять алкоголь. Данте снабжает меня напитками и слушает, как я охаю и ахаю о том, как сильно скучаю по Эйдену.

— Разве он не уехал на день или два? — спрашивает он, пытаюсь обуздать мое

настроение.

— Да, а потом НАВСЕГДА, Данте. Навсегда.

Мужчина совершенно сбит с толку моим гиперболическим срывом.

— Просто время в разлуке кажется вечностью? — предлагает он, лихорадочно оглядываясь по сторонам, словно надеясь найти какое-нибудь подкрепление.

Я откидываюсь на шезлонг у бассейна и закрываю глаза рукой, чтобы яркое солнце пустыни не ослепило меня. Погода здесь не соответствует моему настроению. Мне нужны горящие свечи и пасмурное небо. Мне нужны снежные бури и темнота. Я должна быть в лачуге у черта на куличиках.

— Он переезжает в Нью-Йорк, — сокрушаюсь я. — Вот увидишь.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает Данте.

— Потому что... Я знаю.

Позже вечером какой-то придурок устраивает для Стефани и Эллиота игру для новобрачных, в которой они сидят посреди гостиной спиной к спине, держа в руках два весла. На одном весле приклеено лицо Стефани, на другом — Эллиота.

Каденс зачитывает вопросы с карточки:

— Итак, кто из вас, скорее всего, оставит посуду в раковине?

Вместо того, чтобы обращать внимание на происходящее веселье, я представляю, что играем мы с Эйденем. Ответ — Эйден.

— У кого самый вспыльчивый характер? — спрашивает Каденс.

У меня.

— Кто более организован?

Я.

— У кого волосы лучше?

У Эйдена.

— Кто громче храпит?

Увы... я.

— Кто готовит лучший завтрак?

Эйден. Его блинчики идеальны.

Слишком простая игра. Я знаю Эйдена лучше, чем кто-либо другой. Я знаю, кто из нас с большей вероятностью что-нибудь сделает или скажет, но затем Каденс переключается на более романтические темы, и внезапно меня бьет в живот холодная жесткая правда.

— Кто сказал «я люблю тебя» первым? — спрашивает Каденс у Стефани и Эллиота.

Никто.

— Кто сделал первый шаг? — продолжает она.

Сколько алкоголя я могу употребить, не испортив вечер Стефани?

— Кто более романтичен?

Я не знаю, ясно?!

И никогда не узнаю.

Мэдди

Следующий день — эпичная катастрофа. Я проверяю телефон каждые несколько минут, задаваясь вопросом, свяжется ли со мной Эйден, но нет. Ни разу за весь день он не позвонил. Мне вроде как удается не заливаться слезами на публике, но несколько раз я извиняюсь и возвращаюсь в бунгало, чтобы погрязнуть в одиночестве. Сейчас я лежу в постели, обнимая подушку, на которой спал Эйден. Она пахнет его одеколоном, и я бесстыдно вдыхаю, как будто этот аромат может вернуть его ко мне. Другой рукой я листаю ленту Facebook, стараясь не обращать внимания на посты о свадьбах и детях. Я так быстро смахиваю фото, что проношусь мимо снимка Эйдена, прежде чем осознаю это и возвращаюсь назад.

Оно мутноватое, как будто человек, который его сделал, не особо старался. Но даже сейчас легко сказать, что он стоит в баре с группой людей. Все они примерно его возраста, некоторые немного старше. Все толпятся вокруг него и поднимают напитки в знак приветствия. Улыбка Эйдена ослепляет. Подпись гласит:

«Поздравляю, Эйден! Новый журналист “The New York Times!”»

Нет.

Этого не может быть.

Он уже согласился? Вот так просто?

Эйден всего лишь ходил на собеседование. Конечно, я предполагала, что он получит предложение и, вероятно, примет его, но не так быстро!

Я прочитала комментарии всей его семьи и друзей. Все поздравляют его с таким огромным достижением. Он еще никому не ответил.

Полагаю, тот до сих пор в баре.

Я не хочу плакать. Я действительно не хочу, но слезы вырываются, хочу я этого или нет.

Я бросаю свой телефон на кровать и крепче обнимаю его подушку, прежде чем осознаю, что делаю.

И будто срывая пластырь, я бросаю подушку через комнату.

К черту Эйдена.

Пошел он КУДА ПОДАЛЬШЕ.

Мой телефон начинает звонить, и имя Эйдена высвечивается на экране в моей комнате, как будто он слышал мои проклятья в самом Нью-Йорке.

Я не хочу отвечать, не в таком состоянии, но звонки дразнят меня, отдаваясь эхом в тихой комнате.

И уже перед самым переходом на голосовую почту, я сдаюсь и провожу пальцем по экрану.

Как только соединяется звонок, меня атакует шум — громкая болтовня, звон бокалов.

— Мэдди? — кричит Эйден. — Ты меня слышишь?

Я шмыгаю носом, пытаюсь вытереть слезы.

— Да, слышу. У тебя немного громко.

— Извини, я еще не вернулся в отель. Парни из «Таймс» вытащили меня прогуляться с ними.

— Круто, — бормочу я, не прилагая усилий, чтобы продолжить разговор. Приятно немного повредничать.

— Как там в пустыне?

— О... жарко.

Он смеется, предполагая, что я шучу.

Мой пассивно-агрессивный тон наверно не бросается в глаза. Пожалуй, оно и к лучшему.

— В Нью-Йорке хорошо, — говорит он, когда я не задаю ему встречный вопрос. — Я уже был на собеседовании.

— Да?

— Было круто.

Я зажмуриваю глаза, стыдясь, что в них вновь собираются слезы. Я не хочу плакать в трубку. Я не хочу, чтобы он знал, насколько я расстроена.

— Мэдди? Ты все еще там?

Я держу телефон подальше от себя и делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Да, извини, кажется, плохая связь.

— Не удивительно. У тебя там плохо ловит. Я дважды пытался дозвониться тебе сегодня, но звонки не проходили.

Звонил ли он?

— Я рада за твое собеседование, — говорю я, зная, что было бы странно, если бы я не упомянула об этом. — Так что дальше?

— Ни в чем не уверен. Я еще не согласился на эту работу.

— Серьезно? Я только что видела фотографию на Facebook, где ты и твои новые знакомые в баре. Судя по подписи, ты уже согласился.

Он стонет, а затем в телефон проникает еще больше шума, как будто он отнял его от уха, чтобы проверить свою ленту в Facebook. Секунду спустя он выругался.

— Я и не знал, что они это опубликовали. Дерьмо, все же видели.

Да, включая меня.

— Так что? Ты согласился или нет?

— Это неофициально...

Его голос срывается.

Зачем мы это делаем, оттягивая неизбежное? Это ужасно — находиться в постоянном состоянии неизвестности. Согласится он? Или нет? Будем ли мы когда-нибудь в конечном итоге вместе?

Довольно.

— Я думаю, тебе стоит принять предложение, — решительно заявляю я. — Это прекрасная возможность, и ты пожалеешь, что упустил ее.

— Ого.

Похоже, Эйден удивлен. Затем, наконец, он продолжает:

— Да... я тоже так думаю.

Приятно быть тем, кто подталкивает нас к этому решению, как будто я в кои-то веки сажу за рулем.

— Итак, Нью-Йорк, да?

— ЭЙДЕН! ПАРЕНЬ! — кричит кто-то в трубку.

Я вздрагиваю и убираю телефон подальше от уха, а затем, секунду спустя, вызов прерывается.

Я несколько мгновений смотрю на экран, гадая, перезвонит ли он, а потом вспоминаю,

что Эйден сказал о том, что ему было трудно дозвониться до меня весь день. Скорее всего, это был наш единственный шанс, и теперь все кончено.

~

За несколько дней многое может измениться. На самом деле, думаю, если не осторожничать, вся жизнь способна полететь в тартарары.

Я поворачиваю ключ в квартирном замке и толкаю дверь. Сейчас воскресный вечер, но внутри все пусто. Я не звоню узнать, дома ли Эйден; я знаю, что его там нет.

У двери в его спальню стоит несколько коробок, уже упакованных, помеченных и заклеенных скотчем. Надпись сбоку не от его руки.

Утром сюда придут грузчики, чтобы закончить работу по перемещению жизни Эйдена.

Он не вернется в эту квартиру.

Сегодня утром он позвонил мне, когда я собиралась покинуть пустыню. Разговор был коротким и неожиданным.

— Мне нужно будет вылететь в Париж, чтобы сделать репортаж о трудовых спорах и забастовке. Там уже есть иностранный корреспондент, но «Таймс» необходимо больше журналистов на точке.

Я не помню, что сказала на это, звучало ли это впечатленно или благосклонно. Но я точно не просила его вернуться.

— Я не уверен, как долго там пробуду, поэтому найму транспортную компанию, чтобы они упаковали и привезли мои вещи. Так тебе не придется заниматься этим дерьмом самой.

Да. Не придется.

Мы поболтали об аренде и о том, буду ли я искать другого жильца в квартиру. Решили, что он будет платить свою половину арендной платы, пока я не найду кого-нибудь другого, а потом объявили, что заканчивается посадка на рейс Эйдена. Я слышала, как это объявили.

— Мне нужно бежать, Мэдди.

Я не знала, что сказать. Я не могла попроситься с ним. Я не могла сказать ему правду, не тогда. Не потому, что мне казалось, что уже слишком поздно, а потому, что где-то между первым собеседованием Эйдена в *The New York Times* и этим моментом я решила, что не буду стоять у него на пути. Я знаю Эйдена. Он бы не хотел меня обидеть.

Если бы я сказала ему правду о своих чувствах, он оказался бы между молотом и наковальней. Либо он бросил бы меня на произвол судьбы, чтобы осуществить свои мечты, зная, что я буду раздавлена, либо, может быть, он бы вернулся в Остин ради меня. И что потом?

Если Эйден останется в *Texas Monthly*, притворяясь, что ему этого достаточно, и зная, что отказался от невероятного шанса, что было бы у нас дальше?

Поэтому я облегчила ему задачу. Я не призналась и даже не попрощалась с Эйденем.

Сделала вид, что звонок оборвался, повесила трубку и навсегда закрыла за нами дверь.

Эйден

Наступил сезон веселья и всего такого.

Сыпет снег, да и высокие горы за запотевшим лобовым стеклом арендованной машины ясно дают понять, что я больше не в Нью-Йорке. Брат с супругой несколько месяцев назад купили загородный дом в Вейле, штат Колорадо, и пригласили меня присоединиться к ним на праздники. Я не мог отказаться, ведь это целая неделя вдали от работы, неделя, чтобы расслабиться и провести время с семьей, которую я не видел с тех пор, как уехал из Техаса в прошлом году.

Давно пора было встретиться.

Я барабаню пальцами по рулю — нервный тик. Я знаю, что там будет Мэдди. Я знаю это, потому что спрашивал об этом брата раза четыре.

— Возможно, она не сможет взять отгул, — предупреждал он.

— Но сейчас Рождество, — замечал я.

— Да, но Элиза ее повысила. Разве Мэдди тебе не сказала?

Нет. Не сказала. Мы с Мэдди не разговаривали.

В какой-то момент между тем, как я устроился в «Таймс», и сегодняшним днем наша дружба растворилась в воздухе. Подождите, неправильно — не в «какой-то» момент. В миллион разных моментов. Миллион сообщений, которые остались без ответа. Миллион телефонных звонков, которые отправлялись на голосовую почту. Миллион писем, которые, вероятно, так и не были прочитаны.

Мэдди отрешилась от меня.

Я уехал в Париж, и телефонные звонки и сообщения стали поступать все реже и реже. Она не оборвала наше общение разом. Это происходило медленно, более затянуто. Из-за разных неловких моментов я задумывался, не ищу ли я скрытый смысл там, где его нет. Может быть, она просто занята, рассуждал я. Может быть, ее телефон разрядился. *Может быть, у нее новая жизнь, и я был там не нужен.*

Разумеется, я расспрашивал Джоли и Джеймса.

— Она не перезванивает тебе? Мы только вчера с ней говорили. Мэдди нашла нового соседа по квартире.

— Ого, круто. Отлично, не мог бы ты попросить ее позвонить мне?

— Конечно.

Но ничего.

Дело было год назад.

Либо мою просьбу не передали, либо Мэдди не отнеслась к ней серьезно.

Как только наше общение полностью сошло на нет, я думал слетать обратно в Остин, чтобы встретиться с ней лицом к лицу, но так и не смог отпроситься. Когда мне все-таки удалось выкроить длинные выходные, я столкнулся с трудным вопросом: захочет ли Мэдди вообще меня видеть?

Все казалось таким нелепым.

Но сегодня я ее увижу, и все встанет на свои места. Мэдди и Эйден снова вместе как в старые добрые времена.

Дом Джоли и Джеймса примыкает к Гор-Крик в Вейле, и как только я проезжаю мимс

отеля "Четыре Сезона", я замечаю его на левой стороне. В этот загородный дом легко поместится десять моих квартир. На подъездной дорожке (разумеется, с подогревом) имеется место для целого парка автомобилей. Я подъезжаю и паркуюсь рядом с белым внедорожником «мерседес».

Коттедж — отличная груда кирпичей. Или, скорее, камней. Он отлично вписывается в окружающий его горный пейзаж, но все же кричит: «ПОСМОТРИ НА МЕНЯ!»

Может быть, дело в размере. Или в местоположении.

Может быть, я слишком много внимания уделяю дому и недостаточно внимания тому, что должно произойти, как только я окажусь внутри.

Выдохнув, толкаю дверь, и меня обдает порывом ледяного воздуха. Я все еще не привык к настоящим зимам. В душе я теплокровный техасец.

Я обхожу автомобиль и открываю багажник, чтобы достать сумки. Одна из них забита подарками. Стоит признать, я привез огромное количество подарков для Мэдди, но это только потому, что мы давно не виделись. В прошлом году я купил маленькую акварельную картину у художника на улочках Парижа и вставил ее в рамку. Еще приобрел медальон с выгравированной крошечной буквой «М» у ювелира в Ливане, куда меня занесло прошлым летом.

Ну и всякая дребедень для остальных. Джеймс получит бутылку виски, а Джоли вроде как свитер. Точно сказать не могу; я попросил продавщицу завернуть что-нибудь, что она сочтет подходящим.

И подарки для племянника. Форду уже почти год, но я не особо представляю этот возраст. Он уже ходит? Ест с общего стола? Уже разговаривает или еще рано?

Полагаю, скоро выясню.

Я подхожу к входной двери и стучу.

Открывают мне не сразу. Мои пальцы начинают неметь.

— Есть кто? — раздраженно стучу в дверь чуть сильнее.

Наконец она распаивается, и меня встречает Джоли в красно-белом клетчатом фартуке поверх черного платья-свитера. У нее на руках малыш Форд слюнявит свой кулачок.

— Эйден! Ты приехал! — восклицает она с широкой приветливой улыбкой.

Затем приглашает меня войти, и я снимаю ботинки у порога, чтобы не топтаться снежной обувью по дому.

— Как доехал? Не устал?

— Нет. Все хорошо.

— И машина держалась молодцом? В горах немного сложно водить.

— Все прошло отлично.

Мне не хочется разговаривать с Джоли. Без обид, но сестра Мэдди так же интересна, как миска отрубей с изюмом. Но мама воспитала меня правильно, поэтому я сопротивляюсь желанию положить руку ей на лоб и отодвинуть в сторону, чтобы направиться на поиски Мэдди. Вместо этого я позволяю провести мне быструю экскурсию по дому по дороге в столовую.

Ничего себе, гостиная, заполненная антикварной мебелью, которая выглядит неудобной. *Здорово.*

Ванная комната — новаторский проект?

Да это займет целую вечность!

Наконец, в коридоре, я слышу голоса. Огромный арочный дверной проем впереди ведет

на кухню и столовую. Туда, где собрались все: Джеймс, Мэдди и...

Парень.

Какого хрена?!

Мэдди стоит рядом с ним, опустив голову ему на плечо. Я моргаю, будучи не до конца уверенным, что вижу то, что, как мне кажется, вижу. У Мэдди появился парень? Парень, которого она привела на Рождество?

Мои сумки выпадают из рук, и тяжелый глухой стук привлекает всеобщее внимание.

— Эйден! — улыбается Джеймс, горя желанием поприветствовать меня как следует.

Я даже не смотрю на него.

Я смотрю на Мэдди, пытаюсь что-то прочесть в ее взгляде.

Я так давно ее не видел. Светлые длинные волосы закрывают одну сторону лица Мэдди, щеки покраснели от холода, как и ее пухлые губы. Карие глаза ничего не выражают. Хоть она и кажется незнакомкой, но она такая же красивая, какой я ее помню. Красивая и... сердитая.

Я знаю, что она злится.

Именно поэтому Мэдди стоит там и молчит. Именно поэтому она смотрит на меня без радости, ничего такого. Она не подходит, не обнимает меня и не спрашивает, где, черт возьми, я пропадал.

Предполагалось, что нас ждет воссоединение, но происходящее похоже на противостояние.

Тот парень здоровается со мной первым.

— Привет, я Брент.

БРЕНТ.

Катись отсюда, Брент.

Я пожимаю ему ладонь, но в голове представляю, как заламываю его руку за спину, веду к входной двери и пинаю под зад со словами: «Держись подальше!», прежде чем захлопнуть дверь у него перед носом.

— Брент, приятно познакомиться, мужик.

После крепкого рукопожатия я не отпускаю его ладонь. Поначалу это кажется нормальным. Затем он начинает беспокоиться, бросая взгляд на наши сцепленные руки.

— Откуда ты? — спрашиваю я, встречаясь с ним взглядом.

— Из Остина.

— Круто, круто. Так вот откуда ты знаешь Мэдди?

— Да. Мы... встречаемся.

Он замешкался. Похоже, я его пугаю, но меня никто не тормозит. Форд плачет, что отвлекает Джоли и Джеймса, а Мэдди стоит на том же самом месте. Возможно, она боится подойти ближе.

Брент наконец отнимает свою руку и пожимает ее с легким смехом. Он пытается снять напряжение в комнате, но это бесполезно.

— Встречаетесь, да? Ты и Мэдди? — Я выглядываю из-за его плеча, чтобы она подтвердила.

Мэдди закатывает глаза и отворачивается.

— Пошли, Брент. Посмотрим на вид с балкона.

Джеймс подходит и хлопает меня по плечу с братской нежностью.

— Могу показать твою комнату.

Я позволяю ему помочь донести мои сумки по коридору. По дороге Джеймс рассказывает о доме, говорит, что отремонтировали, как им повезло, что они купили недвижимость во время падения рынка, а затем указывает на дверь дальше по коридору.

— Там Мэдди и Brent, а тебя разместим в соседней комнате. Надеюсь, ты не против общей ванной?

— Без проблем. Эй, кстати... Как долго они вместе?

Брови Джеймса поднимаются к линии роста волос, сам он чешет подбородок.

— Как долго? Ох, не могу сказать. Но встречаемся мы с ним в первый раз.

— Но Мэдди говорила о нем раньше?

Джеймс выглядит слегка смущенным.

— Если и говорила, то я не обращал внимания. Прости, ребенок перевернул мой мир вверх тормашками. Я едва помню, какой сегодня день недели.

Здорово. Отлично помог.

Мне нужно знать, во что я ввязываюсь. Неужели из-за этого Brentа мы перестали с Мэдди общаться? Она двинулась дальше?

Быть такого не может.

Она моя Мэдди. И да, я знаю, что люди не являются собственностью, и подобное обращение к ней в двадцать первом веке говорит о бескультурии, но да и ладно. Она моя! Я оставил ее в Остине на хранение. Ничего не должно было меняться, она не должна была вступать с кем-то в отношения и забывать обо мне.

Я остаюсь в своей комнате и распаковываю одежду, пытаюсь смириться с таким поворотом событий. У Мэдди есть парень. Мэдди. Парень. Ощущение, что эти два слова не могут находиться в одном предложении.

Я беру мыльный набор и иду в ванную, где бросаю его рядом с раковиной. Вокруг уже расставлены туалетные принадлежности. Вещи Мэдди и Brentа.

Я беру ее духи и вдыхаю. Аромат сплетается в моей грудной клетке. Я бросаю взгляд на зубную щетку Brentа и подумываю о том, чтобы использовать ее для чистки туалета. Но это так и остается мечтой.

— Эйден! Погнажи! — Джеймс зовет из коридора. — Мы хотим прогуляться и подняться по гондольной дороге на вершину горы!

Разумеется. Зимние развлечения. Мы ради этого и собрались. Ну, остальные здесь ради этого.

Я хватаю кое-какие вещи, чтобы не отморозить задницу. В холле Джоли облачает Форда в крошечный красный снежный костюм, в котором он практически не двигает ручками и ножками.

Мэдди ковыряется с «молнией» на куртке, и Brent делает шаг, чтобы помочь ей. Она не замечает его. Как только он оказывается рядом, Мэдди резко поднимает голову и заезжает парню по носу.

— Дерьмо! — ахает она. — Мне очень жаль!

— Следи за языком! — шипит Джоли.

Brent стонет от боли, но я не замечаю крови. Он моргает, как будто пытается не поморщиться, а потом смеется.

— Я в полном порядке. Извини, сам виноват, но так хотелось быть рыцарем!

Да, все так. Усвоил урок? Не подходи к ней близко.

— Мэдди, мне нравится твоя красная шапка, — говорю я.

Я купил ее два Рождества назад. Мэдди хмурится и трогает шапку, как будто только сейчас вспоминает, как ее получила. Затем рывком сдергивает.

— Знаешь, не думаю что достаточно теплая для горных прогулок. Пойду переодену.

Брент смотрит на меня, и я клянусь, в его взгляде жалость.

Оставь себе.

— Ох, я забыл свои перчатки.

Я поворачиваюсь и направляюсь по коридору вслед за Мэдди, надежно спрятав перчатки в кармане.

Мэдди роется в чемодане. Красная шапочка валяется на полу у ее ног.

— У меня есть шапка, могу одолжить.

Она вздрагивает от моего голоса, но пытается скрыть это, едва заметно пожимая плечами.

— Все в порядке. Я просто... — Она отбрасывает одежду в сторону и стонет от досады. — Она здесь... где-то. — Затем достает черную шапку, подбитую искусственным мехом. — Ага!

Мэдди одаривает меня широкой фальшивой улыбкой, надевает шапку на голову и, возвращаясь к двери, наступает на красную шапочку.

Я стою в проходе и не убираюсь с ее пути.

Прищурившись, смотрю на нее сверху вниз, пытаюсь пробиться киркой к твердой скорлупе, которой она себя окружает.

— Мэдди. — Ее имя звучит мольбой.

Посмотри мне в глаза и давай со всем разберемся. Посмотри мне в глаза и скажи, что я сделал не так.

— Да? — слишком визгливо выходит у нее.

— Зачем ты это делаешь?

Ее изящная бровь выгибается дугой.

— Что делаю? Возвращаюсь за шапкой? Как я уже сказала, красная...

— Ты даже не поздоровалась со мной.

— Ой, — она смеется. — Привет.

Затем Мэдди проходит мимо, прежде чем я успеваю ее остановить, и спешит по коридору.

Итак, у нашей игры есть название — «уклонение».

Давайте посмотрим, как долго это продлится.

Мэдди

— Привет, Эйден!

— С возвращением, Эйден!

— Отлично выглядишь, Эйден!

Я могла сказать что-то такое, когда он вошел в дом. Но стоило мне поднять взгляд и увидеть его темные волосы, слегка присыпанные снегом, и каждая унция мужества, которую я набирала последние несколько недель, вылетела в трубу.

Я не ожидала, что мои чувства к нему вновь нахлынут, подобно приливу.

Мне было нелегко разорвать с ним общение. На самом деле, это оказалось так трудно, что я не преуспела до сих пор.

Время после переезда Эйдена в Нью-Йорк казалось мне скучным, грустным независимым фильмом. И я устала его смотреть. Дни бежали один за другим.

День 1 без Эйдена: погрязая в жалости к себе.

День 15 без Эйдена: нюхаю футболку, которую украла из его шкафа перед приходом грузчиков. Да, я осознала трагичную иронию. Я превратилась в одну из тех печальных девиц, которые забирали его вещи, чтобы как можно дольше чувствовать его присутствие.

День 26 без Эйдена: иду на свадьбу Стефани и Эллиота в одиночку, едва терплю церемонию. Рано ухожу.

День 95 без Эйдена: прохожу мимо нашего любимого тайского ресторана, и чуть ли не начинаю рыдать. Даже прохожий спрашивает, не нужна ли мне помощь.

День 234 без Эйдена: роюсь в социальных сетях, пытаюсь понять, девушка, которая отметила его на фотографии, просто знакомая или что-то большее.

С тех пор я перестала считать дни в жалкой попытке собрать осколки моей жизни, но теперь я вижу, что все это было напрасно. Считай, не считай, притворяйся, что двигаешься дальше — неважно. Эйден навсегда останется для меня родным.

Вряд ли время, проведенное в разлуке, могло сильно его изменить, но я как будто забыла, какой эффект он на меня оказывал. Его высокое, поджарое тело в джинсах и синем свитере. Его спокойная, тихая уверенность. Его скульптурные скулы и пара ямочек на щеках.

Он мог разбить мне сердце одним-единственным словом.

Нет, не так!

Раньше он был способен на это, но не теперь.

Я тоже изменилась. Сильно.

Надо повторять это себе как можно чаще, пока это не станет правдой.

Мы прогуливаемся по нагретому асфальту по пути к гондольной дороге. Джеймс и Джоли рассказывают нам о Вейле и всевозможных туристических маршрутах и магазинах, которые «мы обязаны посетить», будучи в этом городе. Я даже рада такому отвлечению. Так мне практически удается убедить себя, что я сосредоточена на рассказе, а не на желании посмотреть вперед.

А впереди идет Эйден, неся Форда на плечах. Иногда он резко останавливается и наклоняется, что вызывает хохот у моего племянника. Я хмурюсь и изо всех сил сосредотачиваюсь на истории о ресторане, который так полюбился Джеймсу.

— Все в порядке? — наклонившись, спрашивает меня Brent.

— Изумительно, — киваю ему.

Брент.

Сейчас я не могу сосредоточиться на Бренте. У меня и без того достаточно забот, и если я начну распутывать этот клубок ниток, боюсь, что не смогу остановиться.

Эйден поворачивается лицом к нам, его щеки и нос восхитительно покраснели от холода.

Мое сердце бешено колотится, но я останавливаю его своей железной силой воли.

Любая любовь, которую я могла бы испытывать к нему, должна исчезнуть — навсегда.

Я хочу, чтобы она прокисла и испортилась, поэтому убеждаю себя, что презираю его. Ямочки на щеках, волосы, индивидуальность... все это.

Мне хочется наклониться, чтобы собрать снежный ком, сжать его как можно крепче и бросить прямо Эйдену в лицо. *О, это было бы восхитительно.*

— Гондольная дорога там, — говорит Джеймс, указывая вперед. — Ребята, проходите и вставайте в очередь. Я пока загляну в кассу и куплю билеты.

Сейчас сезон отпусков, до Рождества осталось всего несколько дней, так что в Вейле полно семей, пытающихся воспользоваться преимуществами горнолыжного курорта. Склоны битком, так что ждать гондолу придется долго.

— Не переживайте, наверху отличный ресторан, там выпьем и перекусим что-то легкое перед поездкой, — объявляет Джоли, забирая у Эйдена беспокойного Форда.

— Слышала, что здесь потрясающие виды, — делюсь я.

— Удивлен, что ты хочешь подняться и посмотреть на них. Я думал, ты боишься высоты, — вспоминает Эйден.

— В самом деле? Боишься? — спрашивает Брент.

Я выпячиваю подбородок и качаю головой.

— Нет.

Боюсь. *До смерти.*

Но я была слишком занята Эйденем, чтобы позволить своему страху разрастись. К сожалению, теперь, стоя в очереди, я вижу закрытые кабинки с людьми, поднимающиеся высоко в гору, и чувствую себя немного не в себе. Между мной и неминуемой кончиной лишь крошечный проводник. *И как только это может не нравиться?!*

— Очередь двинулась, — кто-то подталкивает меня.

Я не могу оторвать взгляд от гондолы.

— Шевелитесь, леди! — шипит какой-то сопливый мальчишка со сноубордом.

Ой, точно. Я всех задерживаю.

Я двигаюсь вперед — на шаг ближе к смерти — и замечаю, как Эйден спрашивает у Брента, любит ли тот лыжи.

— Нет, я вырос в Техасе, поэтому мне не выпала возможность их полюбить, — смеется Брент. — В Остине не особо много снега.

Я даже не могу сосредоточиться на том факте, что они не должны разговаривать. Они не должны подружиться.

Мои ладошки в перчатках становятся липкими. Очередь движется намного быстрее, чем я думала. Джеймс присоединяется к нам с билетами и протягивает мне один. Я беру его и делаю шаг вперед.

Несколько подростков передо мной над чем-то смеются.

Я наклоняюсь к ним.

— Привет, вы делали это раньше?

Они хмурятся, не понимая, о чем я говорю.

— Катались на сноуборде? Ну да.

— Нет. На подъемнике, — уточняю я, указывая на гондольную канатную дорогу.

— А-а, раз сто, — отвечает один из парней со смехом.

— Там же не так высоко, как кажется? — допытываюсь я, молясь, чтобы им удалось развеять мой страх.

— Нет, высокогато. А когда кабина раскачивается в ветреные дни, как этот, такое чувство, что в любую минуту упадешь.

Я сглатываю комок, пытающийся подняться к горлу.

— Супер, круто, — бормочу я, кивая, когда очередь снова движется вперед.

Кабины довольно большие, так что мы все усядемся вместе. *Спасибо, Господи.*

Скоро наша очередь. Не желая уведомлять остальных насчет своей паники, я уверенно подхожу и сажусь в ожидающую гондолу, прежде чем осознаю, что ряд сидений напротив меня перегорожен желтой лентой.

— Тут могут сесть только трое, — объявляет работник.

Нет времени разделить по группам, потому что гондольная дорога никогда не останавливается. Как эскалатор, постоянно находящийся в движении. Поэтому Эйден и Brent запрыгивают вместе со мной, а Джеймс, Джоли и Форд остаются ждать кабину.

Эйден усаживается рядом, а Brent — рядом с ним.

Я не успеваю задуматься о такой рассадке, потому что земля уже уходит у меня из-под ног.

О-боже-мой.

Тут кругом стекло! А скрепляют его стальные зубочистки... Теперь я понимаю, что подразумевалось в «Телеведущий: Легенда о Роне Бургунди», когда тот кричал: «Я в стеклянной коробке эмоций!».

Я смотрю вниз, и земля становится все дальше и дальше. Мы проносимся над белым снегом и верхушками деревьев. Десять футов. Двадцать. Еще выше. Я зажмуриваю глаза — но от этого становится хуже, потому что без этого органа чувств я слишком хорошо чувствую, как мы раскачиваемся. Взад и вперед, взад и вперед.

— Мэдди, посмотри на меня, — просит Эйден.

— Я не могу.

— Нет, ты можешь. Мы проехали половину. Посмотри на меня.

Я поднимаю веки и вижу Эйдена, который присел передо мной на корточки. Наши глаза на одном уровне, его руки сжимают мои бедра через джинсы.

Его зеленые глаза — это все, что я вижу.

— Ты в порядке, — уверяет он меня.

— Я хочу выйти, — умоляю я, бросая быстрый взгляд налево. Мой желудок сжимается, когда я понимаю, насколько высоко мы сейчас находимся. — Не понимаю, почему я решила, что смогу это сделать. Я не могу. Это была ужасная идея, и мне бы хотелось, чтобы эта попытка закончилась прямо сейчас.

— Это всего лишь гондола, — бросает Brent, и я пронзаю его взглядом.

О, СПАСИБО, БРЕНТ, Я И НЕ ПОДОЗРЕВАЛА, ЧТО ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ГОНДС
ВСЕ МОИ СТРАХИ РАССЕЯЛИСЬ.

— Эй, — шепчет Эйден, возвращая мое внимание к нему. — Помнишь, когда мы

поехали в тот ресторан мексиканской кухни в Остине, я предложил тебе съесть перец серрано, который они подают с фахитасом?

Воспоминание мгновенно заставляет меня улыбнуться.

— Я съела.

— Ага, хотя это супер-остро. Ты постоянно говорила, что у тебя горит рот, поэтому официанту пришлось принести тебе стакан молока. И я тебя рассмешил так, что оно потекло у тебя из носа.

Сейчас я смеюсь, вспоминая этот момент. Мне было настолько неловко, что я не дала персоналу убрать созданный беспорядок; я сделала это сама.

Сверху раздается тяжелый металлический скрежет — мы добрались до конца. Эйден крепко берет мою руку в перчатке и вытаскивает из кабины вслед за ним.

Как только я вновь оказываюсь на твердой земле, вздыхаю с облегчением и высвобождаю свою руку из захвата. Эйден стоит рядом со мной, пытаюсь поймать мой взгляд, но я отворачиваюсь. Моя сестра выходит из следующей гондолы с Фордом и Джеймсом.

— О боже мой! — восклицает Джоли. — Потрясающий вид, правда?!

Эйден ни слова не говорит о моем волнении, когда я иду к Форду. Я рада ему, потому что он милый малыш, и потому что он отлично отвлекает от остальных.

Мы направляемся к вершине горы. Идти много, несмотря на то, что мы находимся высоко. Я замечаю несколько отличных мест, чтобы позировать для фотографий. Лыжники и сноубордисты кучкуются в одном направлении, к началу склонов, а остальные шагают к главному комплексу, в котором расположено множество ресторанов и магазинов.

Прежде чем мы войдем внутрь, Джоли настаивает, что надо подойти к одному из наблюдательных постов и сделать общее фото.

— Все улыбнитесь! — подсказывает она, передав свой телефон туристу, который вызвался нас сфотографировать.

Я стою рядом с Brentом, держа Форда, и улыбаюсь так широко, как только могу, задаваясь вопросом, сколько времени Эйдену потребуется, чтобы понять, что я самая настоящая врушка и обманщица.

Эйден

Мэдди нуждалась во мне, и я был рядом. Теперь же, на вершине горы, ее страх сошел на нет и она мыслит трезво, я вновь превратился в невидимку. Сними я куртку со штанами и бегай с голым задом по снегу, сомневаюсь, что она бы и глазом моргнула.

Меня забавляет эта игра. Я полагал, что все вернется на круги своя, и Brenta вышвырнут на обочину, как только мы воссоединимся.

Но я ошибся.

Они фотографируются на фоне заснеженных гор, а Джоли просит их встать поближе друг к другу. Brent обнимает Мэдди за талию и притягивает к себе. Она смеется, и я закатываю глаза.

Это выходит из-под контроля. Мне нужна информация. У них не может быть что-то серьезное, иначе до меня дошли хоть какие-то слухи. Брат бы упомянул в разговоре, что у Мэдди появился парень. Следовательно, это что-то новенькое. Новенькое — это хорошо. Быстро может сломаться. Одно движение пальца, и все рухнет, как картонный домик.

Хм. Я и не знал, каким могу быть злодеем.

Как только они закончили позировать, мы направляемся в ресторан, и я подхожу к Brentу.

— Где, говоришь, вы с Мэдди познакомились?

Он переводит на нее взгляд, как будто ищет поддержки, но Мэдди играет с Фордом. *Ее парень со мной один на один.*

— О, через друзей.

— Романтично. — Он неловко смеется. — Быстро поладили?

Brent начинает возиться со своими перчатками, натягивая их повыше, хотя с виду они нормально сидят. Парень явно нервничает. Ему не нравится, что я слишком пристально изучаю их отношения.

Почему?

— Да, получилось все быстро. Она в моем вкусе.

— Что именно?

Он хмурится, ошеломленный моей жесткой линией допроса.

Я смеюсь и сильно хлопаю его по спине.

— Мы с Мэдди знакомы уже какое-то время, уж прости меня за желание выяснить все подробности. Старшего брата у нее нет, так что я сомневаюсь, что кто-то успел узнать о твоих намерениях.

Он заметно сглатывает.

— Вы с Мэдди близки? — спрашивает он, его голос теперь немного дрожит.

— Очень. А теперь скажи мне, что в ней тебя привлекает?

— Ну... она. Она, эм, великолепна.

— Красота на поверхности, Brent. Ты с Мэдди только из-за ее внешности? — говорю с глубоким разочарованием.

Его глаза расширяются от страха.

— Нет. Я не совсем про это. Я просто...

— Просто что?

— Еще я думаю, что она очень веселая.

— И?

— Добрая.

— Забавная и добрая, хорошо. — Я киваю. — Расскажи о вашем первом свидании.

— Первом свидании? — он смеется. — Боже... это было...

— Как? — подстегиваю его.

— Мы классно провели время, — выдает он с натянутой улыбкой.

Я бешу Брента, и ему не удастся это скрыть, но мне все равно.

Впереди — вход в ресторан. Скоро мы сядем со всеми за стол, и мне придется следить за своими манерами. *Увы.*

— Куда вы ходили?

— В... ммм...

Ему приходится подумать над ответом на этот вопрос.

Либо у этого чувака дерьмовая память, либо он так часто ходит на свидания, что не может их запомнить.

— Боулинг, — говорит он, словно остановился на этой идее.

— Боулинг. Серьезно? Кто победил?

Его щеки становятся ярко-красными, и это не только от холода.

— Мэдди.

Думаю, он лжет. Во-первых, потому что Brent продолжает теревить эти чертовы перчатки, а во-вторых, Мэдди дерьмово играет в боулинг. Однажды она не удержала шар, и он попал в нашу тарелку с начос.

— Помнишь счет?

— Нет, — хихикает он. — Почему я должен помнить...

— О чем вы двое тут болтаете? — спрашивает Мэдди, наконец-то догнав нас. Она бросает на меня обвиняющий взгляд, как будто я делаю что-то не так, общаясь с ее другом сердца.

— Brent рассказывал мне о боулинге, — я отвечаю с беззаботной улыбкой.

Судя по выражению ее лица, она в замешательстве.

— Ну, помнишь... твоё первое свидание, — напоминаю ей.

Ее замешательство исчезает как по щелчку пальца, и она быстро кивает.

— Да, было так весело! Однако Brent надрал мне задницу.

Глаза Brentа расширяются, пытаюсь предупредить ее о чем-то.

Очень подозрительно.

— Нет, детка. Ты победила, забыла? — поддразнивает Brent.

Мэдди хлопает себя ладонью по лбу, как бы говоря: «О, точно».

— Да. Теперь вспомнила. Я была в ударе.

— Как давно это было?

Ни один из них не отвечает. Вместо этого Мэдди хватается за руку Brentа и сжимает.

— Я умираю с голоду. А ты? Пошли поскорее что-нибудь перекусим.

И она оттаскивает от меня своего парня так быстро, как будто мы идем не в одно и то же место. Они шепчутся друг с другом о чем-то своем, не желая посвящать меня в свои планы.

Я чувствую, Мэдди беспокоится, что я отпугну Brentа, и правильно делает. Именно таков мой план. Но окей, я могу спокойно посидеть в компании за столом и поучаствовать в

светской беседе. Могу выпить горячий шоколад и перекусить, не показывая своим видом, что жажду причинить Бренту телесные повреждения. Не стоит переживать, я бы сделал все быстро, лишь бы он спустился быстрее с этой горы на носилках.

— Как тебе Нью-Йорк, Эйден? — вопрос исходит от Джоли. Она пытается втянуть меня в разговор, потому что последние полчаса я сидел молча, как жалкий мудака.

— Хорошо.

— А как с работой?

— Полно, как и всегда, — отвечаю с натянутой улыбкой.

— Где ты работаешь? — спрашивает Брент, вытягивая из меня информацию.

— The New York Times, — подсказывает Мэдди.

Глаза Брента расширяются в уважении.

— Ух ты, это круто.

— Он прокатился по всему миру, — с гордостью добавляет мой брат. — Где ты был в прошлом месяце, Эйден?

— Дубай.

— Что ты там делал? — допытывается Брент.

— Писал статью о Бурдж-Джумейре.

— Это будущий самый высокий небоскреб в мире? — уточняет Джеймс.

— Тот самый.

— Какая потрясающая работа! — с энтузиазмом отмечает Брент.

— Точно. Потрясающая, — добавляет Мэдди с легкой горечью в голосе.

Я хмурюсь, пытаюсь поймать ее взгляд, но она не смотрит в мою сторону.

— Можешь передать мне соль? — спрашивает она у Джоли, указывая на солонку.

— Как твоя работа, Мэдди? — задаю вопрос я.

Ее взгляд устремляется на меня, и меня словно ударяет молнией. Затем, так же быстро, она опускает глаза.

— Все в порядке.

— Не скромничай, — поддразнивает ее сестра. — Ты рассказала Эйдену о своей новой должности?

— Что за должность?

— Обычная, — отмахивается Мэдди, спеша положить конец этой теме.

Джоли выдыхает и берет все в свои руки:

— Мэдди — правая рука Элизы. Она помогает в проведении мероприятий, работает в креативном отделе. Теперь никаких администраторских обязанностей. А несколько недель назад она занималась организацией съемки рекламы вместе с Элизой в Нью-Йорке для бренда в Остине, который расширяется на север.

— Ты была в Нью-Йорке? — ошеломленно повторяю я.

Какого хрена?

Почему не позвонила мне?

Ее брови сходятся на переносице, и Мэдди поднимает взгляд на точку прямо над моим плечом, словно не хочет смотреть мне в глаза.

— Я приезжала на пару дней. И все это время работала.

За столом воцаряется тишина. Я замечаю, как мой брат и Джоли переглянулись. Брент тянется еще за одним куском хлеба, а Форд сосет игрушку для прорезывания зубов.

Нас спасает официант со счетом.

К моменту выхода из ресторана у меня отвратительное настроение.

Джоли и Джеймс предлагают посмотреть как можно больше, прежде чем мы отправимся обратно, но мне не удается проникнуться духом зимы.

Когда наша компания налюбовалась вершиной горы, мы направляемся к гондоле. Я встаю в конец очереди. Мэдди мило улыбается Brentу, и внутри бьется сердитая тварь. Я не могу поверить, что она посещала Нью-Йорк и не дала мне знать. Мы могли бы увидеться. Поболтать.

Очередь движется, и взгляд Мэдди устремляется к закрытым кабинкам, словно она проверяет, там ли они до сих пор, чтобы съесть ее живьем.

Все собираются уместиться в одной кабинке, но прежде чем я полностью осознаю, что делаю, я бросаюсь вперед и хватаю Мэдди за руку, не давая ей сесть.

— Ребята, езжайте вперед, — говорю остальным.

На спор ни у кого нет времени — гондола уже уносит их прочь.

Мэдди резко оборачивается. Она в ярости.

— Зачем ты это сделал?

— У вас все в порядке? — спрашивает нас дежурный.

Мы задерживаем очередь.

— Конечно, — отвечаю я и завожу Мэдди в следующую кабинку.

Либо не по правилам сажать незнакомых друг другу людей вместе, либо окружающие почувствовали градус волнения, потому что дежурный никого не приглашает за нами.

Мы одни, и нам некуда спрятаться.

Мэдди выглядит испуганной, и не думаю, что из-за ее страха высоты. На самом деле, я в этом уверен, потому что вместо того, чтобы смиренно сесть, Мэдди вырывает свою руку из моей хватки и отсаживается как можно дальше от меня, прислонившись к стеклянной стене, которая отделяет ее от горного склона. Она дрожит и отворачивается, скрестив руки на груди.

— Ты была в Нью-Йорке и не сказала мне, — обвиняю я.

— И что?

— Ты перестала отвечать на мои звонки и сообщения несколько месяцев назад.

— Очень много дел.

— Чушь собачья.

Мэдди выразительно смотрит на меня, наконец-то показав мне то, что пыталась скрыть с нашей утренней встречи. Ее карие глаза горят янтарем. Она в ярости.

— Извини, подскажешь, когда именно нам с тобой «связаться»? — сердито спрашивает она. — Перед твоим вылетом в Дубай? Или во время твоего путешествия по Парижу? Ах да давай согласуем звонок в предрассветный час, так как это единственное время, когда мы оба не спим.

— Я на это не куплюсь.

Ее кулаки сжимаются по бокам. Я думаю, Мэдди бросилась бы ко мне, не пугай ее так высота.

Явно желая что-то мне сказать, она делает глубокий вдох, а затем качает головой и отворачивается.

— Думай что хочешь. Мне все равно.

Я разочарован ее готовностью показать белый флаг.

— Ты никогда не умела драться.

Это привлекает ее внимание. Мэдди поворачивается, прищурился глаза.

— Прощу прощения?

— Я получил предложение о работе в Нью-Йорке, но ты даже не попросила меня остаться. Ты тупо выставила меня за дверь.

У нее отвисает челюсть, и Мэдди моргает, как будто не может поверить в то, что я говорю.

— Я не выставляла тебя за дверь, — она медленно выговаривает каждое слово. — Ты уехал в середине отпуска. Или ты забыл эту маленькую деталь?

— Я ничего не забыл, — многозначительно произношу я. — Не каникулы и не то, что мы делали перед моим отъездом.

Наши мысли возвращаются к моменту у бассейна. Я знаю это, потому что ее щеки краснеют от смущения, и она качает головой, глядя вниз, туда, куда мы направляемся, желая, чтобы гондола ускорила. Вот тебе и страх высоты. Полагаю, он ничтожен по сравнению с тем гневом, который она ко мне питает.

— Сделай мне одолжение и держись от меня подальше до конца недели, — командует она.

Это невозможно.

Эйден

Уже поздно, но я лежу без сна, представляя, как Мэдди и Brent спят в соседней комнате на одной кровати. Скорее всего они лежат в обнимку, и мне это не нравится. Поэтому я представляю Мэдди в куртке, шапочке и двух штанах в отдельном спальном мешке. А Brent дрожит в одиночестве на полу.

Я таращусь в потолок и напрягаю слух в надежде услышать хоть какой-то звук из их комнаты. Дверь в ванную с моей стороны приоткрыта, так что, если кому-то из них понадобится пописать, я это узнаю.

Я понимаю, что плохо справляюсь с происходящим, но ведь я и не подписывался встречать нового парня Мэдди с распростертыми объятиями.

Простонав, переворачиваюсь на бок, лицом к ванной.

Услышав что-то, я резко принимаю сидячее положение и фокусируюсь на двери. Но это оказалось не более чем кашлем или вроде того. Взбесившись, я встаю с кровати и направляюсь в уборную.

Тихими шагами подхожу к их двери и внимательно прислушиваюсь.

Ничего необычного. Никаких разговоров, смеха или... того самого.

Я провожу руками по лицу, пытаюсь обрести хотя бы подобие здравого смысла.

Я не могу караулить тут всю ночь. Да и кроме того, каков мой план? Если я услышу, что они делают что-то, что мне не нравится, вмешуюсь и прерву их?

Может быть.

С тихим стоном я решаю, что, вероятно, лучше всего покинуть свою комнату и отправиться в более безопасное место. Схватив подушку с кровати, выхожу в темный коридор, радуясь, что у Джоли и Джеймса огромный дом. Нет необходимости беспокоиться о том, что я кого-нибудь разбужу своими ночными блужданиями.

Я уже собираюсь включить свет в гостиной, когда замечаю кого-то на диване. Мягкое свечение Kindle слепит глаза, но я подхожу ближе и вижу завернутую в одеяло Мэдди.

Она подпрыгивает и охает, заметив меня.

— Ох, господи!..

— Прости.

Она зажмуривает глаза, словно пытаюсь успокоиться.

— Что ты здесь делаешь?

— Читаю, — отвечает Мэдди, подняв веки и переключая внимание на свою электронную книгу. Меня тут явно не рады видеть.

— Ага, это понятно. Я имел в виду, почему ты здесь?

— Не могла уснуть.

Поэтому и притащила свою подушку и одеяло на диван?

— Полагаю, Brent чутко спит?

Она что-то неопределенно хмыкает и возвращается к чтению.

Я бросаю свою подушку на другой край дивана и иду на кухню. Если я планирую посидеть тут некоторое время, то мне нужно перекусить. Я включаю свет над шкафчиками, чтобы ни во что не врезаться, и провожу обыск кладовой, пока не нахожу коробку хлопьев. Делаю нам с Мэдди по порции, а затем несу их к дивану. Когда я начинаю садиться, Мэдди

стонет от досады, потому что ей приходится убрать ноги, чтобы я их не раздавил.

Вместо «спасибо» протягиваю ей миску.

— Я не голодна, — ледяным тоном отказывается она.

Хм.

Мэдди, которую я знал раньше, никогда бы не отказалась от миски хлопьев ночью.

Посмеявшись себе под нос, ставлю ее порцию на кофейный столик перед нами.

— Ты же знаешь, что тут полно места? — замечает она.

— Да мне и тут нормально, — говорю я, засовывая немного хлопьев в рот.

Мне это нравится. Кусачая Мэдди. Возможно, я продолжу провоцировать ее, чтобы узнать, как глубоко она готова вонзить в меня свои зубы.

В полной тишине Мэдди держит свой Kindle перед лицом, закрываясь от моего взгляда.

Я точно знаю, что она не понимает ни единого слова.

Как можно сосредоточиться в такой момент? Мне едва удастся донести ложку до рта, не обливая себя молоком. Мэдди так ко мне близко, что ее пальцы ног задевают мое бедро. Я чувствую запах шампуня, с которым она принимала душ перед сном. Я слежу за каждым ее движением, каким бы незначительным оно ни было.

Мы продолжаем сидеть рядом друг с другом в гробовой тишине. Время медленно ползет. Единственный звук в комнате — хруст хлопьев у меня во рту.

В итоге Мэдди не выдерживает, сбрасывает с себя плед и садится. Краем глаза я наблюдаю, как она тянется за своей миской. Мэдди в пижаме: свободной хлопковой майке и шортах. Стоит ей наклониться вперед, через вырез ее топа я замечаю больше, чем небольшой намек на обнаженную кожу.

Мое тело реагирует мгновенно, словно я только что увидел проблеск пресной воды, пробыв в пустыне несколько дней. Кровь устремляется на юг, а сердце в груди начинает учащенно колотиться.

Потом Мэдди откидывается на спинку дивана с миской и подтягивает ноги, используя колени в качестве импровизированного стола.

Я уставился на нее, и Мэдди замечает. Она поднимает на меня взгляд и сверлит, как бы спрашивая: «Что?».

Когда я просто улыбаюсь, она качает головой и отворачивается, сосредоточившись на своей еде.

— Зачем ты здесь? — спрашивает она. — Позлить меня?

— Я просто ем хлопья. Мне кажется, ты придаешь этому слишком большое значение.

— Я попросила тебя держаться от меня подальше.

Я пожимаю плечами.

— Ну, так бы и было, если бы ты осталась в своей комнате с Brentом.

Это заставляет ее замолчать.

— Ты же знаешь, что можешь уйти обратно в свою комнату в любое время, когда захочешь? — язвлю я.

Она расправляет плечи и продолжает есть.

Если я правильно понимаю, ей не хочется возвращаться в комнату.

Проблемы в раю?

— Поссорились с Brentом?

— Нет, конечно. Мы не ссоримся.

— Никогда?

— Нет. Он милый.

— А как насчет постели?

Мэдди давится хлопьями, и мне приходится похлопать ее по спине, дабы убедиться, что она не умрет у меня на руках. Откашлявшись, она восстанавливает дыхание, а затем снова пристально смотрит на меня.

— Это не твое дело.

Я смеюсь.

— Раньше мы постоянно это обсуждали. У нас не было запретных тем, или ты забыла?

— Теперь я выросла, — надменно парирует она.

— Крошка Мэдди Лейн уже такая взрослая, что больше не поцелует и не расскажет.

Моя насмешка раздражает ее. Мэдди со звоном опускает ложку обратно в миску и поворачивается ко мне лицом.

— Если тебе так важно знать, Brent в курсе, что мне нравится в постели.

— О, правда?

— Он не робкий, так что никакой возни и боязни выразить свои желания.

Я хмыкаю, на что она прищуривает глаза.

— Ты мне не веришь?

Я пожимаю плечами.

— Я этого не говорил.

— Это написано на твоём самодовольном лице!

Я продолжаю жевать хлопья.

— Приятно видеть, что ты ничуть не изменился. Такой же самонадеянный, а может быть, даже больше.

Я встречаюсь с ней взглядом.

— Раньше тебе это нравилось.

— Вкусы меняются.

С тех пор, как я уехал, в моей душе таилась одна мысль. Сожаление, если быть точнее. Я постоянно задавался вопросом, не сильно ли я надавил на Мэдди, желая, чтобы она раскрыла свои истинные чувства ко мне? Тогда я принял ее слова за чистую монету, впитал их и поверил, что сказанное было правдой. У нее было предостаточно возможностей поделиться и рассказать о своих чувствах... если они у нее были. Итак, я убедил себя, что неинтересен ей, и это одна из причин моего переезда в Нью-Йорк. Мне пришлось увеличить дистанцию между нами, чтобы я мог попытаться двигаться дальше.

Но даже сейчас меня угнетает мысль, а не удалось ли ей просто хорошо скрыть правду? Совсем как мне?

Ведь я тоже никогда не говорил ей о симпатии.

Может быть, мы оба были лжецами?

Я мог бы проверить свою теорию прямо сейчас. Она сидит совсем одна со мной практически в темноте. Я мог бы поставить наши миски на кофейный столик, наклониться над ней, толкнуть ее на диван и посмотреть на ее реакцию.

Я мог бы соблазнить Мэдди так, как представлял себе тысячу раз. Скользнув вверх по ее майке, моя ладонь накрыла бы ее кожу... Я мог бы сделать ей приятно.

Я хочу ее сейчас так же сильно, как и всегда.

Желание обладать ею разгорается во мне, как лесной пожар.

Мне до безумия трудно усидеть на месте и держать свои руки при себе, будучи всего в

нескольких дюймах от нее.

— Думаю, мне действительно следует вернуться к Бренту, — сообщает Мэдди, вставая, чтобы отнести свою миску на кухню.

Я тоже поднимаюсь и иду за ней, позволяя своему взгляду задержаться на ее длинных ногах, пока не добираюсь до края ее шорт. Когда она кладет свою миску в раковину, я приобнимаю Мэдди, чтобы сделать то же самое. Стоит моей руке коснуться ее талии, Мэдди замирает и втягивает воздух.

Я не отодвигаюсь, наоборот, делаю еще шаг вперед.

Прижимаю ее к раковине.

— Ч-что ты делаешь? — с волнением спрашивает она.

— Убираю за собой посуду, — отвечаю я, когда моя рука касается стойки рядом с ее бедром.

Мое тело прижимается к ее, и мы идеально подходим друг другу. Ее майка мягко скользит по моей обнаженной груди. Чтобы держаться на ногах, Мэдди опускает на раковину ладонь рядом с моей. Мэдди кажется такой хрупкой, а ее пальцы — такими нежными. Я не могу удержаться — позволяю своей руке скользнуть по ним, накрываю тыльную сторону ее ладони, а затем обхватываю ее запястье и сжимаю так, чтобы почувствовать пульс Мэдди.

Быстрый, как у колибри.

Она нервничает, но не настолько, чтобы положить конец моей игре.

Я держу свою руку на ее запястье еще немного, а после, проиграв битву с совестью, двигаюсь вверх по ее предплечью, выше локтя. Я провожу по бицепсу Мэдди, пока мои пальцы не натыкаются на тонкую бретельку ее майки. Клочок. Я мог бы потянуть эту ткань и порвать без малейших усилий. Вместо этого я прикасаюсь к бретельке, как к хрупкой птичке, наматываю на два пальца и оттягиваю от ее кожи.

Я так близко к ней, что могу заглянуть через плечо и посмотреть, как опускается ткань, открывая верхнюю часть груди. Позади нас горят лишь тусклые лампы, мы погружены в тень, но я вижу более чем достаточно. Гладкую кожу. Мурашки. Как поднимается и опускается ее грудная клетка, наполняясь воздухом. Похоже, ей его не хватает. Ее дыхание участилось, когда мой рот коснулся раковины ее уха.

— Собираешься бежать обратно к Бренту? Сейчас?

Мэдди некоторое время не отвечает, а потом, наконец, кивает, словно убедила себя в чем-то.

— Ты собираешься к нему в постель, пока я стою за тобой?

Она сглатывает, но остается неподвижной. Я жду, что Мэдди отвернется или оттолкнет мою руку... сделает что-то, что удержит меня от продолжения.

— Не думаю, что он дает тебе все, что ты хочешь, — насмехаюсь я. — Я думаю... ты лжешь.

Ее глаза распахиваются, и она отталкивает меня.

Когда наши взгляды встречаются, я вижу, что Мэдди готова фонтанировать ядом. Мэдди дрожит от бурлящего в ней адреналина и указывает на меня пальцем.

— В чем дело, Эйден? Заскучал в Нью-Йорке? Давно не занимался сексом, поэтому решил, что было бы забавно тут потискаться?

Я делаю к Мэдди шаг, но она отступает.

— Не подходи и не пытайся испортить мне жизнь. Ты тот, кто ушел.

— Ты не просила меня остаться.

— Ты что, издеваешься?!

Наш разговор становится все громче. Мы сейчас всех перебудим.

— Мэдди?

Голос Брента доносится из конца коридора, и я со всей силы сжимаю веки. Чертовски здорово.

Мэдди быстро поправляет бретельку своей майки и оббегает вокруг кухонного островка, чтобы оказаться ближе к Бренту, чем ко мне, когда он, наконец, входит в гостиную.

— Все в порядке? — спрашивает он, стирая сон с глаз.

— Да. Все в порядке. Пошли, вернемся в комнату.

Я смотрю, как они исчезают в коридоре, и спазм скручивает мои внутренности.

Все это не имеет смысла.

Все это время я думал, что Мэдди хочет, чтобы я уехал и начал строить карьеру в Нью-Йорке, но если это так, то почему, как только я там оказался, она перестала выходить на связь? Почему не отвечала на мои звонки и сообщения? Почему сердится на меня сейчас?

Уже в постели, прежде чем провалиться в сон, я решаю не отступать, молча смотря на «жили долго и счастливо» Брента и Мэдди. Более того, я этого не допущу. Я совершил ошибку, когда уехал в первый раз в Нью-Йорк, так и не сказав Мэдди о своих чувствах. И я не позволю этому случиться снова.

~

Утром удача на моей стороне.

Я просыпаюсь первым и отправляюсь на пробежку. На улице холодно, и мои легкие горят, но ясность мысли от этого ценнее.

После прошлой ночи, прикосновений к Мэдди, хорошая пятимильная пробежка необходима, чтобы держать свое тело в узде. Остыв, я уже собираюсь вернуться в дом, но замечаю впереди Брента, который говорит по телефону. Он стоит снаружи в пижаме и подпрыгивает на месте, пытаюсь согреться.

Интересненько.

Почему он разговаривает по телефону здесь? Зачем стоять на холоде?

Я вытаскиваю AirPods из ушей и ставлю музыку на паузу. Будучи ко мне спиной, он и не подозревает, что я его слышу.

— ...пока все в порядке, но у меня такое чувство, что назревает что-то серьезное.

Я замедляю шаг.

— Не представляю, что происходит между ними. Она тебе что-нибудь рассказывала?

Наступает тишина — отвечает человек на другом конце провода.

— Ну, между ними до сих пор искрит. Ты бы видел, как он смотрит на Мэдди. Прямо как ты на меня.

Брент смеется, а я остаюсь как вкопанный.

Что, мать вашу?

— Господи, я сейчас превращусь в сосульку, — он шипит и направляется к двери. — Я не могу оставаться здесь ни секунды. Напишу тебе позже. Да. Да, не забуду. Хорошо. Люблю тебя.

Ничего не подозревая, он спокойно вешает трубку и заходит внутрь.

Но теперь я знаю.

Я намного, намного мудрее, чем был пять секунд назад.

Я почувствовал еще вчера, что между Brentom и Мэдди что-то не так. Я не мог понять, что между ними происходило, но сигналов было слишком много.

И теперь я знаю почему.

Мэдди снова взялась за свое.

Мэдди

Я сижу за столом и занимаюсь своими делами, когда Эйден заходит на кухню. Я едва могу взглянуть на него после того, что произошло между нами ночью. Это было... неожиданно, мягко говоря.

Эйден явно только с пробежки. По его лбу стекает пот, хотя на улице ниже нуля. Скинув тренировочную куртку, Эйден вешает ее на спинку барного стула, а затем поднимает низ своей футболки и вытирает ею лицо. Кубики на его загорелом животе напрягаются.

Прошлой ночью я видела обнаженную грудь Эйдена, но при дневном свете его тело еще лучше.

Он ловит мой пристальный взгляд, и я даже не утруждаю себя тем, чтобы его отвести.

На лице Эйдена хитрая улыбка, и мне это не нравится. Он выглядит... слишком уверенным, как будто только что выиграл партию в покер или слопал канарейку.

Разве после вчерашнего он не должен обижаться в углу? Вытереть слезы кухонным полотенцем или что-то в этом роде?

— Выходил на пробежку? — спрашивает Джеймс со своего места у плиты, где взбивает яйца на завтрак.

— Да, ненадолго, — отвечает Эйден, подойдя к столу и стягивая кусок колбасы с моей тарелки.

Моя челюсть ударяется об пол.

Неужели мы абсолютно ничего не поняли?

Насколько грубой я должна быть, прежде чем Эйден поймет намек, что я не хочу иметь ничего общего с ним и его великолепным телом?

Брент сидит рядом со мной, и Эйден бросает на него взгляд, как будто только сейчас осознав, что мой парень здесь.

— Доброе утро, Брент. Хорошо спалось?

Брент неуверенно смотрит на меня, прежде чем медленно кивнуть.

— Э-э... да. Спасибо.

— Приятно слышать. Я уже спал с Мэдди раньше, и иногда она вела себя как настоящая постельная свинья. Хотя любит обнимашки.

Я вспыхиваю.

— Спал в одной постели! — возмущенно добавляю я, убеждаясь, что все в комнате правильно понимают его слова. — Не переспал.

— Верно, — Эйден улыбается.

— И еще я не обнимала тебя!

Эйден хмурится, обдумывая это.

— Уверена?

Я прокручиваю воспоминания с молниеносной скоростью, пытаюсь понять, что мы делали в той поездке в пустыню. Обнимала ли я его? Хм. Что, если я сделала или сболтнула что-то во сне, чего не помню?

Прежде чем я успеваю обдумать свои следующие слова, Эйден разворачивается и идет к плите за едой.

— Все в порядке? — наклоняется ко мне Брент.

Нет! Не все в порядке, Brent!

Мой план проваливается. Эйден одерживает верх, и я не могу понять, как ему это удается.

Эта неделя должна была быть полностью под моим контролем. Я хотела застать Эйдена врасплох со своим симпатичным парнем и показать, какую огромную ошибку он совершил, оставив меня в Остине и улетев в неизвестные края.

То, что произошло на кухне, выбило меня из колеи.

Эйден прижался ко мне.

Прикасался ко мне так, как никогда раньше... ну... ладно, кроме того единичного случая у бассейна.

Мое сердце бешено колотится при одном воспоминании о том, каково это — когда он стоит позади и прижимает меня к кухонной стойке.

Только все это не имеет смысла.

Эйден садится за стол напротив меня, и я поднимаю на него взгляд.

Мне хочется вскочить со стула, схватить его за воротник и потребовать ответы.

Что за игру ты ведешь, Эйден Смит?

Какова твоя цель? Поразвлечься со мной в отпуске? Сделать так, чтобы было о чем потрепаться со своими приятелями в Нью-Йорке?

Мне резко становится невыносимо тут находиться. Я встаю, скрипнув стулом по деревянному полу, и обхожу стол, пока не оказываюсь перед Эйденем. Он кладет в рот кусочек яичницы, а затем медленно поднимает взгляд на меня. Сама невинность.

— Мы можем быстро переговорить?

Я даже не пытаюсь добавить в свой тон сахара. Я хочу, чтобы он знал, что я серьезна. Со мной не стоит шутить.

— Мой завтрак остынет, — указывает он.

— Ничего с ним не случится. Пошли.

Я не дожидаясь его ответа и направляюсь в сторону спальни, которую делю с Brentом. Тень Эйдена следует за мной, и как только мы оказываемся в комнате, я обхожу его и закрываю дверь.

— Давай проясним одну вещь, — рычу я, стуча пальцем по его грудной клетке. — То, что произошло прошлой ночью, не может повториться.

— Верно.

— Больше никаких насмешек надо мной за завтраком на глазах у всех. Больше не прикасайся ко мне, как вчера. Я с Brentом.

— Ну да, — хмыкает он.

— И что это должно означать?!

— Я не знаю, Мэдди. Ты мне скажи.

Эйден подходит ближе, снова прижимаясь ко мне. Да что с ним такое?! Ему обязательно нарушать мое личное пространство? Он слишком высокий. Слишком большой. Я вытягиваю руки, чтобы держать его на безопасном расстоянии, и мои ладони прижимаются к его груди.

Зеленый взгляд пронзает меня насквозь.

— Занимались сексом ночью?

Я краснею.

— Не твое дело.

— У вас вообще был секс?

— Конечно! Вагон секса!

Он быстро, словно молния, протягивает руку и обхватывает мою шею сзади. Не сильно, но так, чтобы я не могла отвести взгляд.

— Я раскрыл твой маленький секрет, Мэдди Лейн.

Мое сердце замирает.

Нет.

Это невозможно.

— Я знаю, во что ты играешь. Я знаю, что Brent не твой парень. Я знаю, что ты взялась опять за свое. Что, у тебя опять шуточки с фейковыми парнями?

Я сглатываю, чтобы не заплакать.

Как он догадался? Откуда узнал?

— Кто такой Brent?

Мои губы дрожат.

— Мой парень, — отвечаю я, тщетно пытаюсь держаться обмана.

Эйден делает шаг ко мне, и наши тела становятся одним целым, а когда он наклоняется, я чувствую его запах пота после пробежки и геля для душа.

— У тебя нет парня.

Он режет по больному, и нанесенная рана слишком реальна.

— Итак, еще раз... Мэдди... Кто такой Brent?

Я смахиваю его руку со своей шеи и отворачиваюсь. Эйден вздыхает и опускает голову на мою макушку, а потом вдыхает, и кажется, будто он делает первый глубокий вдох за долгое время.

— Я не должен был оставлять тебя, — шепчет он.

Я закрываю глаза.

Именно эти слова я хотела услышать. Слова, о которых мечтала в течение многих одиноких ночей.

Но это всего лишь... слова.

Они не меняют прошлого, так что в них толку?

Я отворачиваюсь от Эйдена и выхожу обратно в коридор, жалея, что не могу запереть его в той комнате и выбросить ключ.

~

— Думаю, будет лучше, если я уеду.

— Что?! Нет. Да брось, тут же весело!

— Без обид, милая, но... Я тут лишний.

Мы с Brentом в нашей комнате, и он собирает вещи, чтобы ранним рейсом вылететь обратно в Техас.

Судя по всему, моя песенка спета.

И да, я знаю. С самого начала идея была глупой, но в прошлый раз прокатило, поэтому я решила попробовать еще разок. Старый трюк с фейковым бойфрендом был необходим, чтобы я могла выстоять перед Эйденем и заставить его мучиться. И все бы получилось! Только парня на роль я выбрала не того. С Эйденем было легко притворяться парой, потому что в глубине души я отчаянно хотела с ним встречаться. Мне не пришлось лгать о своих чувствах, потому что то оscarоносное представление вовсе не было спектаклем.

А с Brentом все не так просто.

Он партнер Данте и мой хороший знакомый. Мало того, что Brent в серьезных отношениях, я его совсем не привлекаю. Между нами нет никакой химии, поэтому Эйден так быстро раскусил мою ложь.

Но я не готова сдаваться.

Даже если Brent не может играть роль моего парня, он может быть буфером!

Brent запикивает еще несколько вещей в свою сумку, и я наклоняюсь вперед, в отчаянии хватая его за предплечье.

— Что, если я устрою нам спа-день в "Четыре Сезона"?! За свой счет!

Он на секунду перестает складывать рубашку и обдумывает предложение. Затем, придя в себя, качает головой.

— Нет. Я хочу провести Рождество с Данте, да и, кроме того, все кончено. Он знает, что мы не встречаемся!

— И как мне справиться без тебя? — я надуваю губы.

Он похлопывает меня по спине.

— Я тебе не нужен. Ну... об этом довольно красноречиво сказал прошлый вечер.

Я драматично падаю на кровать.

— Это было не то, что ты думаешь, — отвечаю я, но так как мое лицо прижато к одеялу, мои слова звучат приглушенно.

— Что?

— Я сказала, это было не то, что ты думаешь!

Он саркастически смеется.

— Э-э-э... По-моему, выглядело все довольно пикантно. Этот парень запал на тебя.

Я затыкаю уши в надежде, что Brent замолчит.

— Жаль, что я вас прервал. Кто знает, как все далеко могло пойти, — его тон звучит многозначительно, и паника вскипает в моей крови.

О боже мой.

Куда это могло пойти?!

— Я не понимаю, почему это плохо, — говорит Brent, на что я переворачиваюсь.

Я смотрю в потолок, сложив руки на животе. Я чувствую свой пульс даже там... он скачет, скачет и скачет.

— Это просто... не входит в план.

— Какой к черту план? Плыви по течению.

— Тебе легко говорить! Ты не знаешь, каково это было — два года ходить в него влюбленной и чувствовать, что моя любовь безответна. Эйден бросил меня и переехал в Нью-Йорк, а теперь вернулся и решил провести со мной отпуск?! Только через мой труп.

— Так что ты собираешься делать?

— Заставить его плакать кровавыми слезами.

— Звучит не очень разумно.

— Никто не говорил, что я разумна.

— Да, нам всем это ясно. Разумные взрослые женщины не притворяются, что у них бойфренды.

— Да, что ж... я ни о чем не жалею. Разве только о том, что ничего не вышло.

Он пожимает плечами.

— Ну, хорошо, что нас раскрыли до того, как все запуталось еще сильнее. Представляешь, если бы нам пришлось поцеловаться или что-то в этом роде?

— Это было бы так плохо? — дразню я.

Он фыркает.

— Класс, очень приятно.

— Не принимай на свой счет, — спешит уточнить Brent. — Спроси Эйдена... он, казалось, был очень заинтересован в том, чтобы поцеловать тебя прошлой ночью.

— Хорошо! Ладно! Прекрати! Беги домой к своим идеальным отношениям и оставь меня в покое.

Он наклоняется, чтобы чмокнуть меня в макушку.

— Ты со всем справишься, Мэдди.

— Думаешь?

Я рада, что хотя бы один из нас уверен в этом.

Эйден

Тик-так.

Я поднимаю взгляд на настенные часы, ощущая, как проходит каждая секунда... или мне так кажется.

Мэдди одолжила машину у Джеймса, чтобы отвезти Брента в аэропорт. Ее до сих пор нет, а она уже должна была вернуться.

Я ковыряюсь в корзинке для хлеба в ресторане, сидя в гордом одиночестве. Персонал мне сочувствует — невысокая блондинка предложила принести что-нибудь выпить, помимо воды, но я не хочу, чтобы до появления Мэдди хоть что-то туманило мой разум. При общении с ней необходимо всегда быть начеку.

— Так вы из Нью-Йорка? — спрашивает официантка.

За последние десять минут она трижды подходила к моему столику. Сначала, казалось, просто из вежливости, но теперь я начинаю думать, что она ждет от меня вопроса, когда закончится ее смена.

— Да. Переехал в прошлом году.

— Круто! Я никогда там не была, но с удовольствием бы посетила. Особенно сейчас... держу пари, там волшебно во время праздников.

Я киваю и смотрю ей через плечо в сторону двери.

Мэдди все нет.

— К вам так никто не присоединился? — спрашивает она с сочувствующей улыбкой.

— Пока нет.

Я беру еще один кусочек фокаччи и провожу им по соусу из оливкового масла и трав, пытаюсь отвлечься.

Дверь открывается, и я выпрямляюсь.

Мэдди заходит внутрь, стряхивает снег с волос, развязывает шарф и снимает куртку. Затем передает вещи хостесс, которая указывает в мою сторону.

Увидев меня, Мэдди замирает. Ее взгляд останавливается на уютно расположенном столике на двоих в дальнем углу. *Тут свечи, розы и... я.*

Технически, я обманул ее.

Предполагался семейный ужин с Джеймсом, Джоли и Фордом на буксире, но малыш раскапризничался перед выходом, и Джоли решила никуда не идти и заказать еду домой. Я обещал предупредить Мэдди, но не сделал этого.

Мэдди прищуривает глаза и направляется ко мне.

Официантки рядом со мной не существует. Мир забыт. Я встаю и улыбаюсь.

Мэдди не реагирует. Она доходит до столика и не говорит ни слова.

— Ты опоздала, — флиртую я.

— А тут не хватает троих.

— Они остались дома. — Мэдди собирается развернуться обратно к двери, но я ловлю ее за руку. — Ты все равно уже здесь.

Ее взгляд скользит мимо меня к столу, задерживаясь на корзинке с хлебом.

Ага!

— И ты голодна, — настаиваю я. — Останься и поешь со мной.

Она бросает взгляд на официантку, которая все еще топчется рядом и наблюдает за нашим маленьким представлением.

— Что заказать из напитков? — спрашиваю я, не давая Мэдди возможности вежливо откланяться.

— Желательно что-нибудь с алкоголем, — бормочет она, неохотно снимая маску раздражения и кротко улыбаясь официантке.

— Мы делаем отличные фирменные коктейли, — отмечает официантка. — Принесу вам один.

— Сделайте два, пожалуйста, — прошу я, отодвигая стул для Мэдди.

Официантка уходит, и мы остаемся одни. Я держусь за спинку стула, но Мэдди медлит садиться.

— Я не кусаюсь, — дразнюсь я.

Она краснеет, протискивается мимо меня и садится. Я придвигаю ее стул к столу, аккуратно, но очень близко, чтобы ей было труднее встать, если она вдруг надумает сбежать.

Затем, просто потому что это забавно, я тянусь за сложенной салфеткой на столе и разворачиваю ее.

— Помочь заправить тебе под воротник, чтобы ты не заляпалась?

Она не смеется — молча вырывает ткань у меня из рук и бросает себе на колени.

— Ты обманом заставил меня поужинать с тобой, — указывает она, когда я обхожу стол, чтобы занять свое место.

— Тогда, полагаю, мы квиты.

Она отводит взгляд... ей неловко?

— Зачем ты позвала сюда Брента? Из-за меня?

Она внимательно рассматривает что-то в другом конце ресторана, теребя салфетку на коленях.

— Мэдди...

— Если ты хочешь, чтобы я осталась, давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Какие мы вспыльчивые. Вот, возьми немного хлеба.

Я кладу кусочек на маленькую тарелку перед ней, затем пододвигаю соус с оливковым маслом.

Она уставилась на мое подношение.

— Не отравлено.

Наши взгляды встречаются, и я вижу, что ее глаза улыбаются или что-то в этом роде. По жизни Мэдди далеко не суровая, она любит веселье. В ней бурлит столько энергии, и я хочу это вернуть. Я хочу, чтобы напротив меня в этом ресторане сидела настоящая Мэдди.

Лампы над головой внезапно тускнеют, объявляя о переходе от дневного освещения к вечернему. Между нами мерцает свеча, и блики отражаются в глазах Мэдди.

Я ничего не могу с собой поделать. Я не могу сидеть напротив нее и продолжать это дерьмо. Меня уже долгое время мучают некоторые вопросы.

— Ты когда-нибудь думала о том вечере у бассейна?

Она поднимается, скрипнув стулом.

— Я больше так не могу, — тихо говорит она и спешит к выходу.

Блядь.

Я стремительно достаю из бумажника наличные и бросаю на стол, чтобы не подставлять официантку заказанными напитками, затем мчусь с шумом за Мэдди через

ресторан.

Та не дожидается шарфа и куртки, просто выбегает в снежную ночь Колорадо.

Мне приходится задержаться и забрать наши вещи, иначе Мэдди замерзнет. Хостесс требуется вечность. Я начинаю думать, что она не отдаст не мою куртку.

— Вещи моей лучшей подруги. Уверяю, они до нее доберутся, — пытаюсь убедить, что не намерен украсть чужую куртку.

Но когда я выхожу из ресторана, до меня доходит, что я сказал не совсем правду. Мы с Мэдди не лучшие друзья. На самом деле, мы... вообще никто.

Я кружусь на месте, гадая, куда она могла пойти.

Внедорожник Джеймса все еще припаркован за рестораном, так что она не поехала обратно домой. Я засовываю руки в карманы и иду по ухоженной дорожке к центру деревни Вейл. Железные уличные фонари освещают ночь. Кругом люди гуляют семьями. Завтра сочельник: улица наряжена венками, украшениями и гирляндами. Я продолжаю бесцельно бродить, безуспешно пытаюсь выследить Мэдди, пока не натыкаюсь на большой каток.

Там ее и замечаю. Она, прислонившись к бортику, наблюдает за детьми на льду.

Ее внимание привлекла маленькая девочка — она крутится на коньках отдаленно от всех, уверенная и грациозная. Ей не больше семи или восьми лет, но она выглядит как будущая маленькая олимпийская чемпионка.

Мэдди не сводит глаз с ребенка, даже когда я подхожу. Я бросаю куртку через бортик, но она не двигается, чтобы ее взять.

Вокруг катка стоят обогреватели, поэтому, может быть, ей не слишком холодно.

Мы стоим бок о бок и наблюдаем.

Фигуристка поднимает руки над головой, как балерина, и вращается, а затем пролетает прямо мимо нас, так близко, что почти касается. Я перевожу взгляд на Мэдди и вижу ее улыбку, но по ее щеке скатывается одинокая слезинка.

Она шмыгает носом и смотрит на свои руки.

— Мне стыдно, — тихо шепчет она.

Это признание застает меня врасплох. Я не отвечаю, боясь разрушить чары.

— Глупо получилось с Brentom. Я просто... не могла приехать сюда и увидеть тебя в одиночку.

Сосредоточив внимание на ее нежной шее в свете праздничных огней, я наблюдаю, как она сглатывает.

— Я такой плохой? — шучу я.

Она смеется и вытирает нос.

Я знаю, что мне нужно сказать Мэдди миллион признаний, но после того, что произошло в ресторане, решаю держать рот на замке. Если я не хочу оттолкнуть Мэдди, придется играть по ее правилам, и прямо сейчас это означает стоять здесь и молча наблюдать за фигуристами.

Я беру ее куртку и помогаю Мэдди просунуть руки в рукава. Затем она застегивает молнию и тянется за своим шарфом. Как только она оказывается укутанной, мы прислоняемся к бортику плечом к плечу и смотрим.

Из динамиков звучит рождественская музыка, это песня Christmas Lights группы Coldplay. Я знаю ее только потому, что она одна из любимых песен Мэдди. Крис Мартин поет, что он «всегда любил тебя, дорогая, и всегда будет любить», и комок встает поперек моего горла.

Я все испортил.

Мне не следовало ехать в Нью-Йорк.

Я никогда не должен был оставлять Мэдди, и теперь, стоя рядом с ней, я переживаю, что слишком опоздал исправлять эту ошибку. Какие бы чувства она ни испытывала ко мне, все настолько переплелось со злостью и болью, что невозможно вырвать оттуда без урона даже каплю счастья.

Но какова альтернатива? Опять молча уехать из Колорадо?

Стоять здесь и слушать песню о том, как кто-то кого-то любит и притворяется, что это не так?

Мне приходится пятьдесят раз открывать и закрывать рот, собираясь начать речь, наполненную признаниями, извинениями и полусформированными обещаниями о будущем, но, в конце концов, я оставляю свои слова при себе и даю ей время привыкнуть ко мне возле себя. И все. Мы снова вместе, этого достаточно на сегодня.

Это было самое сложное, что я делал в этой жизни: проводил ее обратно к внедорожнику Джеймса, отвез до дома, открыл для девушки дверь, а затем наблюдал, как она снимает с себя верхнюю одежду, как повесила куртку и шарф. Я подумываю о том, чтобы спросить ее, голодна ли она. Ведь Мэдди не ужинала. Я мог бы приготовить ей что-нибудь, но прежде чем у меня появляется шанс предложить, она уже направляется по коридору... ускользает от меня.

Позже, лежа в постели, я смотрю в потолок и веду борьбу с разными эмоциями: гневом, сожалением, тоской и влечением, которое становится все труднее и труднее сдерживать. Внизу живота все сжимается, и я накрываю его рукой. Лежу неподвижно и жду, как человек в тюремной камере, как животное в клетке. Вряд ли я смогу спать еще одну ночь, дышать еще минуту, не рассказав о своих чувствах Мэдди.

Я резко сажусь, собираюсь скинуть одеяло и пойти в ее комнату, когда моя дверь открывается, и появляется Мэдди. Ее освещает лишь тусклый свет из ванной.

Она выглядит уязвимой, кажется, что даже слабый ветерок способен отбросить ее обратно, подальше от меня. Пальчики ног Мэдди едва преодолевают пропасть, отделяющую мою комнату от ванной. Ее руки скрещены на груди, словно щит, словно она удерживает меня на расстоянии. Ее распущенные светлые волосы свисают беспорядочными волнами, пряча лицо.

Я застываю на месте.

Как в ловушке.

— Я недовольна тобой, — говорит она, хмуро уставившись на мою обнаженную грудь. — По миллиону причин. Вообще-то, я даже не уверена, что ты мне еще нравишься.

Я отбрасываю одеяло в сторону, но она вытягивает руки, чтобы я остался на месте.

— Не вставай. Пожалуйста. Просто...

Невыносимо делать так, как она попросила. Я не хочу сидеть на этой кровати. Я не хочу давать ей шанс снова выстроить против меня стену. Я собираюсь было проигнорировать ее просьбу и подойти, но внезапно она сама шагает в мою сторону.

Мэдди приближается дюйм за дюймом, пока не оказывается у кровати между моих бедер.

Мы зависаем в таком положении, не прикасаясь, в миллиметрах друг от друга. Я смотрю на нее снизу-вверх, и по ее взгляду в никуда можно сказать, что она погружена в свои мысли. Я в отчаянии сжимаю одеяло на бедрах, пока Мэдди не обнимает меня за плечи

и осторожно не седлает мои колени.

Я настолько застигнут врасплох, что не могу сформировать связную мысль.

— Только сегодня, хорошо? — Ее губы приближаются к моим.

Судя по ее тону, она едва набралась смелости, чтобы задать этот вопрос. Ее пальцы дрожат на моих плечах. Тело Мэдди кажется хрупким. Ее шелковистая голубая пижама касается моей кожи, так дразняще, что я не могу удержаться и прижимаю девушку к себе.

— Сегодня, Эйден, — повторяет она.

Я киваю, а что мне еще остается? Изменить условия? Она сбежит.

А сейчас Мэдди целует меня, нежно прижимаясь своими губами к моему рту. Я отвечаю не сразу. Мне нравится, что она сидит на мне, обнимает меня за плечи и делает все это.

Так приятно знать, что Мэдди хочет меня, знать, что она сама пришла ко мне сегодня вечером.

Явно раздражаясь отсутствием инициативы, Мэдди отстраняется и смотрит на меня, черты ее лица едва различимы в слабом свете.

Мэдди хмурится. Я не двигаюсь, но она сидит на мне, значит, чувствует силу моего желания.

Мэдди дотягивается до моей ладони на своей спине, и свободной рукой оголяет свой живот. Затем прижимает мою руку к своему обнаженному телу, чуть ниже грудной клетки.

— Прикоснись ко мне, — шепчет Мэдди.

Я ласкаю ее теплую кожу, чувствуя, как та покрывается мурашками. Когда я осторожно подбираюсь к ее груди, наблюдаю за выражением лица Мэдди и фиксирую едва заметные изменения. Она словно загипнотизированная наблюдает за мной.

Мэдди такая горячая, что кажется, будто в любой момент вспыхнет.

Кончики моих пальцев прикасаются к ее груди, замирая на мгновение, и мы сходим с ума. Губы Мэдди приоткрываются, и я ожидаю услышать свое имя в мольбе, но она ничего не произносит. Тогда я накрываю ладонью ее груди, и их тяжесть будоражит мою кровь. Идеальный размер для моей руки. Наклонившись, я оставляю поцелуи Мэдди на щеке, затем в уголке рта. Мои прежние желания возвращаются с полной силой, и я наконец соединяю наши рты, дразня Мэдди, пока она не приоткрывает губы и не позволяет мне углубить поцелуй.

Мне хочется прижать Мэдди спиной к стене, предварительно сорвав одежду одним махом, и резко в нее проникнуть, глубоко, до основания, толкаться бедрами и выбивать из нее крики удовольствия. Я почти хочу сделать ей больно, чтобы разделить свои страдания. Она ведь должна узнать каково это, хотеть кого-то вечно?

Но сегодня шоу Мэдди, и я буду играть по ее правилам. Я откидываюсь на кровати и даю понять, что Мэдди одна контролирует ситуацию. Ее сладкое тело оказывается на мне, ее ноги раздвинуты.

Меня чертовски возбуждает, когда она смотрит на меня сверху вниз, когда скользит пальцами по моему прессу, а затем ниже, поиграть со шнурком на моих штанах.

Хочется подстегнуть Мэдди прикоснуться ко мне, но она не нуждается в подсказках.

Она любопытна, поэтому ей не требуется много времени, чтобы просунуть руку под пояс моих брюк и потрогать мою твердую длину. А когда ее рука сжимает меня в кулаке, я с шипением втягиваю воздух.

Я еще никогда не видел такую Мэдди, и это нереально.

Она садится на меня и начинает двигать своей рукой по моему члену. Я испытываю

искушение зажмуриться и насладиться моментом, но не хочу пропустить ни одной секунды. Надо бы предупредить Мэдди, что последний раз секс у меня был очень и очень давно, что я никогда — ни разу — не хотел кого-то так сильно и что ее рука чертовски хорошо чувствуется, но мне нравится эта пытка, удовольствие от того, что я наконец получил то, чего так долго жаждал.

Я убеждаю себя быть хорошим мальчиком, оставаться под ней и позволять девушке задавать темп, и я пытаюсь. Мне удастся это еще несколько секунд, но потом у меня сносит крышу — простонав, я приподнимаю Мэдди и бросаю на кровать, чтобы теперь самому нависнуть над ней.

Так-то лучше.

Моя маленькая Мэдди лежит совсем беспомощно подо мной.

Никуда не деться. Не спрятаться от наших желаний.

Я хватаю ее за запястья и грубо завожу ее руки по обе стороны от головы. Ее прикосновения слишком на меня действуют. Все может закончиться в одно мгновение.

Веди себя хорошо. Оставайся на месте.

Затем отпускаю запястья Мэдди и возвращаюсь к той тонкой шпуге, которую она называет сорочкой. Ее грудь едва прикрыта шелковым материалом — Мэдди не просто нервничает, она напугана.

Что, по ее мнению, я собираюсь с ней сделать?

Причину боль?

Совсем немного.

Я вдавливаю Мэдди в кровать своими бедрами и задираю подол ее ночной рубашки все выше и выше, пока не открывается обзор на ее груди. И нетерпеливо опускаю голову. Мой рот сосет, кусает и целует, в то время как Мэдди извивается подо мной.

— Тише, — предупреждаю ее.

Мы не одни в доме, но похоже, что она забыла об этом. Со мной она забудет обо всем.

Я не в силах сдержать желание почувствовать больше ее обнаженной кожи, поэтому скольжу руками по ее телу. Как только моя ладонь опускается к ее плоскому животу, Мэдди начинает дрожать, и мои пальцы ныряют под ее трусики.

Она влажная, теплая и мягкая... И такая покладистая. Я провожу ладонью по внутренней поверхности ее бедер, но Мэдди не может раздвинуть ноги шире, потому что их сжимают мои колени. Несмотря на это, мне удается погрузить в нее палец.

Мэдди откидывает голову назад и вжимается в кровать.

Чувственная Мэдди.

О, чертовски чувственная.

Если она не хочет нормально разговаривать, я расскажу ей все другим способом прямо здесь, на моей кровати. Что тебя смущает в моих чувствах? Как ты можешь так сильно меня хотеть, если считаешь, что мы не можем быть вместе? Я дразню ее пальцами, проскальзывая внутрь и растягивая ее.

Губы Мэдди приоткрываются, и она всхлипывает. Вероятно, я слишком напористо действую, но я не могу сдерживаться. Мы уже не прежние Мэдди и Эйден. Если бы раньше я мог быть осторожным и медленным, но ожидание свело меня с ума.

Я наклоняюсь над Мэдди и позволяю своим губам прижаться к раковине ее уха.

Я шепчу, каково это — прикоснуться к ней. Описываю непристойными словами, от которых Мэдди вздрагивает и приподнимает бедра навстречу моей ладони. Я чувствую, как

она начинает дрожать, и замираю. Впиваясь ногтями в кожу на моих руках, она просит меня продолжать. Злится за то, что я остановился.

Я вновь двигаюсь в ней, медленно, чтобы она не кончила, совсем не то, что ей нужно.

Бедная, бедная Мэдди.

Я устроил нам встречу в ресторане, чтобы все упростить, но она решила войти в мою комнату посреди ночи. И теперь мы как животные.

Я позволяю Мэдди еще несколько раз подмахнуть бедрами под моей рукой, прежде чем отстраниться. Я хватаю Мэдди и укладываю посередине кровати, а затем стягиваю ее трусики, отбросив их к своим ногам.

Затем поднимаю свой взгляд на девушку в постели. Она обнаженная, если не считать сбившейся у шеи ночной сорочки. Ее кожа блестит, розовая и покрасневшая, особенно на груди и между бедер.

Я стою и наблюдаю, как она рассматривает меня снизу своим мягким и покорным взглядом. Я дал Мэдди немного, но она жаждет большего.

Продолжать ли нам, Мэдди?

Должен ли я снять штаны, залезть на тебя и погрузиться внутрь?

Боже, ты бы позволила. И свела бы меня с ума.

Что ж, я хочу свести с ума тебя.

Прижав палец к губам, я предупреждаю ее, чтобы она молчала. Затем опускаюсь на четвереньки на кровати и устраиваюсь между ее бедер, чувствуя, как матрас прогибается под моим весом. Будучи полностью открытой передо мной, Мэдди сводит от стеснения ноги, но я не даю ей долго скромничать. Провожу ладонью по ее ногам от коленей и ниже, пока не добираюсь до развилки и не ныряю пальцем обратно в ее тепло. Вот так просто она вновь уступает и охотно открывается мне. Пока мой палец внутри, мой рот накрывает ее естество, чтобы облизывать долго и медленно.

Мэдди вскрикивает, и я сжимаю ее бедро — *последнее предупреждение*.

Из-за нее нас застукают, и тогда нам надо будет остановиться.

Но я не останавлиюсь.

Я убираю пальцы, чтобы держать ноги Мэдди раздвинутыми, пока ласкаю ее языком. Мэдди выгибается на матрасе навстречу моему рту, и я трахаю жесткими и четкими движениями, быстрыми и длинными взмахами, от которых она доходит до оргазма. Мэдди дрожит, но я не отрываю от нее губ, желая выжать из нее наслаждение до последней капли. И только когда Мэдди обмякает, я напоследок целую ее там, а затем приподнимаюсь на руках и смотрю на нее сверху вниз.

Ее глаза закрыты, а грудная клетка быстро поднимается и опускается. Она словно не со мной в одной комнате. Будто где-то в другом месте... парит.

Я щекочу внутреннюю сторону ее колена, и Мэдди распахивает глаза. Она смотрит на меня из-под тяжелых век, тянется обнять меня за шею, желая продолжения, но я отстраняюсь и встаю.

Мэдди раздраженно хмурится, когда я поднимаю ее трусики и натягиваю на нее обратно.

— Я не хочу останавливаться.

— Хорошо. Я тоже. Ни сегодня, ни завтра.

Она понимает, что я имею в виду, поэтому расправляет плечи и до конца подтягивает трусики самостоятельно.

— На повестке дня только сегодняшняя ночь. Соглашайся или я пошла.

Я отхожу от кровати.

— Тогда, пожалуй, спокойной ночи. Увидимся утром... на втором раунде.

— Этому не бывать, — говорит она, опуская ночную сорочку на груди.

— Посмотрим.

Ей не нравится уверенность в моем тоне.

— Ты невыносим, — бросает Мэдди, сползая с матраса и встав прямо передо мной.

Я смотрю на нее сверху вниз с самодовольной улыбкой.

— Я не могу поверить, что мы когда-то были друзьями. — Ее острый взгляд пытается пронзить меня насквозь.

— Значит, мы больше не друзья? — уточняю я, наклоняя голову и потирая большим пальцем нижнюю губу, как бы напоминая, что эти губы только что были между твоих ног, милая.

— Ни в коем случае, — фыркает она.

— Итак, тогда теперь... кто мы?

Глаза Мэдди кричат об ответе, прежде чем она выходит из комнаты и захлопывает за собой мою дверь.

Мэдди

Утром я еле просыпаюсь.

Ночью мне едва удалось сомкнуть глаза после randevу с Эйденом. Идти в его комнату было глупо. Остаться там было еще глупее. Уйти после всего... *не глупо*. На самом деле, только это меня сейчас и спасало.

Эйден смотрел на меня самодовольно, гордо и водил большим пальцем по губе, как самоуверенный мудака. В тот момент мне хотелось пробиться через его грудную клетку и вывернуть его сердце так, как он всегда выворачивал мое.

Он действительно думает, что мы продолжим то, что начали?!

Даже не надейся, приятель.

Прошлая ночь прошла на моих условиях. Теперь я выкинула его из головы, конец.

Я сбрасываю одеяло и уже собираюсь пойти в общую ванную, но замираю. Душ включен. Обнаженный Эйден по ту сторону двери намывает свою загорелую кожу и, вероятно, мастурбирует, учитывая состояние, в котором я оставила его минувшей ночью.

Я выбегаю из своей комнаты, как будто моя задница горит, и делаю все утренние процедуры в ванной в коридоре, прежде чем отправиться на кухню.

Джоли и Форд сидят за столом. Форд запихивает в рот кусочки банана, а Джоли, листая журнал, пьет кофе.

— Доброе утро, — легко приветствую я, двигаясь к кофемашине. Кофе кажется темным и очень крепким, именно таким, каким я его хочу.

— Привет! — отвечает Джоли. — Хорошо спалось?

— О да, — вру я.

— Отлично, а то я переживала, что ты расстроена из-за отъезда Brentа. Прости, что мы не поболтали, когда ты вернулась домой.

Прошу прощения, напомните, кто такой Brent?

— О, все в порядке.

— Не понимаю этого. Как он мог взять и уйти от тебя за день до сочельника? Что за парень так поступает?

Фейковый парень.

— Ничего страшного. У нас было не особо серьезно.

Похоже, ее удивляет сей факт.

— И ты пригласила его сюда на каникулы?

Чтобы заставить Эйдена ревновать, Джоли!

Когда я не даю ответа, она спрашивает:

— Хочешь поговорить об этом?

— Поговорить о чем? — вклинивается Эйден.

Я резко оборачиваюсь и вижу, как он входит в кухню в джинсах и зеленой кофте, его чернильно-черные волосы все еще влажные после душа.

— Мы говорили о расставании Мэдди.

Эйден смеется.

СМЕЕТСЯ!

Затем поворачивается и направляется ко мне. Я замираю, как олень, попавший в свет

фар. Эйден выглядит готовым к прыжку. О боже, он собирается поцеловать меня на глазах у моей сестры! Ну что за самоуверенность!

Эйден подходит ко мне, и я прислоняюсь к стойке, а кулаки сжимаю так сильно, что вот-вот сломаю кость.

Но он останавливается и смотрит на меня сверху вниз. Его длинные ресницы (зачем такие вообще мужчине?) прячут плутоватые зеленые глаза.

Я моргаю и задерживаю дыхание... Жду... Жду.

Его улыбка становится шире.

— Не возражаешь, если я?..

Эйден указывает на кофейник позади меня. Он подошел за кофе. Не за мной! КОФЕ.

Я настолько подавлена, что готова раствориться в полу, поэтому смеюсь так громко и пронзительно, что Форд начинает плакать.

— Форд, тшш. Все в порядке, — успокаивает Джоли, поднимая его со стульчика для кормления.

Просто великолепно.

— Отличный подход у тебя к детям, — шутит Эйден, и я намереваюсь ударить его по руке, но вспоминаю, что мы больше не друзья. Подобное поведение совершенно исключено. Этой ночью мы объявили войну.

— Как спалось? — спрашиваю без особого энтузиазма в голосе.

— О, отлично. На твердую восьмерку. А ты?

— Эмм, — я щелкаю пальцами. — Вырубилась мгновенно.

— Не сомневаюсь. Такого рода деятельность действительно утомляет.

— Какая деятельность? — интересуется Джоли.

Она закончила успокаивать Форда и, по-видимому, прислушалась к нашему разговору.

Я бросаю свирепый взгляд на Эйдена, как бы предупреждая, что, если он хоть словом обмолвится о прошлой ночи моей сестре, я прикончу его на месте... прямо здесь, прямо сейчас.

— Ах, вчера вечером после ужина мы с Мэдди прогулялись по Вейл-Виллидж. Понаблюдали за фигуристами.

— Звучит весело. Я бы предложила повторить ваш маршрут всем вместе, но уже забронировала столик в "Четыре Сезона" на ужин в канун Рождества. Сделать это было на удивление трудно, ведь там собирается все местное общество...

В какой-то момент я перестаю слушать, как она бубнит о вещах, которые меня совершенно не волнуют. Эйден все еще рядом со мной, и мне надо отойти, чтобы он мог выпить свой кофе.

Эйден выгибает бровь, когда Джоли просит нас вести себя сегодня вечером хорошо. Что это означает? Он бросает мне вызов?

— Тебе нужно беспокоиться не о моем поведении, — отвечаю ей, — а Эйдена.

Он смеется и отталкивает меня в сторону, чтобы добраться наконец до кофе.

Джоли уводит Форда в его комнату, чтобы сменить подгузник, а я наклоняюсь к Эйдену.

— Да что на тебя нашло? — шиплю я.

— О чем ты?

— Ты другой. Раньше, когда мы жили вместе... ты никогда... — Тут мне хочется крикнуть «НЕ ВЫЛИЗЫВАЛ МЕНЯ», но вместо этого я останавливаюсь на: — Ты н

флиртовал со мной.

— Да, просто раньше я был более терпелив.

— И что это должно означать?

Он медленно и лениво потягивает кофе, наблюдая за мной, и, наконец, решает мне ответить.

— Я добиваюсь желаемого, Мэдди.

— Ты можешь продолжать пытаться, но...

— Но что?

— Но этому не бывать, — категорично отвечаю я. — Прошлая ночь закончилась, так что поищи другую девушку, чтобы поразвлекаться на праздниках. Уверена, вечером в "Четыре Сезона" найдется много желающих.

А уж если он посмотрит на них своим коронным взглядом...

Я пытаюсь обойти Эйдена с чувством, что отлично установила границы, но он бросается на меня, как будто у него кошачьи рефлексy, и останавливает, прежде чем мне удастся ускользнуть с кухни.

Он поворачивает голову и серьезным тоном, от которого у меня сводит пальчики на ногах, спрашивает:

— А если я хочу тебя?

У меня отвисает челюсть, и Эйден использует мое шоковое состояние, чтобы развернуть меня спиной к стойке. Встает передо мной и прижимается грудью к груди.

— Ты не тот Эйден, которого я знала.

Он ухмыляется.

— Я хотел тебя и тогда. Просто никогда не переходил к действиям.

— Почему?

Он пожимает плечами.

— Назови это вежливостью. Назови трусостью. Так или иначе, я сожалею об этом и намерен исправить свои ошибки.

Я прищуриваюсь, глядя на него, все еще пытаюсь понять его истинный мотив. Как все складно.

О, теперь он хочет меня?

Сейчас?!

— Все равно не понимаю. Ты говоришь, что я тебе нравилась, но тогда почему ты бросил меня и уехал в Нью-Йорк? — спрашиваю, подталкивая его к признанию.

— Я ошибочно предположил, что мои чувства не были взаимными. — Он протягивает руку и поднимает мой подбородок, чтобы приблизить мои губы к своим. — Думал, что единственный, кто мучается.

Я слышу, как кто-то идет по коридору к кухне. Шаги отдаются эхом все громче и громче. На мгновение я волнуюсь, что Эйден так и останется прижатым ко мне, но как только Джеймс сворачивает за угол, Эйден обходит меня и открывает холодильник.

— Доброе утро, ребята, — весело здоровается Джеймс, не обращая на нас особого внимания.

О, а доброе ли оно, Джеймс?!

~

Я убегаю из дома после завтрака, потому что бесхребетная. Я не могу остаться и позволить Эйдену продолжать одерживать верх. Он явно намерен получить желаемое, а моя

сила воли не настолько сильна, чтобы долго отбиваться от натиска парня. Вон даже прошлой ночью не только приняла абсолютно неверное решение, но еще и думала, что у меня все под контролем, что за главного я.

Канун Рождества обычно проводят с семьей и друзьями, я же большую часть дня отсиживаюсь в кафе с Kindle и латте. *Класс.* Менеджер заведения приносит мне комплимент — бесплатное пряничное печенье, — когда замечает, как задумчиво я таращусь в окно. Подумала, наверно, что мне некуда идти или не с кем посидеть в канун Рождества, а желания объясняться с ней у меня не возникло.

Я нахожусь в состоянии войны с самой собой. Никак не могу решить, что делать с Эйденом. В одну минуту я считаю его высокомерным самодовольным мудаком, который, пытаясь добиться своего, говорит мне то, что, по его мнению, я хочу услышать. А в следующую минуту я напоминаю себе, что знаю Эйдена. Он не такой. Он не стал бы меня обманывать ради перепиха на Рождество. Мои мысли скачут туда-сюда, как теннисный мячик, который гоняют по корту. Я уже покрылась потом из-за того, что никак не могу принять решение и от смущения, когда флэшбеки прошлой ночи возвращаются в мой разум.

Я не могу поверить, что мы это сделали.

Я не могу поверить, что *он* это сделал!

К моменту, когда я заканчиваю переодеваться к ужину, я растеряна и измотана. На свое счастье, я упаковала более чем достаточно вариантов нарядов, так как знала, что всю неделю Эйден будет поблизости. Мне удалось запихнуть в чемоданы весь свой гардероб, разбросанный по моей комнате.

Выбор я останавливаю на облегающем красном платье, которое было бы простым и скучным, если бы не короткий низ и тонкие бретельки крест-накрест. Каблуки в тон. Как и помада на губах. Макияж минимальный. Мне всегда нравился смелый красный на губах в сочетании со сдержанным макияжем.

Слышу звуки в ванной — Эйден тоже собирается. Я держу дверь в свою комнату закрытой, ценя несколько мгновений уединения перед тем, как мне снова придется встретиться с ним лицом к лицу.

Хотела бы я, чтобы у меня был четкий план действий.

Хотела бы, чтобы мои чувства к нему со временем испарились.

Хотела бы...

В мою дверь стучат, и Джоли спрашивает, готова ли я идти.

— Почти, еще минутку! — кричу я в ответ, поправляя платье и еще раз бросая взгляд на свое отражение в зеркале, дабы убедиться, что все на месте. Сногсшибательное платье — есть. Красные губы — есть. *Счастливого Рождества, Эйден.* Кусай локти!

Но как только я присоединяюсь ко всем в гостиной, моментально понимаю свою ошибку. Во время всей этой подготовки к сегодняшнему вечеру я позабыла создать силовое поле против Эйдена. А он тоже пришел во всеоружии: в темных джинсах, черном свитере под армейской зеленой курткой и стильных коричневых ботинках. Эдакий плохой мальчик на стиле, бесстрашный журналист, коим он и является.

Ужасный человек.

— Может, лучше доехать до места? — спрашивает Джоли. — Отель недалеко, но на улице так холодно, что не хочется идти пешком.

— Мы с Мэдди могли бы пройтись, — предлагает Эйден.

— Лучше поедem все вместе! — восклицаю я, уже направляясь к машинам снаружи.

Я сажусь прямо рядом с автокреслом Форда, радуясь, что оно находится в середине второго ряда внедорожника. Это идеальный барьер между мной и Эйденом.

Пристегиваю малыша. Он тоже выглядит красивее обычного в каком-то забавном наряде от Burberry, который, вероятно, стоит больше, чем я плачу за аренду в месяц.

— А разве он не испачкается во время еды? — спрашиваю у Джоли.

Она притворяется, что не слышит меня.

Эйден ухмыляется, и я отвожу взгляд. *Мы не общаемся как раньше, приятель. Мои шутки не для тебя.*

Поскольку я еще не приняла окончательного решения, как вести себя с Эйденом, буду поступать, как и планировалось. *Держи этого парня на расстоянии. Сохраняй здравомыслие и обезопась сердце. Сопrotивляйся, сопротивляйся, сопротивляйся.* Мне следует нанести черный боевой раскрас под глаза или, как минимум, прикрепить кинжал к бедру.

Как и было обещано, поездка до нелепого короткая. Мы покидаем нашу подъездную дорожку, проезжаем мимо пяти домов и уже передаем ключи от внедорожника парковщику, а сами с сопровождением поднимаемся по ступенькам отеля к огромным двойным дверям. Мужчина в форме открывает их, когда мы доходим до верхней ступеньки. Он протягивает полированный серебряный поднос, на котором стоят кружки с пряным сидром, украшенные маленькими леденцами и палочками корицы.

Ресторан битком.

Кто-то пришел в праздничных пышных платьях, кто-то в джинсах и намеренно потертых свитерах. Музыкант за пианино играет рождественские гимны, а вокруг него стоит и подпевает группа людей.

— Я бы приехала раньше, если бы знала, что тут будет так много людей, — говорит сестра с беспокойством в голосе. — У меня едва ли найдется больше минуты на каждого.

Она переживает, потому что хочет заработать репутацию в этом обществе, я же переживаю из-за очереди в баре. Пряный сидр безалкогольный, что никак не спасет.

Джеймс разговаривает с владельцем ресторана, и тот сообщает, что наш столик еще не готов. Я объявляю, что иду в бар, и направляюсь туда, как будто там находится решение всех моих проблем.

Тут очередь, но я не против. Нахожу пустой барный стул, забираюсь на него и изучаю коктейльную карту с праздничными предложениями, такими как «Омела-Мартини» и «Спритс-Санта».

— Могу посмотреть после вас? — спрашивает мужчина слева от меня.

Я поднимаю глаза и замечаю, что он улыбается мне, указывая на барное меню.

— О, конечно. Можете взять.

Я передаю карту, и улыбка мужчины становится шире. Он красивый, с густыми каштановыми волосами и темными глазами. Старше, но не на много.

— Что вы выбрали?

— Мне понравилось, как звучит «Белая рождественская сангрия». Не кажется чем-то приторным, но тематически.

Он кивает и подзывает проходящего мимо бармена.

— Будьте добры, две сангрии, пожалуйста.

Я наклоняюсь к мужчине и качаю головой.

— Не стоило. Я могла и сама заказать.

Он пожимает плечами и поворачивается ко мне лицом.

— Не переживайте. Сегодня канун Рождества — я чувствую себя великодушным.

Я улыбаюсь и благодарю его, после чего задумываюсь, что же дальше. Начать разговор? Да, напоминаю я себе. Надо поговорить. Он красивый, а я одинока. Именно это я обязана делать. Сегодня и все те вечера, когда я лежала без сна, зная, что Эйден в Нью-Йорке, гуляет со своими друзьями, знакомится с девушками, забыв обо мне...

Ничего не изменилось лишь потому, что эту неделю мы снова вместе. Через несколько дней Эйден вернется в Нью-Йорк, и я вернусь туда, где была — буду безнадежно пытаться двигаться дальше.

— Вы из Вейла? — спрашиваю я с робкой улыбкой.

— Вообще-то, из Боулдера. Мы приехали на праздники.

— Мы?

— Моя семья. Родители, братья и сестры. Они остановились здесь, в моем доме.

— Класс. У моей сестры тоже здесь дом, но я сама из Остина.

Он кивает.

— Я часто бываю там по работе.

— О, серьезно? Стало быть, ты привык к акклиматизациям. Там, внизу, снега нет.

Он смеется.

— Точно. В прошлый раз, когда я туда ездил, жара была под сорок градусов.

— Не удивлена.

— Мэдди?

Я поворачиваюсь. Джоли держит Форда на бедре и изучает моего нового знакомого.

— Наш столик готов.

— О, отлично. — Я перевожу внимание на мужчину, понимая, что мы даже не представились друг другу. — Извините. Кстати, меня зовут Мэдди.

— Нейт, — говорит он, принимая мою протянутую руку.

— Нейт Гиддингс? — вмешивается моя сестра.

Не похоже, что его удивило то, что какая-то незнакомка его узнала.

— Прощу прощения, я сестра Мэдди. Джоли Робертсон. Мы соседи.

Он на секунду задумывается, затем кивает, как будто складывает два и два вместе.

— Ах да. Вы, ребята, купили несколько месяцев назад дом на Мидоу Драйв, верно? Слева от меня?

— Да! — сияет она. — Я несколько раз пыталась зайти, представиться, но у вас довольно строгая охрана.

Он хмыкает и качает головой.

— Пожалуй, такое есть. Немного перегибают.

Я соскальзываю со своего барного стула, собираясь последовать за Джоли к нашему столику, но, похоже, она не спешит расставаться с Нейтом.

— Поверить не могу, что мне наконец удалось встретиться с вами. Мой муж тоже хотел познакомиться. — Она оглядывается, чтобы посмотреть, нет ли рядом Джеймса, но он вне поля нашего зрения.

— Давайте так, когда нам с Мэдди сделают напитки, я подойду к вашему столику и познакомлюсь с вашим супругом? — предлагает он, поймав мой взгляд и улыбнувшись.

Я растягиваю губы в знак благодарности, чувствуя себя виноватой из-за того, что ему придется напрягаться.

— Здорово! Наш столик на террасе, — сообщает она, указывая в нужном направлении.

Нейт кивает, и я машу ему рукой, прежде чем последовать за Джоли. Как только мы оказываемся вне пределов слышимости, она смотрит на меня широко распахнутыми глазами и с покрасневшими щеками.

— Ты хоть представляешь, кто это?!

— Э-э-э... Твой сосед, я полагаю?

— Сосед?! — Кажется, она раздражена мной. — Само собой, но еще он основатель Giddings Biosciences. Компьютерная компания!

Окей, о ней я слышала. В Остине есть филиал.

И все же я не понимаю, почему это так важно.

Джоли сжимает мою ладонь свободной рукой.

— Мэдди, это все равно, как если бы ты сидела рядом с Биллом Гейтсом или Майклом Деллом. Ты понимаешь это, правда?

Я пожимаю плечами, не особо впечатлившись.

— Он показался нормальным.

Джоли закатывает глаза и чертыхается себе под нос.

— Только ты можешь сказать, что Нейт Гиддингс нормальный.

Мужчины уже сидят за нашим столиком и просматривают меню. Джеймс забирает Форда у Джоли, усаживает на детский стульчик, а Джоли, не теряя времени, вводит его в курс дела.

— Вы никогда не догадаетесь, с кем Мэдди только что разговаривала в баре. — Прежде чем кто-то успеет догадаться, она выбалтывает все: — С Нейтом Гиддингсом!

Джеймс в шоке закашливается.

— Нейт Гиддингс, компьютерный магнат?

Джоли в буквальном смысле переполняет возбуждение.

— Да! Он подойдет к нам, потому что угостил Мэдди коктейлем, и представится.

Она садится и взбивает волосы, прежде чем поправить платье. И призывает меня сделать то же самое. Я не реагирую.

Я поднимаю взгляд на Эйдена и вижу, что он посматривает в сторону бара.

— А разве Мэдди не встречается с Brentom? — не понимает Джеймс.

— Больше нет! — Джоли шипит.

— Какая разница, с кем встречается Мэдди? — удивляется Эйден.

— Потому что Нейт Гиддингс только что к ней подкатывал!

Секунду спустя дверь на террасу открывается, и с бокалами в руках появляется Нейт. Я пробегаю по нему взглядом, оценивая привлекательную внешность, особо не заморачиваясь о том, что он, по-видимому, известный богатый человек. Несколько мгновений рассматриваю его наряд. Никогда бы не подумала, что компьютерный магнат будет ходить в чем-то подобном: черная рубашка на пуговицах, закатанная до локтей, и темные джинсы. Он выглядит расслабленным и приземленным. Может быть, Джоли его с кем-то спутала?

Джеймс видит Нейта и отскакивает от стола, встав по стойке смирно, как будто он наблюдает за приближением королевы Англии. Джоли делает то же самое, и я чувствую себя обязанной подняться. Когда Нейт подходит к нашему столику, Эйден — единственный, кто все еще сидит.

Нейт протягивает мне бокал сангрии.

— Спасибо за коктейль, — благодарно улыбаюсь. — Вам действительно не нужно было этого делать.

Он пожимает плечами и отвечает настолько тихо, что я почти уверена, что кроме меня его никто не услышал:

— Не мог упустить такой шанс. — Затем слегка подмигивает мне.

Джеймс обходит стол и протягивает ему руку.

— Нейт, так приятно с вами познакомиться. Я Джеймс Робертсон.

Нейт поворачивается и обнаруживает руку Джеймса, направленную прямо ему в грудь.

Я испытываю секундное смущение. Ему и Джоли действительно нужно остыть.

— Приятно познакомиться, — вежливо говорит Нейт, прямо перед тем, как Джоли слегка прижимается к Джеймсу, чтобы пообщаться с Нейтом.

— Джеймс и я в восторге от вашего дома. Это ведь самый большой участок на Медоу Драйв? Ходят слухи, что вы купили три соседних дома, чтобы объединить их в одну частную резиденцию.

Нейт краснеет — КРАСНЕЕТ! — прежде чем подтвердить, что действительно постепенно приобретал недвижимость вокруг своего основного дома.

— Так лучше получается сохранять приватность.

Джоли понимающе кивает.

— Разумеется. Я не могу себе представить, каково это — быть такой публичной личностью.

В разговоре возникает небольшая пауза, и я использую ее, чтобы бросить Нейту спасательный круг.

— Ну, я уверена, что Нейту не терпится вернуться к своей семье, — замечаю я.

Он смеется и кивает.

— Да, они, наверняка, гадают, куда я подевался. Я должен был только заглянуть в бар, а потом отвлекся...

Нейт явно намекает, что отвлекся мной, когда сел рядом и завязал разговор.

Потом он спрашивает, не провожу ли я его обратно к его столику, и настает моя очередь краснеть. Конечно, я соглашаюсь. Он был так мил с моими родственниками, что это меньше, чем я могу сделать.

Я, не теряя времени, извиняюсь за их поведение, как только мы отходим от столика.

— Я знаю, что они могут быть немного чересчур.

— Все в порядке, — уверяет Нейт, пока мы направляемся на террасу. — Они кажутся милыми, хотя у меня не было возможности познакомиться с молодым человеком, который сидел рядом. Он тоже ваш родственник?

— Ох, это...

Я запинаюсь, обдумывая, как ответить на этот вопрос.

— Это брат Джеймса, Эйден, — прибегаю к самому простому объяснению.

Нейт улыбается шире.

— Отлично. Я не был уверен, что ты не с ним...

— Нет, — выпаливаю я, непреклонно качая головой. — Нет, мы не... пара.

Нейт останавливается, когда мы входим в двери террасы, спрятанные в уединенной нише ресторана.

— Я знаю, что сегодня канун Рождества, и я должен быть со своей семьей, а ты со своей, но позволь мне хотя бы дать тебе свою визитку.

— Как романтично, — поддразниваю я, и он вытаскивает бумажник из заднего кармана и достает визитную карточку.

— Это не красная роза или что-то в этом роде, но мои возможности ограничены.

Мимо нас проходит официант, и Нейт спрашивает у него ручку. Затем он переворачивает карточку и записывает на обороте другой номер телефона.

— Это личный. Я не так уж часто его раздаю.

— Ага! Я обязательно передам номер своей сестре и ее мужу. — Его карие глаза встречаются с моими. Да этот парень в панике! Я смеюсь. — Шутка. Я обещаю сохранить твой номер в тайне ценой своей жизни, так лучше?

Нейт ухмыляется и возвращает официанту ручку, прежде чем протянуть мне карточку.

— Обычно я не...

Я знаю, что он собирается сказать.

— Я тоже, честно говоря.

Похоже, с его души свалился камень.

— Я думаю, все дело в платье, — говорит он, бросая взгляд на мой наряд.

— Оно сбивает с толку, — уверяю я его.

Он смеется и отступает назад, потирая рукой затылок.

— Ты позвонишь?

— Да.

Он кивает, а затем поворачивается, чтобы направиться к своей семье.

Я стою там, в нише, наблюдаю за его уходом и удивляюсь, почему к горлу подкатывает тошнота.

Я опускаю взгляд на визитку в ладони, переворачиваю ее и смотрю на лицевую сторону.

«Натаниэль Гиддингс

Генеральный директор Giddings Biosciences».

Завидный холостяк, какая ирония.

Мэдди

— Ну, и что он сказал? — спрашивает Джоли, как только я сажусь обратно.

В моем кулаке зажата визитка Нейта, и не хочу устраивать шоу, убирая ее при всех в сумочку, но и не хочу класть ее на стол. Поэтому продолжаю держать ее в руке, как бомбу замедленного действия.

Я поднимаю взгляд на Эйдена и вижу, что он наблюдает за мной. *Он знает.* Его губы сжаты в тонкую линию. Скулы заострились. Глаза полны разочарования.

— Мэдди, не оставляй нас в неизвестности, — добавляет Джоли со смехом. — Он дал тебе свой номер?

— Да. — Я тянусь за своей сумочкой и как можно быстрее засовываю в нее визитную карточку. Мои щеки пылают.

Джоли визжит от восторга.

— Я так и знала! Я чувствовала, что и на твоей улице скоро праздник. Тебе так ужасно не везло последние несколько лет с парнями, а потом, когда вот так уехал Brent...

— Ты собираешься позвонить ему? — спрашивает Эйден, грубо обрывая мою сестру.

Я мгновенно перевожу на него внимание и обнаруживаю, что выражение его лица не смягчилось.

Я вздергиваю подбородок и пожимаю плечами.

— Все может быть.

— Что собираешься сказать?

Я стискиваю зубы от гнева.

— Без понятия. Возможно, приглашу его куда-нибудь выпить.

— Зачем? Он разве не живет здесь, в Колорадо?

— И что?

Эйден смеется и откидывается на спинку стула, бросая салфетку на стол.

— Хорошо, тогда я объясню. Это полная херня, ничего у вас не выйдет.

Джоли и Джеймс вздрагивают от его резких слов.

— Эйден, — тихо упрекает Джеймс. — Что на тебя нашло?

Он игнорирует своего брата, чтобы продолжить наш очень публичный, очень неуместный спор.

— Ты осталась такой же, какой и была, когда я уехал из Техаса.

— *О, пожалуйста, просвети меня,* — отвечаю насмешливым тоном. — Ужасно хочется послушать твое мнение о том, какой же я человек. От тебя, с которым я даже не разговаривала больше года. Ты думаешь, что знаешь меня?

Эйден смеется, и это звучит совершенно зловеще.

— Разумеется. Ты, Мэдди, девушка, которая убегает от своих чувств при каждом удобном случае. О, новый парень в баре? Отлично, ведь он поможет отвлечь тебя от правды. Повстречаешься с ним несколько месяцев, будешь водить его за нос, а потом порвешь с ним, пока все не стало слишком серьезно.

Я вижу *красный*. Мои пальцы впиваются в край стола — жалкая попытка занять руки. В противном случае я бы потянулась за ножом для масла, чтобы швырнуть им в Эйдена.

— Ты используешь людей, чтобы скрыться от правды, — продолжает он.

— Да пошел ты, Эйден Смит. — Слова выходят любезно, плавно, и, о, как приятно произносить их вслух.

Моя сестра ахает от ужаса, поднимая Форда, который теперь плачет из-за нашей незрелой вспышки гнева.

Эйден встает и упирается руками о стол, чтобы наклониться ко мне.

— Я вижу тебя насквозь, Мэдди.

Я едко смеюсь.

— Да? Где были все твои знания в прошлом году? Озарило только сейчас? Честно говоря, я думаю, дело в другом. Ты срываешь свой гнев не на том человеке, Эйден. Это ты все испортил. Это ты уехал, когда должен был остаться. По-твоему, я должна принять тебя обратно с распростертыми объятиями? Или все забыть после чуши о том, что ты хочешь меня, и внезапно для тебя все встало на свои места?

Официант у нашего столика пытается привлечь наше внимание.

— Э-э, приношу извинения. Но... Могу я... просто... другие гости заметили суматоху.

Моя сестра рыдает. Они с Фордом на пару соревнуются за самые громкие всхлипы.

Мы испортили вечер не только себе, но и соседним столикам.

Просто великолепно.

Я встаю и хватаю свою сумочку, но прежде чем уйти, не могу удержаться, чтобы не бросить в его сторону еще одну насмешку.

— Молодец!

На полпути к двери я чувствую, что Эйден идет за мной.

Он не собирается оставлять меня в покое, ну и славно! Во мне накопилось довольно много гнева, так что извергать его я готова весь вечер.

Мы оба проносимся через главный зал обратно к ресепшену, прижимаясь друг к другу.

Оказавшись у дверей, я не дожидаясь служащего, который бросается открыть мне их, а хлопаю по ним ладонью и распахиваю сама. Холодный воздух ударяет мне в лицо, и я морщусь от злости.

Рождественская музыка из громкоговорителей раздражающе веселая, учитывая наше нынешнее противостояние.

Рудольф — красноносый северный олень...

Когда холодный воздух ударяет в Эйдена, он шипит. Я не жду, пока он придет в себя. Я сваливаю домой.

Все это было ошибкой.

Приезжать сюда. Снова видеть Эйдена.

Следовало остаться в Техасе.

Надо было провести каникулы в одиночестве. Разогрела бы пирог в микроволновке, включила канал «Холлмарк» и покончила с этим праздником.

Мы идем с Эйденем по улице, достаточно близко, чтобы подпитываться негативной энергией друг друга, но достаточно далеко, чтобы я могла протянуть руку и столкнуть его в сугроб. *Ах, ну разве это не было бы чудесно?*

Вообще-то...

Я остаиваюсь как вкопанная, наклоняюсь и начинаю лепить из снега плотный шарик.

У меня замерзли руки. У меня замерзли ноги. Мое долбаное лицо замерзает, но какое мне дело? *Мне нужно выиграть войну.*

Я заканчиваю лепить снежок, и Эйден стоит рядом со мной.

— Что ты делаешь? — спрашивает он, как раз перед тем, как я поворачиваюсь и запускаю ком в его лицо.

Мой прицел сбит.

Я промахиваюсь на добрых два фута, но какое мне дело? Мы в Колорадо, снега тут предостаточно. Под рукой куча боеприпасов.

— Ты сошла с ума, — хмыкает Эйден почти весело, когда я наклоняюсь, чтобы сформировать второй снежок.

— Да, а ты невыносим!

Я не тороплюсь со вторым снарядом — бросаю в наглеца рядом, только сформировав аккуратный плотный шар. На этот раз он врежется ему в грудь, отчего джемпер и куртку теперь покрывают белые хлопья.

Эйден медленно, что кажется комичным, опускает глаза. Как будто он в полном недоумении, что я действительно посмела кинуть в него снежком.

— Что за...

Он не успевает закончить фразу, потому что я бросаю в него еще больше снега. Ему следует быть хоть немного расторопнее, иначе я ловко выиграю эту битву в снежки.

— Мэдди! Могу я просто...

— Что? Что ты можешь сказать такого, чего еще не сказал?!

Сейчас мы очень близко, но зато я могу себя защитить. *Каждый бросок попадает в цель.*

Эйден пытается схватить меня, но я уклоняюсь, как супер-ассасин.

На моего врага сыпется еще больше снега, и, рыча, он, наконец, наклоняется, чтобы сформировать свой ком.

Эйден смотрит на меня с диким блеском в глазах, и меня захлестывает паника.

Эйден официально вступает в бой.

Вот черт.

Я разворачиваюсь и бегу, как будто от этого зависит моя жизнь, что не так-то просто, учитывая каблуки и короткое платье. Да и все мое тело онемело от холода.

Я ожидаю, что снежок в любой момент врежется мне в спину. С силой Эйдена это сразит меня, и я погибну на тротуаре посреди деревни Вейл. Я трушу зигзагами, пытаюсь затруднить прицеливание Эйдену, но я ошиблась. Он и не собирался бросать в меня снежок. Никогда.

Он ловит меня и обхватывает рукой за талию, отрывая от земли и прижимая к себе.

Затем размахивает комом передо мной, как кинжалом. *Это предупреждение: веди себя хорошо, иначе...*

— Вся эта перепалка нелепа, — произносит он. Его теплое дыхание посылает каскад мурашек по моей спине.

Я пытаюсь вырваться из его хватки.

— Ты ее начал. Не мог держать рот на замке за ужином?

— И позволить тебе говорить о Нейте так, как будто есть хоть какая-то вероятность, что он тебя действительно заинтересовал?

— Может, и заинтересовал! — вызывающе настаиваю я.

— Мэдди.

Похоже, ему больно произносить мое имя.

Эйден бросает снежок на землю, и тот рассыпается у моих ног.

Я думаю, Эйден отпустит и меня, но нет.

Он обнимает обеими руками меня за талию.

— Пожалуйста. — Это слово сжимает мое сердце, и я зажмуриваюсь. — Позволь мне попытаться все исправить.

Эйден

Я крепко прижимаю Мэдди к себе, и мы совершенно неподвижно стоим, даже когда начинает падать снег.

Мое сердце бьется со скоростью мили в минуту, я не чувствую холода, но Мэдди совсем не одета и, боюсь, что если я быстро не доставлю нас домой, то последствий в виде воспаления легких не миновать.

Нужно вытаскивать ее отсюда. Она без куртки, поэтому я снимаю свою и набрасываю ей на плечи. Мгновение я беспокоюсь, что Мэдди откажется, но она закутывается в нее, затем позволяет мне взять ее за руку и перевести через дорогу, в сторону дома.

— Я не сдалась, — говорит она, сохраняя суровое выражение на лице.

До дома рукой подать, пару шагов — и мы у дверей. Быстрый взгляд на подъездную дорожку подтверждает, что Джеймса и Джоли еще нет. Вне всяких сомнений, они пытаются сгладить ситуацию в ресторане. Даже не хочу думать о том, что скажу им, когда они вернутся домой.

Запасным ключом отпираю дверь и впускаю нас в дом. Рука Мэдди по-прежнему в моей, несмотря на то, что мы уже в фойе.

— Туфли, — бормочет она, возвращаясь назад.

Я смотрю вниз — ее ноги облеплены мокрым снегом.

Я наклоняюсь, чтобы помочь Мэдди снять каблуки. У нее холодные ноги. В данный момент она больше сосулька, чем человек, поэтому, не проронив ни слова, я поднимаюсь в полный рост и подталкиваю ее в сторону нашей общей ванной.

Она позволяет мне вести ее, но у меня ощущение, что Мэдди просто собирается с силами. Я в самом эпицентре бури, разумно помнить об этом.

Вдвоем мы не уместимся в небольшой душевой кабине. Горячая вода нужна Мэдди больше, чем мне, поэтому я открываю кран и оборачиваюсь. Она настороженно смотрит на меня.

Бой не закончен.

Мэдди обеими руками цепляется за остатки гнева.

— Повернись, я расстегну тебе молнию, — говорю я, описывая пальцем круг для наглядности.

— Справлюсь сама. Если смогла застегнуть, смогу и снять.

Скинув мою куртку, Мэдди бросает её на полку в ванной.

Я несколько сомневаюсь в своем плане, но теперь мне стало абсолютно все равно, насколько мал душ. Я хватаю подол джемпера и снимаю его одним плавным движением.

У Мэдди отвисает челюсть.

— Я думал, ты в состоянии раздеться сама, — поддразниваю я.

Ее глаза сужаются.

— Я могу... когда ты уйдешь.

Я беспечно пожимаю плечами.

— Мне нужен теплый душ. Как и тебе. Убьем двух зайцев одним выстрелом.

Она фыркает.

— Если ты думаешь, что я приму с тобой душ, ты не в своем уме. Какая часть

сегодняшнего разговора осталась для тебя непонятной? Сколько раз я должна бросить снежок тебе в лицо, прежде чем...

Ее слова обрываются, потому как я поднимаю ее с одеждой и всем остальным и несу в душ.

Я ставлю ее прямо под струю и захлопываю за нами стеклянную дверь. Если бы у меня был замок, я бы им воспользовался.

Мэдди закашливается и шипит, но сбежит она только через мой труп.

— Мое платье! — стонет Мэдди, рассматривая красный шелк, который сейчас облепляет ее кожу.

— Надо было его снять, — отвечаю без малейшего раскаяния.

Ее взгляд вспыхивает и встречается с моим. Она сужает глаза в маленькие щелочки и делает шаг ко мне. Ее ладони сжаты в кулаки. Похоже, будь я в джемпере, она бы схватила меня за ворот и дернула бы.

— Выпусти меня, — требует она.

— Нет.

Ее кулаки ударяют меня в грудь.

— *Выпусти меня!*

— *Нет!*

Я наблюдаю, как ее гнев проходит, растворяется, распадается на молекулы, превращаясь в печаль, раздражение, страх.

Когда Мэдди снова заговаривает, в ее голосе слышится полускрытое рыдание.

— Отпусти меня, Эйден.

Я хватаю Мэдди за талию и вплотную прижимаю к себе. Мы насквозь мокрые, но зато согрелись. Тем не менее, когда она обнимает меня за талию и впивается пальцами в мою спину, от ее прикосновения веет холодом.

Мэдди опускает голову на мою грудь и всхлипывает. Я упираюсь лбом в изгиб ее шеи и крепче обнимаю.

Мне не хватает близости с ней. Я хочу, чтобы она была внутри меня, частью меня.

Теперь она плачет, но я едва это слышу. Ее тихие слезы хуже, чем громкие рыдания. Мое сердце, черт возьми, разрывается. Я глажу ее по спине, а потом зарываюсь в волосы. Я хочу, чтобы Мэдди посмотрела на меня, хочу, чтобы она что-нибудь произнесла.

Когда она наконец это делает, это причиняет боль.

— Я так сильно хочу тебя ненавидеть.

Ее слова — пули в сердце.

Судя по всему, я опоздал... Неужели никакие мои слова не способны повлиять на нее?

— Нет, — шепчу я.

— Я хочу, — снова повторяет она, ее голос дрожит.

— Пожалуйста, не надо.

Она снова смотрит на меня, и в ее печальных глазах блестят слезы.

— Ты бросил меня и уехал в Нью-Йорк.

— Ты не просила меня остаться.

— Ты не хотел оставаться.

— Да, но я верил, что это необходимо. Думал, что поступаю правильно. Я думал... — Я качаю головой. — Я хотел рассказать тебе о своих чувствах, снова и снова. Мне казалось, что я показываю их тебе, а ты просто делала вид, что не замечаешь. Ты никогда не заводила

разговор о наших отношениях.

— Потому что я была влюблена в тебя! — кричит она. — Отчаянно! Ужасно! В худшем смысле этого слова!

Ее слова отдаются в душе со стеклянными стенами эхом, заставляя меня действовать.

Я наклоняюсь и быстро завладеваю губами Мэдди, прежде чем разум, причины, мотивы или последствия смогут проложить себе путь.

Сейчас идеальный момент. Это поцелуй жизни. Поцелуй, о котором я мечтал годами. Поцелуй признания.

Я тоже люблю тебя, Мэдди.

Я любил тебя тогда и люблю сейчас.

Я углубляю поцелуй, прижимаясь к ней всем телом.

Как вообще возможно, чтобы два человека были влюблены, кружили вокруг друг друга, и ни один из них так и не догадался о том, что другой чувствует то же самое? Чем больше я прикипал к ней, тем более одиноким себя чувствовал. Чем сильнее привязывался, тем страшнее было признаваться. Я пытался намекать, флиртовать открыто, чтобы мои действия было невозможно неправильно истолковать, но слова Мэдди за ужином — чистая правда. Я злюсь на себя.

Столько времени... глупо потеряно.

Посмотрите на нас.

Мы разошлись из-за недоразумения.

Мы любили в одиночестве.

Мы изголодались, этот поцелуй так припозднился, что нам больно.

Мэдди царапает мою спину ногтями, пытаюсь оказаться ко мне как можно ближе. Я закидываю ее ногу себе на бедро и приподнимаю над полом, чтобы прижать к стене. Так мне легче соединять наши губы и исследовать руками ее тело. Я дергаю бретельки ее платья, но они плохо поддаются — мокрые и прилипли к коже. Я тяну сильнее, и одна отрывается.

Мэдди не замечает. Ее руки скользят по моей талии, двигаясь к низу моего живота, чтобы расстегнуть пуговицу на джинсах. Это нелегко. У нее не получается, но я всегда готов прийти на помощь. Мы неуклюжи и нетерпеливы.

У Мэдди такие нежные руки, и мечтал о них на своем теле уже достаточно долго.

Годы.

Боже. Я хотел ее много лет, но она по-прежнему не моя.

Только здесь и сейчас.

Я чувствую себя сумасшедшим, когда шепчу ее имя и стягиваю платье с ее груди. Расстегиваю лифчик, и она помогает мне его снять. Тот падает на плитку у наших ног. Я трогаю, ласкаю ее груди, пока она не начинает стонать. Затем целую их, желая большего. Я мог бы дразнить, лизать и прикасаться к ней дни напролет, но я сгораю изнутри. Как и она.

Она сжимает ноги вокруг моих бедер и трется о мою твердость, все еще заключенную в мокрую джинсовую ткань. Затем скользит рукой вниз и обхватывает мой член.

О, Мэдди.

Я пропал.

В Нью-Йорке миллионы людей, но ты не одна из них.

Мэдди отстраняется, разорвав наш поцелуй, и проводит губами по моей челюсти и шее. Ее рука продолжает двигаться все сильнее, и мурашки пробегают по моей спине. *Черт, это слишком хорошо.* Еще немного, и я кончу в ее ладонь. Я отчаянно хочу этого, но не сейчас. С

этим придется повременить.

Я хватаю ее за запястье и останавливаю. Когда я вытаскиваю ее руку из своих джинсов, она поднимает на меня глаза. Прижимаю Мэдди к стене, а затем откидываюсь назад, чтобы расстегнуть пуговицу на штанах и ширинку, медленно раздвигая зубцы молнии под внимательным взглядом девушки.

На ней до сих пор слишком много одежды, но красное платье задрано на талии, так что я легко сдвигаю трусики набок. Затем накрываю ее промежность своей рукой и скольжу по ней. Мои пальцы покрываются влагой, а когда один из них погружается в Мэдди, она крепче обнимает меня.

Ее половые губы дружелюбно встречают мои пальцы.

Мэдди закрывает глаза и перестает дышать, когда я выхожу и возвращаюсь назад, растягивая ее для своего члена.

Время на мгновение замедляется, когда она наконец полностью принадлежит мне, раскачивается на моих бедрах... и я не хочу упускать такую возможность.

Спускаю джинсы и боксеры на достаточное расстояние.

— Обними меня за шею, — велю ей.

Мэдди чуть приподнимается, ровно настолько, чтобы мне было легко проникнуть в нее. Небольшой дюйм превращается в два, а затем Мэдди позволяет себе опуститься на меня, так медленно, что я не сдерживаюсь.

Я толкаюсь в нее, и она охает. Пожалуй, я был слишком резок. Наша поза и местонахождение не способствуют томному занятию любовью, но ведь так прошел весь наш вечер, верно? Нежности не было, когда мы ссорились или когда она забрасывала меня снежками.

Ее ноги обхватывают мою талию, она устраивается поудобнее и опускается еще ниже.

Тепло Мэдди окружает меня. Я зажмуриваю глаза, пытаюсь собраться, и затем толкаюсь бедрами. Сосредотачиваюсь на звуке ее дыхания, ощущении ее рук на моей шее, прикосновении ее сосков к моей грудной клетке. Мэдди отрывается от стены и полностью повисает на мне. Она зависит от меня, от моих рук, которые удерживают ее за талию. Мое сердцебиение наверняка отдает в ее грудях, потяжелевших от желания.

Мы движемся, встречая удар за ударом. Я приподнимаю ее и прижимаю к стене, чтобы набрать ритм и трахать жестче.

Одной рукой обхватываю шею Мэдди, второй — талию. Когда она начинает соскальзывать, ее ноги крепче стискивают мою талию. Ее груди прижимаются ко мне, но мне до безумия хочется полюбоваться ими. Держа ее за шею, я отвожу ее голову назад, аккуратно, чтобы она не ударилась об плитку. И тогда обвожу груди Мэдди взглядом. Она розовая, покрасневшая и вся мокрая.

Двигаясь в Мэдди, я теряю рассудок, но и она не может сдерживать свои стоны.

Я отпускаю ее шею и опускаю руку между ног. Это сводит ее с ума. Нежные поглаживания моего пальца заставляют ее делать быстрые, прерывистые вдохи. Она выгибает спину и прислоняет голову к кафелю. Она уже близко... Когда Мэдди громко стонет, я чувствую волны ее удовольствия, каждый спазм ее наслаждения.

Я готов кончить вслед за ней, мое тело молит об освобождении, но мне не хочется, чтобы это заканчивалось. Не хочется покидать стеклянные стены теплого душа и окунаться во все, что ждет нас вне их. Поэтому я растягиваю момент и крепко целую Мэдди, продолжая ласкать ее между ног, пока она полностью не выдыхается и не расслабляется в

моих объятиях настолько, что вот-вот упадет. Ее глаза распахиваются, и я замечаю в ее взгляде незащитность и уязвимость. Я отстраняюсь, чтобы хорошенько рассмотреть ее, скольжу вниз по ее телу и толкаюсь один... два раза. Затем, с тяжелым стоном, я прекращаю битву с собой и кончаю. Мэдди крепко обнимает меня, ожидая, что я что-нибудь скажу после того, как закончу двигаться в ней, и наше тяжелое дыхание перестанет заглушать шум душа.

Я осторожно опускаю Мэдди на пол и, убедившись, что она уверенно стоит на ногах, тянусь за гелем для душа. Я не пытаюсь встретиться с ней взглядом или втянуть в разговор, пока наношу средство на руку и намазываю ее тело. Я тороплюсь, но по необходимости. Первый раунд может легко превратиться во второй, а судя по Мэдди, она устала.

Вымыв нас обоих, я прошу ее подождать и иду за полотенцами. Передав ей одно, вторым сушу волосы и потом оборачиваю его вокруг бедер.

— Эйден...

Короткое слово звучит как предупреждение, и это не остается незамеченным мною.

Я знаю по ее тону, по слегка неуверенной дрожи в ее голосе, что ее речь мне не понравится, поэтому я не позволяю Мэдди продолжать.

Свою борьбу она может вести утром. Мне нужна эта ночь больше, чем она осознает.

Мэдди чистит зубы, надевает пижаму и пытается улизнуть в свою комнату, но я перехватываю ее и тяну в свою кровать. Никаких гнусных планов на ее счет. Я просто нуждаюсь в ее теле под одеялом рядом со мной, чтобы ее колени прижимались к моим, моя рука покоилась на ее талии, и мы были как можно ближе друг к другу.

Я целую Мэдди в волосы и велю закрывать глаза. Я знаю, что в ее голове миллион мыслей. Я знаю, у нее есть тысяча вопросов, которые Мэдди хочет задать, но день выдался долгим, и сейчас в моей постели все, что мне нужно. Не хотелось бы все испортить.

Мэдди

— Счастливого Рождества.

Это первые слова, которые я услышала, проснувшись следующим утром. Протерев глаза, я вижу Эйдена, сидящего на краю кровати, на котором нет ничего, кроме черных пижамных штанов. От вида его взъерошенных волос и лица, которое освещает утреннее солнце наполовину, сложно закрыть рот; сердце сдается от борьбы, которую вела, казалось бы, тысячелетия.

Наверное, я бы смогла прожить так жизнь, и следующую жизнь... и следующую, всегда любя Эйдена. Бежать от этого бессмысленно. Отталкивая его, я лишь погружаюсь в смехотворные и постыдные ситуации.

Эйден приподнимает уголок губ, ожидая от меня движения, слов или хотя бы любой признак функционирования мозга. Я собираю одеяло у груди, усаживаюсь... и чувствую кофе... блаженный кофе — на тумбочке стоит кружка с кучей подарков.

Я... озадачена.

Затем вспомнила, что он сказал, разбудив.

— Это мне? — Я смотрю ему в глаза.

Эйден смотрит на подарки и пожимает плечами:

— Да. Знаю, много, но я не собирался дарить их все на Рождество. Вот этот я приобрел на первом задании в Париже. Планировалось подарить его тебе в следующую встречу, но...

Но на то были причины.

Я беру подарок и дразня улыбаюсь Эйдену:

— Ну, фактически, ты так и подарил.

Эйден усмехается и качает головой.

В руках темно-синяя, смятая до ужаса, бумага. Угол уже разорван, поэтому решаю начать с него. За бумажкой оказывается маленькая акварельная живопись. Я сразу узнаю вид Парижа с высоты птичьего полета, хотя мазки кисти свободные и импрессионистические.

— Я увидел, как художник писал ее, — говорит Эйден, пока я смотрю на картину. — Шел третий день, а я скучал по дому и не находил себе место. Я хотел пообедать снаружи, пытаюсь найти свободную лавочку у Сены, и нашел рядом с этим художником. Он рисовал все то время, что я ел, и от этого я чувствовал себя менее одиноким.

— Поэтому ты купил картину.

— Для тебя. В конце концов, ты была причиной моей грусти.

Я удивленно смотрю на него:

— Я?

— Да, ты. Конечно, ты, Мэдди. Я уехал из Парижа после того звонка в аэропорту. Это было похоже на самое тяжелое расставание в мире, как будто мы с тобой расстались еще до того, как начали.

Я себя также чувствовала. Даже сейчас не надо глубоко копать, чтобы достать те эмоции. Они прямо под поверхностью.

— Красивая, — смущенно выдавливаю из себя я.

— Мэдди.

— М-м?

— Можешь посмотреть на меня?

А мне надо?

Я смотрю на Эйдена и едва не падаю с кровати. Никогда не получалось так легко посмотреть на него, пытаюсь скрыть всю любовь. Она, вероятно, льется из меня как только можно, насыщая вокруг воздух. Эйден знает. Должен.

— Завтра мне нужно вернуться в Нью-Йорк.

Это, возможно, самые болезненные слова в английском языке. В детской песенке, где говорится о том, что слова никогда не ранят, так как камни, откровенная ложь. Слова ранят больше всего. Лучше бы меня закидали камнями, чем Эйден бы опять заявил, что бросает меня. Снова и снова.

Мне нужно больше воздуха. Надо выйти из комнаты прежде, чем моя привязанность вырвется из меня громким воплем.

Я встаю и понимаю, что до сих пор голая, поэтому стаскиваю одеяло с кровати, пытаюсь в него завернуться, но, видимо, у людей в кино это получается намного лучше, чем у меня, потому что оно все спутывается и остается ниже груди.

Я ругаюсь и дергаю ткань снова.

Эйден все повторяет мое имя, но я сейчас заиклена только на одеяле. Он касается меня, и я от испуга отпрыгиваю назад, вытягивая ладонь вперед в знаке: «Не приближайся, приятель».

— Ты можешь остановиться на секунду? Я бы хотел, чтобы ты вернулась со мной. Вместе.

— Что?

— Не удивляйся. Конечно, я хочу поехать вместе. Хочу отношений. Чтобы ты была моей девушкой, Мэдди. Поехали в Нью-Йорк со мной.

И прямо в эту секунду раздается стук в дверь.

— Эйден? Ты встал? Надо поговорить.

Это Джеймс.

— Сейчас не время! — кричит Эйден.

Ручка двери начинает дергаться, отчего начинаю кричать, пытаюсь поползти до ванной прежде, чем Джеймс откроет дверь.

Хотя Эйден быстрее меня — он добегает до двери как раз вовремя, чтобы захлопнуть ее прежде, чем Джеймс что-нибудь увидит.

— Не сейчас, идиот!

— Ты вел себя как лунатик прошлой ночью! Нам надо поговорить.

— Не. Сейчас!

— Ладно. Встретимся на кухне.

Я не слышала другую часть разговора, потому что спешу обратно в свою комнату. Там, на краю кровати сидит сестра, скрестив руки на груди.

Здорово. Просто офигенно.

— Надеюсь, ты счастлива. — Первая вещь, которую она мне говорит.

Если бы Джоли с Джеймсом были нашими родителями, нас бы наказали. Суть очень долгого разговора, который приходится терпеть, заключается в том, что сестра очень разочарована решениями, которые я приняла прошлой ночью, и она ожидает от меня каких-то решений и хочет дать понять, что мои действия отражаются на ней.

О, боже мой. Просто убирайся из моей комнаты, чтобы я смогла одеться, выпить кофе и

переварить тот факт, что Эйден попросил меня переехать с ним в долбаный Нью-Йорк.

Я снова настраиваюсь на ее длинную обличительную речь:

— Я бы хотела, чтобы ты сегодня позвонила в ресторан и извинилась.

Джоли, я бы хотела, чтобы ты ушла, но мы не всегда получаем то, чего хотим.

Я успокаиваю ее множеством кивков и почтительных мычаний в знак согласия, прежде чем она, наконец, исчерпывает себя и оставляет меня в покое.

Первый раз в таком состоянии... и в замешательстве. Мышцы живота сжимаются от беспокойства, но я не могу забыть ту маленькую картину, которую Эйден подарил мне минуту назад. В это рождественское утро я проснулась рядом с Эйденем. Санта действительно решил показаться в этом году.

Я достаю из чемодана красную клетчатую пижаму и несколько уютных носков. Раздается стук в дверь, после чего поворачиваюсь и вижу Эйдена, стоящего в дверном проеме, который не в силах стереть улыбку с лица.

— У нас проблемы, — дразнит он.

Я изображаю беспокойство.

— В этом году за плохие поступки мы определенно запасемся углем?

— Хуже. Джеймс «глубоко разочарован мною».

— Ох, бедный.

— Ага, держу пари, они даже не оставили нам завтрак.

— Можем приготовить свой.

— Договорим позже насчет Нью-Йорка, хорошо?

Я киваю в согласии, радостная, что он не давит на меня.

~

День не так уж плох. Конечно, Джоли и Джеймс немного сдержанны по утрам, но я утомляю их большим количеством выпечки.

— Кто-нибудь видел сахар?!

— Ты только что взяла его, — говорит сестра с дивана. Уже ранний вечер, и все собрались в гостиной, чтобы посмотреть рождественские фильмы. Я торчу на кухне и не собираюсь уходить. У меня в духовке готовится пряничный домик. На решетке для охлаждения лежат две дюжины печений с клюквой и белым шоколадом. В миксере готовится пирог, а на плите разогревается гоголь-моголь. В доме пахнет, как после взрыва на свечном заводе.

— Как я, по-твоему, буду печь сахарное печенье без сахара?

— Нам нужно сахарное печенье? — мягко спрашивает сестра.

Я бросаю на нее раздраженный взгляд.

— Это Рождество, Джоли.

Настроение ясное: перестань быть Гринчем!

Выпечка в основном отвлекла меня от мыслей о приглашении Эйдена. Когда он время от времени присоединяется ко мне на кухне, то не пытается снова заговорить об этом, хотя эта идея плотно засела у меня в голове.

Переехать в Нью-Йорк с Эйденем? Получится ли?

Я ненавижу то, как быстро проходит день, который стал еще быстрее из-за раннего утреннего рейса Эйдена из Денвера. Ему придется встать в пол пятого утра, чтобы успеть доехать из Вейла и вовремя добраться до аэропорта. В эту ночь я ожидаю, что он ляжет спать пораньше, но Эйден остается на диване, свернувшись калачиком рядом со мной под

одеялом, пока мы заканчиваем смотреть «Эта замечательная жизнь».

Свет на кухне приглушен. Джеймс с Джоли уже давно легли спать, так что мы одни на диване, пока за окном идет снег.

Я была так счастлива до этого момента, полна рождественского духа, когда мы провели день, лепя снеговиков и кушая, смотря фильмы, строя пряничный домик, а затем поедая и его тоже.

Но сейчас невозможно избежать того, что произойдет завтра.

Эйден уезжает, и я не знаю, что будет после этого.

Идут титры фильма, а я не шевелю ни единым мускулом. Хочется повернуть время вспять и пережить этот день заново вместе. Я не хочу, чтобы Эйден отодвигался от меня.

Я оглядываюсь и вижу, что он смотрит вниз на наши переплетенные руки.

— Ты устал? — интересуюсь я.

— Не совсем. — Голос кажется отчужденным.

— Ты был уставшим утром.

— Возможно.

— Что не так?

Эйден откидывает голову на спинку дивана и смотрит в потолок.

— Я глянул рабочий календарь, пока ты готовила.

— И?

— Меня не будет в течение следующих пяти недель. В расписании есть свободная ночь или две, когда смогу вернуться в Нью-Йорк, но это все.

— Ох, это...

— У нас все еще может получиться, — говорит он, пытаюсь перебить меня.

— Конечно. Я и не собиралась утверждать обратное.

— Значит, ты больше от меня не убежишь?

— Нет.

Эйден расслабляется.

— Мы можем общаться по телефону, когда меня не будет.

— Ага.

— И по почте.

Я не могу сдержать улыбки:

— Ты будешь слать мне открытки?

— Каждый день, если хочешь.

Я наклоняюсь и целую его мягко и нежно, но Эйден ярко прижимается к моим губам, запуская руку мне в волосы. Я придвигаюсь к нему и провожу рукой по его рубашке. Эйден прижимает меня к себе, и мы начинаем откидываться на спинку дивана. Его руки начинают блуждать сначала по моей спине, потом по низу рубашки. Он тянет ее вверх, проводя пальцами по позвоночнику. Затем медленно проводит руками по груди, обхватывая ее, отчего издаю тихий стон.

На диване мы не остались.

Эйден, единственный, кто обдумывает такие вещи, тащит меня за собой по коридору, толкая дверь своей спальни, чтобы мы могли проковылять к кровати, срывая одежду по пути. Мы должны провести ночь, составляя наши расписания, планируя будущее, но никаких разговоров. На самом деле наши уста используются только в других целях.

Мне кажется, я просыпаюсь, когда Эйден целует меня в щеку в предзвездные часы, но

тогда это кажется всего лишь смутным сном.

Когда я окончательно просыпаюсь и оглядываюсь, Эйден не лежит на своей половине. Он уже летит обратно в Нью-Йорк.

Мэдди

— Где твоя голова сегодня? Черт возьми. Земля вызывает Мэдди.

Я вырываюсь из задумчивости, немного смущенная тем, что Элиза застала меня в неподходящий момент. Хотя, честно говоря, в наши дни не так уж трудно найти меня в таком состоянии. Неприятных моментов предостаточно в течение первой недели возвращения на работу после праздничных каникул.

Элиза стоит перед столом за пределами офиса, размахивая передо мной чашкой чая-латте, как будто пытаюсь вернуть меня к реальности.

— Все еще мечтаешь о каникулах? — Она съезживается от этой мысли. — Не я. По моему, я набрала полтора килограмма. Вот почему я никогда не смогу вернуться домой. Мама настаивает на том, чтобы кормить меня насильно, и я не могу отказаться от ее хлебного пудинга. Теперь мы с тобой занимаемся вело-пробежками каждый день на этой неделе. Зафиксируй это как-нибудь.

— Слушаюсь, — говорю я, перебирая беспорядок на столе, чтобы найти ручку и блокнот, дабы записать ее просьбу в список дел. Требуется больше времени, чем обычно, ведь все лежит под мусором после завтрака.

Обычно я не такая. Я горжусь тем, что являюсь организованным человеком, но возвращаться в офис после Нового года было нелегко.

Сейчас голова забита только одним Эйденом.

Он в Новой Зеландии. Ну, как я знаю. Не могу вспомнить, возвращается ли Эйден сегодня в Нью-Йорк или же летит оттуда сразу в Дубаи. График постоянно загружен. Постоянно появляются новые дела, из-за чего запланированные пять недель работы превратились в восемь.

Что значит, если все пойдет по плану, я не увижу его в течение двух месяцев, которые ощущаются вечностью. И что хуже, вместо восьми недель будет ещё больше.

Прошлой ночью нам наконец удалось поговорить. Это был первый раз с его отъезда. С разницей в семнадцать часов сложно найти подходящее время. Он позвонит, а я буду на встрече с Элизой, или я позвоню, а он будет спать. Вчера Эйден написал мне, что уйдет с работы немного раньше обычного, поэтому я не спала, чтобы поговорить с ним. Ближе к полуночи зазвонил телефон, я сморгнула сон и села, чтобы ответить.

— Эйден?

— Да, Мэдди.

Я жмурю глаза от облегчения.

— Ты меня слышишь? — спрашивает он, вероятно, беспокоясь, что связь прервалась.

Я улыбаюсь:

— Да, слышу, а ты меня?

— Да. Боже, я так рад, что мы созвонились. Ты спала? — смеется Эйден.

— Не совсем. Просто клевала носом. Элиза заставила приходить в офис пораньше, чтобы заняться работой, которую отложили на каникулы. Это начинает сказываться.

— Мне неловко отрывать тебя ото сна.

— Нет, нет. Я хочу поговорить с тобой. Все в порядке. Я могу выпить лишнюю чашку кофе утром. Расскажи мне, что ты делаешь. Как там Новая Зеландия?

Мы проговорили больше часа, повесив трубку только потому, что мою непрекращающуюся зевоту становилось все труднее и труднее игнорировать.

~

Сегодня у нас с Элизой встречи одна за другой и поздний рабочий ужин с одним из клиентов. Когда я выхожу из ресторана и проверяю телефон, то вижу несколько текстовых сообщений от Эйдена. Он хочет знать, могу ли поболтать после работы, поэтому звоню ему, чтобы узнать, свободен ли он, но звонок сразу попадает на голосовую почту. Там сейчас рабочее время, и Эйден, вероятно, занят.

На следующий день мы с Дэном встречаемся пораньше, чтобы обсудить предложение, которое Элиза хочет получить к столу к концу дня. Мы находимся в «Бруклинском бублике» рядом с офисом, где всегда полно народу, но нам удается найти местечко в баре, расположенное у парадных окон. Мы сдвигаем друг к другу сидения, как только начинает звонить телефон. Сердце подсакивает к горлу, когда я вижу, кто это.

— Ты не возражаешь, если я отвлекусь ненадолго? — спрашиваю я Дэна, поднимая телефон, чтобы он мог увидеть имя Эйдена.

Он жестом просит меня ответить.

— Вовсе нет.

Как только звонок соединяется, Эйдена трудно услышать на другом конце из-за фонового шума.

Я прижимаю ладонь к уху.

— Эй, извини. Я в ресторане, так что здесь довольно громко.

Он смеется.

— Да, у меня тоже. Поздний обеденный перерыв. Подумал, ты могла бы поболтать со мной, пока я ем.

Сердце уходит в пятки.

— К сожалению, я на встрече.

Дэн пододвигается поближе.

— Привет, Эйден.

Я смеюсь, а Эйден нет.

— Кто это?

— Дэн. Ты не помнишь? Из агентства.

— Точно.

— Мы с ним иногда вместе работаем над кампаниями и вместе готовим презентацию для Элизы.

Шум в булочной усиливается в десять раз, когда входит мама пятерых детей.

— Ты не говорила об этом.

Я заставляю себя рассмеяться, пытаюсь поднять настроение.

— Да, ну, после всего этого нам еще многое предстоит обсудить, и не похоже, что мы смогли нормально поговорить.

Он устало вздыхает на другом конце провода.

— Да. Послушай, я тебя не буду держать. Поговорим позже, хорошо?

— Да, хорошо.

Я вешаю трубку и смотрю на телефон, в то время как в животе завязывается узел беспокойства. Я знала, что так и будет. Мы живем в разных мирах, и отсутствие общения делает каждую мелочь намного сложнее. Эйден с самого начала никогда не уважал Дэна, но

теперь можно только представить, что чувствует Эйден.

Я хочу послать ему короткое сообщение, но что тут можно сказать? Жаль, что тебя нет рядом? Он уже знает это.

~

Так проходят две недели с постоянной борьбой за то, чтобы синхронизировать наши графики. В итоге я ловлю его на пять минут, пока ужинаю, или на несколько секунд, когда мчусь на йогу с Элизой. Мы оба чрезвычайно заняты, и новизна нашей ситуации ослабевает с каждым днем. Это начинает раздражать, и это раздражение достигает пика, когда я звоню Эйдену и застаю его с группой репортеров. Ничего страшного. Просто я слышала, как девушка на заднем плане пытается привлечь его внимание. То, как она произнесла его имя, то, как я представила их сидящими вместе в баре... хотелось опровержений. Я не хотела чувствовать тугой укол ревности, волну беспокойства о том, сможем ли мы с ним на самом деле поддерживать связь на расстоянии. Дело не в том, что я не доверяю Эйдену. Я верю ему от всего сердца. Дело в том, что я ревновала оттого, что девушка просто была рядом с ним. Я скучаю по возможности сидеть напротив Эйдена в баре и разговаривать, не будучи отрезанным противоположными часовыми поясами.

Однако чувство ревности исчезло, когда Эйден поднял телефонную трубку и сказал всем передать привет его девушке.

Его девушке.

Я улыбнулась от уха до уха, стараясь, чтобы голос не звучал восторженно, когда приветствовала его друзей по телефону.

Это было несколько дней назад, и теперь эти чувства тоже испарились. Сегодня еще один тяжелый день. Я знаю, что Эйден направляется из Новой Зеландии в Дубай и не будет на связи до завтра.

Я ненавижу, что настроение начинает так сильно зависеть от него. Перспектива телефонного разговора с ним поднимает настроение на весь день. С другой стороны, осознание того, что мы не будем говорить сегодня, заставляет задуматься о весомости нужды. Я хочу прогулять работу, пойти домой и упасть лицом в кровать.

Справляюсь я плохо.

Интересно, как люди годами не видят близких? Интересно, не скроены ли они из другой ткани? Мне не нравится чувствовать себя слабой. На самом деле, я чувствую, что эта ситуация пробуждает во мне худшие качества. Я не хотела так сильно встречаться с друзьями, и знаю, что Элиза разочарована мной. В последнее время я была очень рассеяна. Не могу продолжать в том же духе.

Я решаю, что наличие конкретной даты, когда мы с Эйденем снова увидимся, поможет. Таким образом, мне есть чего ждать с нетерпением.

Я клянусь спросить его об этом во время следующего разговора.

Но затем... нам не выпадает такого шанса. Он пишет мне, пока я на встрече, объясняя, что будет работать допоздна, а у меня даже нет желания отвечать. Я так расстроена, что готова швырнуть телефон через весь конференц-зал.

Когда собрание заканчивается, я встаю, готовая бежать обратно к столу и зализывать раны.

— Мэдди, подожди. — Дэн бросается, чтобы поймать меня, и одаривает нежной улыбкой. — Все нормально?

— Да. — Я пытаюсь улыбнуться, но от него не ускользает тот факт, что это неискренне.

— Да ладно, в последнее время ты как зомби. Хочешь сходить куда-нибудь попозже и выпить? Я встречаюсь с друзьями у «О'Генри» после работы.

Часть меня хочет принять его предложение, но не делаю этого. Мне кажется неправильным проводить время с Дэном вне работы, не с Эйденом, который так далеко.

— Может быть, в следующий раз, — говорю я, и Дэн не утруждает себя попытками убедить меня. Он наклоняет голову и поворачивает налево, когда я подхожу к лифтам.

В тот вечер после работы, я распаковываю продукты, когда раздается стук в дверь. Это полное безумие, но первое, о чем я думаю, — это Эйден. Он здесь. Он вернулся и удивил меня!

Я бросаюсь к двери, поворачиваю замок и открываю ее, чтобы увидеть соседку по комнате, Люси, стоящую там с выражением облегчения на лице.

Она благодарно улыбается, проходя мимо меня.

— Прости! Я снова забыла ключ. Слава богу, ты дома. Я опаздываю на выпивку с Оуэном, и он собирается меня убить.

Я напеваю что-то вроде ответа, просто чтобы дать ей знать, что я жива, но в то же время борюсь с желанием не заплакать. Так нелепо расстраиваться из-за того, что в дверях стоял не Эйден. Я знала, что этого не будет. Он ни разу не намекнул, что собирается навестить меня. Он в Дубае. Знаю это, и все же... Я только что обнадежилась.

Я рада, что Люси собирается выпить. Когда мы с ней обе дома, обычно торчим на диване и тусуемся, но мне нравится, как тихо в квартире, когда ее нет. Можно было бы представить, что это старые времена, когда Люси не жила в старой комнате Эйдена, и он мог вернуться домой с работы в любую минуту.

Я ложусь пораньше и наполняю ванну таким количеством пузырьков, каким только могу. После того, как зажигаю свечу, снимаю одежду и вхожу в теплую воду. Приятно сесть и позволить пузырькам поглотить тебя. Я откидываюсь назад и скольжу глубже под воду, закрываю глаза и пытаюсь побороть грусть.

Телефон звонит, отчего резко реагирую. Я оставила его на коврике рядом с ванной, поэтому, когда перегибаюсь через край, вижу, что Эйден пытается связаться со мной по FaceTime.

Я пытаюсь ответить немедленно, хотя для успешного проведения пальцем по экрану требуется несколько попыток из-за мокрых пальцев.

Подключается видеовызов, и я вижу, как Эйден выходит на улицу, держа телефон перед лицом.

— Привет, — говорю я немного застенчиво.

Мы не часто общались по FaceTime, поэтому мне кажется почти странным видеть его таким. На нем черный костюм без галстука. На солнце его волосы кажутся светлее.

— Мэдди, — говорит Эйден с облегченной улыбкой, прежде чем его брови сходятся в замешательстве. — Где ты?

— Дома.

Я повернула телефон так, чтобы он мог видеть только мое лицо и плитку позади меня.

Он прищуривается, поднося телефон ближе, чтобы мог осмотреть мое окружение. Затем его глаза расширяются.

— Ты в ванной?

Я смеюсь, несмотря на кислое настроение.

— Да.

— Я везде узнаю эту плитку.

Она такая же, как и в его старой ванной.

— Ты прям в ванной? — переспрашивает он. Когда я киваю в подтверждение, Эйден стонет и проводит рукой по лицу. — Господи, подожди. Я всего в минуте езды от отеля. Мне нужно убить час перед собеседованием.

— Мне сегодня надо лечь пораньше.

Эйден смеется так, словно это нелепо:

— Нет, это не так, Мэдди. Ты остаешься со мной.

— У меня был долгий день.

Его зеленые глаза привлекают мое внимание через экран телефона.

— У меня тоже. Такое чувство, что я прожил миллион долгих дней с тех пор, как покинул Вейл. — Затем его внимание переключается, когда он толкает дверь. — Подожди, связь может пропасть, когда войду в лифт.

Я вижу фон отеля, когда Эйден мчится через вестибюль. Там есть гостиный уголок и стойка регистрации. Он кричит человеку, чтобы тот придержал для него дверь, а затем запрыгивает в лифт.

— Мне на второй этаж, — говорит он человеку, а затем, секунду спустя, двери закрываются, и звонок завершается.

Это было очевидно, но все равно раздражительно.

Я кладу телефон обратно на пол и подумываю о том, чтобы оставить его там на всю ночь. Однако Эйден звонит мгновение спустя, и, видимо, уже из своей комнаты. Я должна ответить, но чувствую себя мелочной, злой, настолько неуправляемой в такой чертовой ситуации, что хочу где-нибудь отыгаться. Не отвечая на его телефонный звонок, я чувствую, что каким-то образом выигрываю, поэтому позволяю ему звонить и звонить. В конце концов это прекращается, и сила, которую почувствовала в тот момент, быстро улетучивается.

Я впадаю в панику, беспокоясь, что смачно облажалась. Затем телефон начинает звонить заново, после чего уже отвечаю.

— Черт, — вздыхает Эйден. — Я думал, ты не ответишь.

— Почти не ответила.

— Что так?

Я не отвечаю очень долгое время.

Эйден должен знать почему. Он обязан чувствовать то, что чувствую я.

Я пытаюсь проглотить ком в горле.

— Мэдди, — произносит Эйден почти шепотом. — Скучаю по тебе. — Я зажимаю глаза и откидываю голову назад, чтобы не потекли слезы. — Поговори со мной.

Не могу. Я беспокоюсь, что недостаточно хорошо контролирую эмоции. Не хочу плакать по телефону. Я была так осторожна, чтобы поддерживать хорошее настроение ради него, когда мы разговариваем, но это случилось, и теперь я молчу.

— Давай перейдем на видеозвонок.

— Нет.

— Почему?

— Я просто...

Уже поздно. Эйден уже нажал на кнопку.

— Прими, Мэдди. Позволь увидеть тебя.

— Нет.

— Мэдди.

В его голосе появляются опасные нотки. Он дает понять: «Не издевайся надо мной». На мгновение я подумываю о том, чтобы продержаться, но потом хочется просто сдаться. Включается видео, и я ставлю телефон на край ванны так, чтобы он был направлен к потолку.

— Это не твое лицо, — указывает Эйден.

— Не хочу уронить телефон в воду, — лгу я. — Так безопаснее.

— Я куплю тебе новый телефон.

Тихий смех все-таки вырывается из меня, после чего беру телефон и наклоняю его так, чтобы он мог видеть мое лицо и плечи.

Эйден снял пиджак. Белая рубашка расстегнута у шеи. Волосы слегка взъерошены, как будто он провел по ним руками, поднимаясь в лифте. Мы смотрим друг на друга через экран. Его глаза рассматривают каждый видимый сантиметр меня, останавливаясь на волосах, шее и плечах. Как будто он пытается насытиться, отчего жду, что он сделает какое-нибудь грубое замечание по поводу наклона камеры, но он этого не делает. Эйден просто смотрит на меня так, словно не совсем верит, что я здесь.

Я вижу себя в крошечном прямоугольнике внизу экрана. Теплая вода окрасила грудь и плечи в розовый цвет. Щеки пылают, а рот похож на печальную опущенную линию. Как будто я разваливаюсь на части прямо у себя на глазах.

Эйден не спрашивает, почему мне грустно, — он знает.

— Я не хочу тебя обидеть, — говорит Эйден.

Я отворачиваю взгляд и фыркаю, пытаюсь, как только можно, подавить эмоции.

— Знаю, это нелегко.

— Я просто не понимаю, как должно быть.

— Не говори так.

Я смотрю на полотенце, аккуратно сложенное рядом с ванной. Я сосредотачиваюсь на шитье, теряя его из виду, когда глаза застилают слезы.

— Я вернусь в Штаты через несколько недель, — обещает Эйден.

— А затем? — бросаю я.

— Затем посмотрим.

— Этого недостаточно, Эйден. Скажи мне сейчас же, что потом? А?

— Потом мне надо будет снова уехать.

— Точно.

— Это моя работа.

— ТОЧНО! — Я опускаю руку в ванну, выплескивая воду на экран телефона.

Когда я, наконец, оглядываюсь на Эйдена, его лицо — маска разочарования. Нахмуренные брови. Сжатая челюсть. Острые скулы.

— А как насчет твоего переезда в Нью-Йорк? Ты хотя бы думала об этом?

— Зачем мне переезжать в Нью-Йорк? Ты даже не живешь там!

Он делает глубокий вдох, как будто совершенно зол на меня. Затем отвечает:

— Верно. Хорошо. Сейчас явно не самое подходящее время говорить об этом...

Я киплю от гнева, и то, что он хочет прекратить это, не помогает. Эйден думает, что я не в своем уме, думает, что мне нужно успокоиться.

— Ты прав. Давай поговорим об этом в другой раз. — Мой тон полон сарказма. — Как насчет завтра в два часа ночи по вашему времени? Или как насчет того, чтобы запланировать

пять минут для разговора в неделю, начиная со вторника?

— Ты думаешь, мне легко? — вспыхивает он.

— Похоже на то!

— Я в гребаном гостиничном номере в тысяче часов езды от тебя! Я работаю по двенадцать часов в день! Я, черт возьми, пытаюсь, Мэдди!

— Вот именно! Мы оба пытались, и кажется, не получится. Этому не видно конца. Какой у нас план, Эйден? Мы что, всегда будем далеко друг от друга?

— Я не знаю.

Я понимаю, что ставлю его в тупик. Я бы никогда не хотела заставлять Эйдена выбирать между мной и работой. Знаю, как много значит для него работа в «Таймс», но что я должна делать? Я годами ждала возможности быть с Эйденем, и до сих пор даже не чувствую, что мы по-настоящему вместе. Мы провели неделю в Вейле, и что теперь? Телефонные звонки? Текстовые сообщения?

— Такое чувство, что мы можем поговорить об этом сейчас или через год, но...

Эйден перебивает меня:

— Нет.

— Все становится только сложнее.

— Ты сдаешься.

— Я просто реалистка!

— Кого должно это волновать? Я люблю тебя, Мэдди. Это важно. Это единственная важная вещь.

— Этого не дост...

— Ты любишь меня, Мэдди?

— Это важно?

— Ты любишь меня?

— Конечно, Эйден?

— Тогда дай мне время все исправить.

Мэдди

— Тост за королеву дня рождения! — говорит Блайт, приказывая нам всем поднять бокалы за столом.

— Миа, пусть каждый день твоего двадцать восьмого года будет таким же пьяным, как этот! — кричит Блайт, перекрывая шум толпы.

Мы смеемся и чокаемся бокалами, поздравляя Мию с днем рождения.

Бар, в котором мы сидим, «Изи Тайгер», просто переполнен. Даже в феврале открытый внутренний дворик заполнен гостями, которые неловко топчутся на краю, разглядывая столы для пикника и ожидая, когда один из них освободится. Мерцающие огоньки низко опускаются над нашими головами, когда мы обходим наш столик, делясь забавными воспоминаниями о Мии.

Мне приятно гулять с друзьями. У нас не было такой ночи с тех пор, как я уехала в Вейл. До меня было трудно достучаться и еще труднее прижать, но я знала, что пожалею, если пропущу день рождения Мии. Так что, хотя на самом деле мне было не до вечеринок, я заставила себя собраться и пойти.

Сделав прическу и макияж, я улучшила настроение. Белое платье-свитер и ботинки были рождественскими подарками от Джоли, которые сидят как влитые. Сегодня вечером я чувствую себя хорошо, почти как раньше. Большая часть этого связана с фактом, что я выключила телефон. Он все еще в сумочке на крайний случай, но сегодня вечером я не хотела ни с кем разговаривать и ни о чем беспокоиться.

— Не смотрите, но там действительно горячая компания парней, которые только что вышли на улицу, — говорит Люси, разглядывая их поверх своего бокала. — Я думаю, они направляются к столу позади нашего.

— Тебе ли не по фиг? — смеется Миа.

Миа и Блайт определенно не заботятся о группе парней, у Люси постоянный парень, а у меня есть... неважно, что у меня есть.

Люси смеется и легонько шлепает ее по лбу:

— Ах да. Я все время забываю, что Мэдди снята с продаж.

Я смотрю в свой напиток.

— Честно говоря, это, наверное, потому, что я с ним не встречалась. Он настоящий хоть? — дразнит она.

Миа смеется:

— Да, он настоящий. Хотя так странно думать, что вы, ребята, наконец-то встречаетесь.

Кстати, как идут дела?

— О, нормально.

— Звучит не так восторженно, — смеется Блайт.

Я пытаюсь стряхнуть с себя дурное настроение.

— Прости. Просто была долгая неделя.

— Где он опять?

— Сейчас? В Дубаи.

— Черт возьми, это круто, — говорит Миа с благодарным кивком.

Яжимаю плечами, когда группа парней обходит наш столик. Я поднимаю взгляд и

встречаюсь взглядом с одним из них. Он улыбается и слегка кивает мне, и я делаю то же самое, чувствуя, что было бы невежливо не сделать этого.

Люси громко прочищает горло, и когда я оглядываюсь, на ее лице появляется дерьмовая ухмылка.

В ту секунду, когда парни проходят мимо нас, она наклоняется и сжимает мою руку:

— Боже. Ты хорошо его разглядела?

— Честно, не совсем.

— Черт. Ну, он был чертовски сексуален и определенно улыбался тебе.

— Кого это волнует? — вмешивается Миа.

Люси вскидывает руки в знак поражения.

— Фу, вы, ребята, такие скучные! Я скучаю по тому, что у меня есть единственный друг, через которого можно прожить опосредованно. Теперь нам просто остается сидеть здесь и ковырять в носу от скуки.

— Ну и дела, спасибо, я так рада, что ты пришла отпраздновать мой день рождения, — Миа смеется, качая головой.

Люси перегибается через стол и хватает Мию за руку.

— Ты знаешь, что я имею в виду! Мы все теперь старые девы, по крайней мере, так кажется. Когда это произошло? Мы с Оуэном такие скучные. Мы уже секс планируем!

— Мне вроде как нравится планировать секс, — говорит Блайт, пожимая плечами. — Создает предвкушение.

Миа ухмыляется.

— Это напомнило мне: «Как тебе пятница в четыре часа дня?».

Блайт подмигивает:

— Сейчас проверю планы в календаре.

Люси поворачивается ко мне с отчаянной мольбой.

— Тьфу! Мэдди, спаси нас. Расскажи нам, каково это — быть в новых отношениях. Я скучаю по всей этой драме! Все эти бушующие гормоны!

Три пары глаз поворачиваются ко мне, и я понятия не имею, что сказать. Я держала свои проблемы с Эйденем близко к сердцу.

— Ну... эм... мы еще работаем над ними.

Люси издает звук отвращения.

— Работаем над ними?! Поначалу единственная работа с Оуэном была в спальне. Серьезно.

— Да, ну... — Я расправляю плечи, защищая себя. — Это другое. Мы на большом расстоянии, так что, думаю, это не развлечения с играми.

— Я понимаю, Мэдди, — говорит Блайт, одаривая меня ободряющей улыбкой.

— Хорошо, — говорит Миа, вставая. — Как насчет того, чтобы бросить это заведение и пойти куда-нибудь в более приподнятое?

Люси вскидывает руки в воздух.

— Да! Танцы. Сейчас же!

~

Мы в самом заполненном танцевальном клубе, в котором я была за последние годы. Светятся стробоскопы, гремит музыка, и так много людей вокруг меня в центре танцпола, что не уверена, что смогла бы уйти. Однако это освобождает — быть здесь с Люси, распускать волосы, пробовать нелепые танцевальные движения. Она — хороший партнер.

Люси отгоняет всех парней, которые подходят слишком близко, а затем продолжает с того места, на котором остановилась, берет меня за руку и кружит так быстро, что мы обе так сильно смеемся и наклоняемся, пытаясь восстановить равновесие.

Миа и Блайт тоже были здесь с нами, но они ушли, чтобы взять еще выпивки в баре. Ночь только начинается, и я не спешу покидать танцпол. Включается новая песня, и толпа вокруг нас мгновенно узнает ее и приходит в неистовство.

— Я такая старая, — поддразнивает Люси. — Кто это?

— А мне откуда знать?

Это не имеет значения. Толпа не оставляет места ни для кого из отставших. Мы танцуем со всеми, чувствуя музыку, даже если понятия не имеем, какую песню слушаем.

Я улыбаюсь впервые по-настоящему за несколько недель, но затем я поднимаю глаза и вижу Эйдена, стоящего недалеко от танцпола.

ЭЙДЕН.

Сердце подпрыгивает как раз перед тем, как приходит рассудок и напоминает мне, что это невозможно.

Нет.

Его здесь нет. Он в Дубаи.

Тем не менее, я не могу удержаться, чтобы не посмотреть заново, вытягивая шею поверх толпы. Я готовлю себя к неизбежному разочарованию; дыхание застывает в груди, сердце выбивает быстрый ритм, и затем я снова вижу его.

Эйдена.

Он стоит на краю танцпола. Черная рубашка подходит к его волосам. Рот не улыбочив, когда его глаза встречаются с моими. Стробоскопические огни отбрасывают на него контрастные цвета: красный, затем желтый, затем зеленый, затем синий. Он начинает двигаться ко мне, и я думаю, что выпила слишком много. Либо так, либо я сплю, а это просто яркий сон.

Все кажется таким реальным. Такое чувство, что я все еще в клубе, наблюдаю, как Эйден медленно пробирается сквозь толпу, чтобы добраться до меня. Тела давят на меня, пока я неподвижна. Локоть ударяет меня по ребрам, но не больно. Теперь, когда Эйден здесь, больше ничего не болит.

Он подходит ближе, и я вижу его глаза, бледно-зеленые в темном клубе.

Это правда он.

Эйден здесь, в нескольких метрах от меня, а потом в нескольких шагах. Он исчезает на мгновение, огибая парочку, а затем встает прямо передо мной, высокий, солидный, настоящий.

Я перевожу взгляд на его грудь и выше, пока наши взгляды не встречаются.

Я открываю рот от шока.

Он улыбается, и на щеках появляются ямочки.

Я недоверчиво качаю головой. Нет. Нет. Эйден не может быть здесь. Как он здесь оказался?

Я чувствую слезу на щеке, но она быстро исчезает, когда Эйден смахивает её большим пальцем.

Я стараюсь ничего не говорить. Боюсь моргнуть. Если это какое-то жестокое заклинание, то не хочу просыпаться. Хочу жить в нем вечно.

Эйден подходит ближе ко мне, пока музыка пульсирует вокруг нас.

Я оглядываюсь в поисках Люси, но она ушла.

Только мы с Эйденом в центре танцпола. Он тянется, чтобы взять меня за руку, и сплетает наши пальцы вместе. Кто-то врезается в меня сзади, и я падаю вперед. Эйден ловко ловит меня, но не ставит на ноги, а притягивает меня к себе.

Моя рука тянется вверх, чтобы прижаться к его груди, и Эйден держит мою другую руку в своей, когда начинает двигать нами в такт музыке. Ритм быстрый, но мы улавливаем более медленный ритм, не обращая внимания на толпу вокруг нас.

Эйден наклоняет голову и запечатлевает поцелуй в уголке моего рта, затем ниже. Его губы касаются моей шеи, а затем он остается там, прижавшись ко мне. Я двигаю обеими руками вверх и вокруг его шеи, приподнимаясь на цыпочки, чтобы мы были полностью на одном уровне, продолжая танцевать.

Эйден хватается за талию, а пальцы собирают свободный материал платья-свитера, приподнимая его на несколько сантиметров так, что обнажается задняя часть бедер. Это не имеет значения. Никто нас не видит, а если и видит, то им все равно.

Мы просто еще одна пара, танцующая в клубе. Мы невидимы.

Я шепчу его имя, и Эйден поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня.

Его губы так близко, что я ничего не могу с собой поделать. Я прижимаюсь и нежно целую его.

Такое чувство, что я так давно его не видела, и поцелуй такой сладкий, такой запоздалый, что, когда мы отрываемся друг от друга, оба сразу же погружаемся в новый поцелуй. Его руки сжимаются на моей талии. Я карабкаюсь на него выше. Хотелось бы быть выше. Хотелось бы прижаться к нему полностью, почувствовать его с головы до ног.

Его руки начинают блуждать по моему телу, двигаясь вверх вдоль бока, а затем снова вниз, обхватывая мою задницу и прижимая меня к его бедрам. Он прижимает меня к себе, и меня убивает, что мы в клубе, где так много людей вокруг.

Я убираю руку с его шеи, двигаясь ниже к подолу его рубашки. Я играю с линией талии его джинсов, погружая пальцы на несколько сантиметров ниже в джинсовую ткань.

Эйден резко втягивает воздух, как будто ему больно. Боже, это пытка — быть с ним на публике после стольких ночей без него в постели.

Мы наверстываем упущенное время. Наши рты едва приоткрываются, даже когда нам обоим нужен воздух. Эйден убирает волосы с моего лица, поднимая их так, чтобы мог четче видеть меня. Его взгляд мечется туда-сюда, как будто не может оставаться сосредоточенным где-либо слишком долго.

Наконец Эйден отпускает меня и отступает назад, но продолжает удерживать меня. Он поворачивается и оглядывает толпу, что-то выискивая.

— Черт, пошли, — говорит Эйден, оттаскивая меня с танцпола.

— Куда?

Клуб огромен. Есть коридор, который ведет на второй этаж. Однако, прежде чем мы достигаем лестницы, Эйден толкает дверь уборной, заталкивает меня внутрь, а затем заходит за мной. Он защелкивает замок, металл которого встает на место, как зловещее предупреждение.

— Эйден, это ужасная идея! Нас застукают!

Но он меня не слушает. Эйден уже шагает вперед, подталкивая меня к раковине. Его губы растягиваются в зловещей улыбке как раз перед тем, как руки тянутся ко мне. Он поднимает меня и сажает на стойку, прямо на край. Положив одну руку на каждое колено,

он раздвигает бедра, отчего платье скользит выше.

Мое внимание переключается с него на запертую дверь, а затем обратно. Я — не нарушитель правил и никогда не делала ничего подобного. Я не хочу попасть в неловкую ситуацию и говорю это Эйдену, отчего его улыбка становится только шире. Ему нравится эта игра. Нравится, что мое сердце бешено колотится в груди, когда его рука скользит вверх по бедру, описывая медленные круги.

— Может, нас поймают, — дразнит он, когда пальцами скользит по трусикам. — А, может, и нет.

Живот сжимается в предвкушении.

Из меня уже рвется нетерпение. Он трогает меня через нижнее белье, используя мягкий материал, чтобы поиграться. Я пытаюсь сжать бедра, но его рука уже там, прижата к центру, в то время как два пальца совершают круги.

— Никто понятия не имеет, что я здесь с тобой делаю, — говорит Эйден, наклоняя голову так, что его губы скользят по моей щеке. — Они понятия не имеют, что я прикасаюсь к тебе вот так.

Моя рука опускается на его запястье. Я пытаюсь что-то сделать, оттащить его или заставить продолжать. Но не решила, что именно.

— Раздвинь ножки.

Мой взгляд опускается туда, где он прикасается ко мне. У меня такая слабая хватка на его запястье. Выглядит жалко.

Пальцы Эйдена проникают в трусики так, что я чувствую прикосновение до кончиков пальцев ног. Я ахаю, а Эйден продолжает, двигаясь мягкими, медленными кругами.

Я вздрагиваю, и он перемещается к моей шее. Я наклоняю голову в сторону, а затем Эйден снова раздвигает мои ноги, на этот раз шире, достаточно, чтобы продолжать прикасаться ко мне без какого-либо сопротивления.

Я чувствую легкое головокружение на краю столешницы, как будто мне нужна какая-то опора. Я хватаю его за плечи, когда он вдавливая пальцы внутрь, немного сильнее, пробуя на вкус. Что произойдет, если он отодвинет ткань в сторону.

Эйден скользит по той части меня, которая молит о прикосновении, и я покачиваю бедрами, гоняясь за чувством, которое продолжает нарастать внутри. Я так близка к этому, просто от того, что он дразнит меня.

Внезапно я быстро ощущаю его вкус, прилив удовольствия, но затем Эйден убирает руку, и я издаю разочарованный стон у его груди. Он смеется, и мой взгляд вспыхивает гневом, когда снова встречаюсь с ним глазами. Эйден смотрит на меня сверху вниз с таким напряжением, с такой потребностью, и наши взгляды остаются прикованными друг к другу, когда он сдвигает трусики в сторону, обнажая меня прохладному воздуху.

Я вздрагиваю, когда его пальцы, наконец, касаются меня без преграды между нами. Наконец, мы чувствуем друг друга. Его палец скользит по мне, раздвигая, дразня, когда опускается ниже. Я крепко жмурю глаза, когда пытаюсь справиться с нарастающим во мне напряжением, с абсолютным блаженством того, как он наполняет меня. Я прижимаюсь к Эйдену бедрами, оседлав руку. Он подбадривает меня, целуя в шею, двигая пальцем в такт моему ритму.

Раздается стук в дверь, но мы не отвечаем. Вместо этого его большой палец трет меня, отчего тело немедленно реагирует. Кто-то говорит за дверью уборной, но Эйден не останавливается. Его большой палец потирает самый центр меня — ту часть, которая

пульсирует от желания. Я раскалываюсь и ломаюсь, крича в течение половины мгновения, прежде чем рот Эйдена накрывает мой, заставляя замолчать. Он не отпускает, его прикосновения затягивают меня сквозь наслаждение, пока не утихает последняя дрожь, и все, что я чувствую, это свои зажмуренные глаза и неровное дыхание. Мои руки сжимают плечи Эйдена, и когда открываю глаза, я обнаруживаю, что он смотрит на меня сверху вниз почти с благоговением.

Мы не можем продолжать в уборной. Мы и так слишком много играли с последствиями. Прямо снаружи раздаются голоса, и скоро в дело вмешается руководство. Эйден помогает мне слезть со стойки, и платье возвращается на место.

Мы приводим себя в порядок как можно лучше, прежде чем выйти обратно в коридор.

Прежде чем я успеваю сказать хоть слово, Эйден говорит, что мы уходим.

— Но я тут с...

— Мы уходим, — снова говорит Эйден, не оставляя времени для переговоров.

Смех вырывается из меня, когда он берет меня за руку и начинает тащить по танцполу.

— Миа и Блайт где-то здесь, — говорю я ему.

Эйден оглядывается на меня и кивает.

— Да. Как, по-твоему, я узнал, где ты была?

Точно.

Я не рассмотрела эту часть, а была слишком потрясена его прибытием, слишком взволнована тем, что он здесь во плоти.

Я замечаю, как они разговаривают с Люси возле бара. Я ожидаю, что Эйден поведет меня туда, но он просто машет, когда мы проходим мимо, и продолжает тащить меня из клуба за собой.

— Моя сумочка! — объясняю я, пытаюсь сообщить ему, что мне нужно вернуться и забрать ее у Блайта.

— Люси принесет домой.

Боже мой. Кто-то нетерпелив.

Выйдя из клуба, мы направляемся на север вверх по кварталу.

— Я припарковался на Седьмой Стрит, — объясняет Эйден.

— Как будто ты пытаешься установить мировой рекорд или что-то в этом роде. Ты можешь притормозить?

Эйден останавливается и поворачивается, прижимая меня спиной к кирпичной стене. Он берет мою руку и прижимает ее к переднему карману джинсов. Я чувствую его твердость там, отчего перехватывает дыхание.

— Мы доберемся до машины или я возьму тебя прямо здесь. Выбирай, Мэдди.

Ну... хорошо. У меня нет слов. Согласна.

Эйден качает головой и снова трогается в путь. На этот раз я не жалуясь на темп, когда он тащит меня за собой.

Эйден открывает двери машины, и я врываюсь внутрь, прежде чем он успевает меня запихнуть. Не думаю, что он действительно взял бы меня у кирпичной стенки, но Эйден в одном из тех настроений, когда я действительно не хочу проверять и выяснять.

Эйден обходит машину спереди, и я наблюдаю за ним, как загнанная в угол добыча, когда он открывает дверцу и садится на место. Машина с урчанием оживает, пока я сижу совершенно неподвижно, руки на коленях, дыхание застряло у меня в горле.

Конечно, мы не будем продолжать прямо здесь. Его окна даже не настолько

тонируются. Проходящие мимо люди прекрасно нас видят.

Эйден не сразу отъезжает. Я думаю, он обдумывает, что делать.

Я смотрю на него из-под ресниц и наблюдаю, как он резко вдыхает, прежде чем завести машину и выехать на дорогу. Его руки сжимают руль сильнее, чем обычно. Я знаю, что он страдает. Тот момент в уборной... и теперь ему приходится сдерживать желание гораздо дольше. Я наклоняюсь и касаюсь рукой его колена. Его бедро напрягается, и он оглядывается с предупреждением в глазах.

Квартира находится недалеко отсюда. Эйден может подождать, но... не должен этого делать.

— Притормози, если думаешь, что не сможешь вести, — говорю я, позволяя руке медленно скользить вверх по его обтянутой джинсами ноге.

Я наблюдаю, как дыхание Эйдена прерывается, когда моя рука движется выше, достигая его молнии. Я обнимаю член через толстую ткань, а его бедра двигаются навстречу моему прикосновению. Мне приходится наклониться и обеими руками расстегнуть джинсы и сдвинуть молнию вниз. На нем серые боксерские трусы. Я провожу рукой по ним спереди, отчего Эйден резко вдыхает. Его нога сильно нажимает на тормоз, когда мы подъезжаем к светофору, и я использую момент, скользя рукой по напряженным мышцам его живота, а затем ниже под нижнее белье по шелковистой твердой длине. Его тело дергается, а когда загорается зеленый, я стараюсь не двигаться, чтобы не отвлекать его.

Но Эйден накрывает мою руку своей, и он начинает двигать вверх-вниз... Я крепче сжимаю его и двигаюсь, отчего начинают толкаться его бедра.

Мы поворачиваем за очередной угол, и он отпускает меня, чтобы схватиться за руль. Я наблюдаю за его лицом, пока мастурбирую ему. Линия его челюсти и скул острая. Когда Эйден наклоняет голову, пытаюсь восстановить хоть какое-то подобие контроля, его шея напрягается. Дом прямо впереди, еще один поворот, и мы в гараже под зданием.

Эйден заезжает на место на гостевой парковке и жмет на тормоза.

Здесь слишком светло, и все еще слишкомлюдно. Группа женщин выходит из здания, смеясь, а я машу рукой, мои щеки становятся ярко-красными, когда они загружаются в машину прямо рядом с нашей. К тому времени, как я оглядываюсь на Эйдена, он снова застегивает молнию на штанах, но теперь перед нами новая задача: добраться до квартиры как можно быстрее. Эйден поднимает меня на грузовом лифте, вход в который находится прямо в гараже.

Эйден помнит все короткие пути: лестничную клетку, которую нужно избегать, тот факт, что наша входная дверь заклинивает, если вы не повернете ключ правильно. Мы внутри, и непривычно видеть, как он освещает пространство, которое раньше делили вместе. Мы с ним снова здесь, но обстоятельства резко изменились.

Эйден смеется, когда ловит себя на том, что ведет меня в свою старую комнату.

— Люси бы это понравилось, — поддразниваю я, подталкивая его в направлении моей спальни. — Она бы умерла от шока.

Его губы изгибаются в дразнящей улыбке, и через несколько мгновений мы стоим на пороге моей комнаты, позволяя себе прикасаться так, как мы хотели последний час.

Одежда разлетается. Эйден портит мое платье, когда срывает его, растягивая вырез. Затем целует меня, прежде чем я заканчиваю раздеваться, поворачивая меня так, что я прижимаюсь к двери спальни, после чего он прижимается сзади, накрывая мое тело своим.

Я поворачиваюсь к нему лицом, и он целует меня, стягивая трусики с бедер и толкая их,

пока они не падают на пол.

Затем Эйден обнимает мое тело, удерживая меня на месте, пока он прижимается своими одетыми в джинсы бедрами к моим. Я шиплю от боли. Джинсовая ткань грубовата на чувствительной коже, а Эйден не проявляет нежности. Нисколько.

У нас есть отличная кровать, которая находится в нескольких шагах от того места, где я стою, но Эйден не может туда добраться. Он спускает джинсы, прижимается ко мне и толкается в меня. Потрясенный вздох вырывается прежде, чем успеваю сдержаться. Я приподнимаюсь на цыпочки, пытаюсь встретить его толчки, но Эйден неумолим.

Наши пальцы переплетаются на двери, когда Эйден вытаскивает и толкается обратно. На долю секунды мы идеально синхронизированы; тела соединены настолько, насколько это возможно физически. Затем Эйден снова выходит, но только настолько, чтобы получить желаемый рычаг воздействия. Его темп ускоряется, пока мое тело прижимается к холодному дереву двери.

Я вскрикиваю, когда Эйден погружается в меня и проникает слишком глубоко, пока одновременно целует меня в щеку и шею. Это его молчаливое извинение, способ загладить свою вину передо мной за то, что был слишком груб.

Не хочу, чтобы он расслаблялся. Это кажется необходимым, это жесткое, быстрое, безудержное проявление страсти. Это то, что он заставляет меня чувствовать ежедневно: быть по уши влюбленной.

Я протягиваю руку назад и обхватываю его шею, выгибая спину. Его рука скользит по передней части моего тела и обхватывает грудь через лифчик, дразня меня, в то время как Эйден остается прижатым ко мне, двигая бедрами. Мои пальцы касаются основания его волос, а его рука касается меня внизу, погружая меня в дрожь.

Другой рукой Эйден придерживает мою шею, как бы держа баланс из-за толчков. Он немного напрягает руку. Это не так удушающе, как кажется. Это гарантия того, что я точно в его объятиях и никуда не денусь.

Эйден выдыхает мое имя, когда начинает двигаться быстрее и глубже. Его толчки становятся сильнее, когда он удерживает меня на месте. Его большой палец находит мое чувствительное местечко, а его бедра описывают тугие круги. Напряжение внутри меня взрывается быстрее, острее и интенсивнее.

Моя реакция лишает Эйдена последних остатков контроля, и я чувствую, как его мышцы сжимаются, когда по нему проходит пульсирующая дрожь. Он опускает голову на изгиб моей шеи и выдыхает мое имя, когда его покачивающиеся бедра начинают замедляться.

Я убираю руку с шеи Эйдена, и он медленно поворачивает меня, нежно целуя в губы.

Я смеюсь, когда хорошенько его разглядываю. Его волосы взъерошены моими руками. Губы красные и распухшие, а взгляд все еще из-под тяжелых век, как будто совершенно измотан.

Его джинсы все еще наполовину натянуты, а рубашка сбилась набок.

— Мы просто животные, — поддразниваю я, качая головой.

— Ты делаешь это со мной, — говорит Эйден, задирая и снимая рубашку. — А чего ты ожидала?

— Может быть, в следующий раз проявишь немного приличия, — бросаю я в ответ, подмигивая. — Правильное соблазнение. Типа свечи и, возможно, какой-нибудь R&V девяностых.

— Я постараюсь запомнить, — насмехается он.

Да, точно. Скорее всего, мы больше не пройдем через эту дверь. Может быть, мы окажемся на полу, но точно не на кровати. Ни один из нас недостаточно терпелив для этого.

Эйден

Сейчас рано. Солнце еще не взошло, но я не могу снова заснуть. Проблемы со сменой часовых поясов.

Мэдди лежит рядом со мной, прижавшись ко мне, отчего не спешу встать, хотя убил бы за чашку кофе.

Вчера мы приняли душ перед сном, и она легла спать с мокрыми волосами. Они высохли в безумных завитках, в огромном беспорядке разбросанных по ее подушке. Я протягиваю руку, чтобы убрать одну из прядей с ее лица, отчего Мэдди на мгновение шевелится, прежде чем глубже зарыться в одеяло.

Я смеюсь от этого, прежде чем встаю с кровати. Если я посижу здесь еще немного, то разбужу ее своим нетерпением.

Я собираюсь встать, но Мэдди успевает схватить меня за руку.

— Не уходи, — говорит она заспанным голосом.

Я оглядываюсь — ее глаза ещё закрыты, будто она не может стряхнуть с себя остатки сна.

— Я просто собирался включить кофеварку.

— Останься ещё на немного, — произносит Мэдди, потягивая меня за руку.

Делаю, как она говорит, ложусь обратно в кровать и прижимаю ее к себе. Она закидывает ногу на мою.

— Я не усну, обещаю, — говорит она, укладываясь у меня на груди.

Я фырчу в неверии.

— Я обещаю, — повторяет Мэдди. — Просто разговаривай со мной, чтобы я не заснула.

— О чем хочешь поговорить?

— Насколько ты останешься?

Я напрягаюсь. Надеялся, что мы не обсудим это, пока не выпьем чашечку кофе. Лучше три или четыре.

Когда не отвечаю, Мэдди открывает глаза и, много моргая, смотрит на меня.

— Насколько?

— После выходных.

Мэдди переворачивается на спину и смотрит в потолок.

— Значит... Завтра. Ты уезжаешь завтра.

— Приходится. Мой приезд был незапланированным. Я рано уехал из Дубая.

Наступает долгое молчание, пока дожидаясь ее раздражения. Я ни капельки ее не виню. Никто из нас не хочет таких отношений. Мы делаем все, что в наших силах.

Я уже хочу спросить о ее мыслях, как она тут же кивает и вскакивает:

— Ладно, раз так, тогда пошли.

— Что?

Ее поведение меня удивило. Думал, она будет расстроена.

— Да-да, пошли. Если времени только до завтра, то надо уместить нашу любовь в эти часы.

Я смеюсь и качаю головой, когда Мэдди выпрыгивает из кровати.

— Мы пойдем позавтракаем, а потом прогуляемся вокруг Городского озера. И я не была

в книжном целую вечность. Мы можем просмотреть новый раздел художественной литературы, а затем...

Я хватаю Мэдди за талию и кидаю обратно в кровать.

Мэдди кричит, когда я запрыгиваю на нее сверху.

— Мы сделаем все это, — говорю я ей, начиная стягивать ее майку с живота. — Просто... позже.

— Ты шутишь? Снова? — смеётся Мэдди.

— Ничего не могу с собой поделаться, — говорю я, опускаясь губами к ее пупку. И уже снимаю с ее ног шорты. — Постарайся на этот раз не разбудить мертвых, ладно? Держу пари, Люси все еще спит.

Мы остаемся в ее комнате все утро, путаем простыни, потеем и возбуждаемся, после чего снова принимаем душ. В тот момент, когда перестаем физически соприкасаться, мне кажется, что она уже снова начинает ускользать у меня из рук. Я не могу не думать о том, что произойдет завтра. Я снова покину ее, за полмира от нее... снова.

Я запутал эту ситуацию. Мне придется не только бороться с раздражением Мэдди на меня и моим раздражением из-за сложившейся ситуации, но и противостоять боссу, который, скорее всего, очень зол. Я специально выключил телефон и не проверяю электронную почту. Что бы ни ждало меня на работе, это может подождать до завтра.

В субботу днем мы стоим в очереди в книжный магазин, ожидая оформления заказа. У Мэдди под мышкой зажата стопка из шести книг. И все же она не удовлетворена. Мэдди осматривает полки возле прилавка, читая краткое содержание на обороте еще одной книги.

— О-о, я давно собиралась это прочитать! — говорит она, прежде чем попытаться добавить книгу в стопку. Я смеюсь и беру ее у нее, добавляя к своей стопке.

— Я заплачу за это сама, — говорит она, бросая на меня проницательный взгляд.

— У-гу.

На кассе я попросил продавца оплатить все книги по одному счету.

— Эйден! Тебе не обязательно покупать мои книги! Все должно быть на равных!

Я подмигиваю и говорю, что она может оплатить мой ужин.

Мы подходим к супермаркету через дорогу, направляясь на террасу на крыше, как только берём еду.

— Бьюсь об заклад, в Нью-Йорке нельзя есть на улице, как сейчас, — говорит она, откидываясь на спинку стула и поднимая голову, чтобы подставить лицо солнцу.

Мэдди права. В феврале в Нью-Йорке все еще погода — это куртки и шапочки. В Остине люди уже ходят в майках и шлепанцах. Я смотрю на Мэдди, которая держит голову запрокинутой к небу. Я разглядываю ее изящный профиль, одинокую веснушку чуть выше левой брови, и кусочек соуса от пиццы на уголке рта, о котором она не подозревает.

Мысль о том, что я оставлю ее завтра, полностью лишает меня аппетита.

Это слон в комнате, о котором мы не говорим. Суббота слишком быстро перетекает в воскресенье. Минуты проходят, даже когда я пытаюсь замедлить их. Рейс ранним вечером. Я собираю чемодан, пока Мэдди сидит на краю кровати, наблюдая за мной.

— Не забудь свои часы, — говорит Мэдди, указывая на тумбочку. Я беру их и наматываю на запястье.

— И ещё не забудь зубную щётку.

— Да, секунду.

— Хочешь, я приготовлю тебе что-нибудь перекусить в самолет? — Мэдди встает

прежде, чем успеваю ответить. — Я просто принесу тебе яблоко и немного чипсов или еще чего-нибудь, чтобы не голодать. Я ненавижу те рейсы, которые совпадают с обедом. Всегда умираю с голоду к тому времени, как приземляюсь.

— Мэдди...

— Я могу сделать и тебе маленький бутерброд, если хочешь. Я знаю, что в аэропорту у них будет еда, так что решать тебе. — Не переводя дыхания, она продолжает: — Почему бы мне просто не приготовить тебе что-нибудь, а потом ты решишь попозже?

Я протягиваю руку, чтобы остановить Мэдди, прежде чем она сможет выйти из комнаты. Она была такой возбужденной последние несколько часов.

— Мэдди, притормози.

У нее округляются глаза.

— Ты хочешь сэндвич?

Я немного улыбаюсь:

— Думаю, что хочу.

— А яблоко?

— Ты избегаешь того, что произойдет.

Мэдди роняет челюсть от шока.

— Неправда!

— Я снова уезжаю.

Она ударяет меня по лбу.

— Агх. Ты едешь в аэропорт.

— Да, и я собираюсь в Нью-Йорк, а затем, скорее всего, полечу в Лондон как минимум на две недели, чтобы разобраться с конференцией ООН.

— Лондон, — говорит монотонно Мэдди.

— Лондон.

— Так... далеко.

— Точно.

Мэдди разбита. Маска, которую она носила весь день «быть беспечной, радостной девчонкой» исчезла. Она сводит брови вместе и мотает головой.

— Я не хочу снова это начинать, ещё больше времени без тебя. Это слишком тяжело.

— Знаю.

— И когда ты вернёшься в лучшем случае?

Я качаю головой, и Мэдди вырывает руку из моей. Мне больно, что она снова отстраняется, но стараюсь не обращать внимания.

— Может, после Лондона, но мне нужно посмотреть на расписание. После раннего отъезда из Дубая есть большая вероятность, что редактор не будет мной доволен. Я не знаю, что будет дальше.

— Значит, нам надо просто ждать?

Я киваю, ненавидя такой ответ.

Затем Мэдди отворачивается, выходит из комнаты, не сказав ни слова, и идет на кухню за едой. Она наполняет мою сумку закусками и проверяет, не забыл ли я что из вещей, а затем провожает меня до арендованной машины. Мы не ездили на ней с тех пор, как вернулись домой в пятницу. В последний раз, когда я был там, мы с Мэдди были без ума друг от друга.

Теперь она едва может смотреть на меня, когда я поворачиваюсь, чтобы обнять ее.

Я думаю, Мэдди пытается удержаться от слез, но не могу быть уверен. Я беспокоюсь, что это нечто большее. Часть меня знает, что она собирается провести черту на песке.

Я бросаю чемодан на заднее сиденье, затем подхожу к ней.

— Спасибо, что приехал ко мне на выходные, — говорит Мэдди, проводя пальцем по дверной ручке. — Было действительно мило с твоей стороны удивить меня так.

Я поднимаю ее лицо к себе.

— Не грусти, пожалуйста.

— Я не грущу, — говорит она, и слезы собираются в уголках ее глаз.

— Я что-нибудь придумаю, — обещаю я.

— И что ты придумаешь?

Я качаю головой, не совсем в состоянии сформулировать слова, отчего ее губы растягиваются в печальной улыбке.

— Знаешь, сейчас не лучшее время для наших отношений. Мы жили вместе много лет и виделись каждый день. Может быть, это наше наказание за то, что слишком долго ждали.

Похоже, Мэдди близка к тому, чтобы сдаться.

— Это не наказание.

Наконец она произносит те страшные слова:

— Я просто не думаю, что это сработает, Эйден.

— А мы просто постараемся.

— Ладно, — кивает Мэдди, но неуверенно.

Я наклоняюсь и смотрю ей прямо в глаза.

— Мы продолжаем пытаться, Мэдди, — повторяю я, убеждаясь, что она это понимает. — Ты — тот человек, с которым я хочу быть. Поняла? В плохие времена и в хорошие. Ты — мой лучший друг.

Мэдди кивает и прижимается ко мне, цепляясь за мою рубашку изо всех сил.

Я обнимаю ее в ответ.

Она придвигается еще ближе, прижимая меня к себе.

— Скажи это, — нежно давлю я.

— Ты тоже мой лучший друг, — смеется она.

~

Нью-Йорк встречает меня как пощечину со снегом. Когда я выхожу из аэропорта, у меня под рукой нет подходящей зимней одежды. Я прилетел прямо из Дубая в Остин, и мой чемодан набит футболками с короткими рукавами. Я прохожу мимо сувенирного киоска на тротуаре и чуть не покупаю дрянную толстовку «Я сердце (люблю) NY», но у них только детские размеры. Я дрожу, когда встаю в очередь за такси, которая продвигается очень медленно, как своего рода недуг, тяжело нависающий над всеми нами. Сегодня воскресный вечер, все только что вернулись из города, и никто не выглядит особо счастливым.

Мимо проносится группа веселых туристов, и они кажутся почти неуместными. Мне хочется поворчать на них себе под нос; вот в каком я настроении. Расставаться с Мэдди было тяжело. Отъезжать от нее в гараже, направляться в аэропорт, возвращать арендованную машину, ожидать в очереди администрации безопасности — все это казалось неправильным.

Странно, как сильно я скучаю по ней. Со мной все должно быть в порядке. Я был с ней несколько часов назад. Если я возьму футболку и понюхаю, я все еще почувствую запах ее шампуня. Я сразу же это делаю, просто потому, что никому нет дела до нью-йоркских тротуаров, и аромат жасмина сводит все мышцы живота.

Пребывание с ней в Остине должно было быть похоже на нажатие кнопки перезагрузки, но так не получилось. Я чувствую себя так же дерьмово, как и перед отъездом из Дубая, — сейчас еще хуже, потому что знаю, что пройдет некоторое время, прежде чем увижу ее снова.

Сколько времени пройдет?

Без понятия.

Я беру в руки телефон.

Время встретиться с судьбой.

Включение питания занимает секунду. Еще несколько секунд, прежде чем почтовый ящик и текстовые сообщения загрузятся всем тем, что я пропустил.

Коллеги завалили меня сообщениями.

«Чувак, ты уехал?»

«Пол взбешен»

«Ты вернешься в понедельник?»

«Ты где?»

Пол — мой непосредственный руководитель и редактор. Его электронное письмо лежит в моем почтовом ящике неп прочитанным. Тема письма злобешая. «Позвони мне немедленно».

Так я и делаю. Пока стою в очереди на холоде, я нажимаю имя Пола на экране.

— Лучше бы у тебя было чертовски хорошее оправдание для того, чтобы уехать с задания пораньше.

Я открываю рот. Мой ответ, который я приготовил по дороге домой на самолете, вертится на кончике языка. Извинения, некоторое пресмыкательство, обещания подыскать дополнительную работу — ничего из этого не выходит. Ничего.

— Эйден? — окликает Пол, раздраженный тем, что я ему не отвечаю.

— Я...

... прошу прощения.

Но я не договариваю.

Все, что могу сейчас сказать, это «ухожу».

— Что, прости?

Я издаю безумный смех, который накапливался внутри меня последние двадцать четыре часа. Черт возьми, это так приятно.

— Да, я ухожу, — снова говорю я, выходя из очереди такси.

— Что ты имеешь в виду под «я ухожу»? — Пол взбешен. — Это что, какая-то шутка? Ты под кайфом?

Я должен быть. Другого объяснения тому, что сейчас делаю, нет.

— Это чертов «Таймс», — продолжает Пол. — Ты не можешь уйти, твою мать.

— Думаю, я уже смог, — смеюсь я вновь.

Когда Пол заговаривает снова, его тон становится менее агрессивным, будто пытается отговорить меня от крайности.

— Ты на быстром пути к успеху, Эйден. Не будь опрометчивым. Приходи в офис завтра утром, и мы поговорим об этом.

— Я возвращаюсь в Техас.

— Ты что?

— Мне пора.

— О чем ты, черт подери, говоришь?

Пол не понимает, и в этом есть смысл, потому что живет ради работы. Он все время в офисе. Я не на сто процентов уверен, что он там не спит. До этого момента я ему завидовал. Черт, мне хотелось быть им. Теперь понимаю, что был неправ.

— Пол, когда ты в последний раз откладывал работу на второй план? — спрашиваю я, пытаюсь заставить его понять.

— Никогда. Как ты думаешь, как я стал редактором?

— И ты счастлив?

— Что это значит?

— Ты счастлив? У тебя есть те, о ком ты заботишься?

— Конечно, у меня есть кот.

Я улыбаюсь и качаю головой, катя чемодан обратно в аэропорт.

— Эйден, если ты покинешь Нью-Йорк, если сядешь на самолет обратно в Техас, тебе конец. Твоя карьера закончена. Никаких поблажек. Ничего. Ты понимаешь?

Пол этого не понимает. Он думает, что меня волнует рекомендательное письмо? Его одобрение моей трудовой этики? Кого, блядь, это волнует?

Я сменю карьеру. Буду работать в ресторане быстрого питания или доставлять почту. Буду мыть машины. В чем, черт возьми, смысл жизни, если я не провожу ее с Мэдди? Если я не буду просыпаться рядом с ней каждый чертов день?

— Мне пора.

— Эйден...

Я вешаю трубку, прежде чем он успевает продолжить. Затем бегу обратно в аэропорт и направляюсь в сторону вылета.

Уже поздно, но на юго-западном столе все еще кто-то дежурит. Я спрашиваю, когда их следующий рейс вылетает в Остин.

— Через двадцать минут, — говорит дежурная, шурясь на экран компьютера. — И это наш последний полет туда на сегодня. Я могу оформить вас на утренний рейс в шесть сорок?

— Мне надо сесть на тот, который через двадцать минут.

Она смеется:

— Полагаю, это невозможно. Вам придется...

Я наклоняюсь к ней и качаю головой:

— Мне нужно на этот. Посадите меня. Прошу.

Девушка резко вздыхает, раздраженная тем, что я не последовал ее совету. Если я хочу потратить деньги на рейс, на который могу опоздать, это моя проблема.

— Хорошо. Сейчас оформим оплату и ваш билет.

Это заняло две минуты и десять секунд, но кому это интересно?

Как только она передала все мои документы, я направился к контрольно-пропускному пункту. Кто-то кричит мне, чтобы я перестал бежать, поэтому я перехожу на быструю ходьбу и достаю из бумажника удостоверение личности. В очереди охраны никого нет, и из-за того, что я постоянно путешествую, мне приходится стоять в заранее утвержденной очереди.

— Проходите, — говорит мне офицер, пропуская через металлоискатель. Я жду, кажется, целую вечность, пока он читает на мониторе, затем кивает и говорит, что могу идти. Затем я снова начинаю бежать, направляясь к терминалу С.

Они объявляют последний вызов на мой рейс по громкоговорителю аэропорта. Посадка закончена.

— Эйден Смит, пройдите, пожалуйста, через выход 35.

Я включаю передачу и бегу так быстро, как только могу, по коридору. Нелегко бороться с потоком машин. Я чуть не сталкиваюсь с несколькими людьми. Один парень проклиняет меня, но я не могу остановиться. Мои ворота прямо по курсу.

Стюардесса делает мне последнее объявление по громкой связи.

— Иду я! — кричу я, надеюсь, что она меня слышит.

Ее голова поворачивается в мою сторону, и я машу руками в воздухе, чтобы она могла заметить, как несусь по дорожке.

Она качает головой, кладя переговорное устройство, слегка удивленная, но в основном раздраженная.

— Вы чуть не задержали рейс, — говорит мне стюардесса, как только я подхожу к скользящей остановке у выхода и протягиваю ей посадочный талон для сканирования. — В следующий раз, пожалуйста, приходите пораньше.

— Конечно, — говорю я с большой улыбкой, пытаюсь перевести дыхание.

Она возвращает мне посадочный талон, и я несусь по туннелю к самолету. Внутри все ряды заполнены, так что я поднимаюсь на борт последним. Я иду по проходу, осознавая, что получаю несколько пристальных взглядов от пассажиров. Хочется сказать им, почему я опоздал. Они бы, конечно, поняли, но решаю просто опустить голову и иду так быстро, как только могу, к последнему ряду, занимая пустое место у прохода.

Я до сих пор не могу отдышаться. Даже руки дрожат от адреналина.

— Первый раз летите?

Я бросаю взгляд на старую миниатюрную женщину, сидящую у окна. Она закутана в теплый шарф и свитер. Ее короткие белые волосы завиты, а милое лицо в морщинках, особенно возле глаз, когда она улыбается мне. Ее руки покоятся на закрытой книге в твердом переплете, а на каждом ее пальце по кольцу.

— О... — хочу я. — Нет. Я постоянно летаю по работе. Ну, летал...

Она наклоняет голову в сторону.

— Летали?

Я смотрю на руки и качаю головой.

— Да, работал журналистом несколько минут назад.

— Уволились?

Я киваю, чем интригую ее.

— Вам не нравилась работа?

— Она не была такой уж и плохой. Поездки достали.

— А, у любой работы есть обратная сторона.

Я соглашаюсь, давя большими пальцами в бедра.

— Но ушел я не поэтому.

Женщина приподнимает бровь, требуя продолжения.

— Это как бы был прыжок веры.

— Ради любви?

Я смеюсь и опрокидываю голову на сидение, пялясь в потолок.

— Да, звучит как клише, если честно.

— Клише на то и клише. Расскажи мне о ней.

— О Мэдди?

— Из-за нее ты ушел?

— Да, она...

На мгновение я встаю в ступор, размышляя, как лучше изобразить Мэдди для совершенно незнакомого человека. Как описать ее? Это кажется невозможным.

— Она потрясающая. Забавная. Общительная. — Я наклоняю голову вперед-назад, как будто взвешиваю. — Временами, смешная.

— Разве не все мы такие, — говорит женщина, подмигивая. — Держу пари, она ещё и красивая. — Я улыбаюсь, и она отвечает со смехом: — Конечно, она такая. И как долго вы вместе?

— Если честно, с этим сложно.

— Поэтому ты ушел с работы? Чтобы сделать все проще?

— Точно.

— Что ж, желаю тебе удачи.

Я тоже.

После этого мы еще долго разговариваем, нам обоим не терпится поделиться историями. Тем не менее, полет, кажется, длится целую вечность. Я листаю бортовой журнал, разрываю пакет с арахисом, ковыряюсь в телефоне, и все равно мы ещё в часе полета от Остина.

Моя соседка сейчас занята чтением, поэтому я не беспокою ее, вместо этого считаю секунды, отчаянно желая вернуться в Техас.

Мы приземляемся на летное поле только после полуночи, после чего сумки целую вечность не появляются на багажном турникете. Я хватаю чемодан и бегу к дверям аэропорта, хватая первое попавшееся такси, ожидающее снаружи.

Я даю водителю адрес, а затем начинаю потеть на заднем сиденье.

За последние несколько часов мне не раз приходило в голову, что я обезумел.

Я мог бы позвонить Мэдди и предупредить ее о том, что возвращаюсь в Техас, но, похоже, об этом лучше сказать лично. К счастью, в позднее время на дорогах нет пробок. Мы выезжаем из аэропорта Остина и в кратчайшие сроки добираемся до центра города.

— Прямо тут? — спрашивает водитель, показывая на бордюр.

— Да, отлично.

Я знаю код от домофона, но у меня нет ключей, чтобы войти в квартиру.

Я поднимаюсь на лифте на нужный этаж и тащу чемодан по направлению к квартире, пока сердце бешено колотится внутри.

Мэдди, привет. Мэдди, я вернулся. Мэдди, я не лечу в Нью-Йорк.

Ненавижу себя за то, что не подготовился. Было же ведь время в самолёте.

Я делаю глубокий вдох и поднимаю руку, чтобы постучать в дверь.

Никто не отвечает, затем я проверяю телефон и вижу, что сейчас час ночи. Завтра рабочий день. Они с Люси, наверное, спят.

Дерьмо.

Я стучу теперь немного сильнее.

Все ещё нет ответа.

Достаю телефон и звоню Мэдди. Знаю, что бесполезно. У нее телефон на беззвучном режиме. Я проебался.

Я все ещё звоню, издавая безнадежный смешок. Прислонив телефон к уху, я падаю на входную дверь лбом.

Переключает на автоответчик, я просто стою и слушаю, как голос Мэдди просит меня

оставить сообщение.

Мэдди

— Мэдди, это я. Эйден. Я, э-э... вообще-то, стою за твоей дверью. В Остине. Если бы ты проснулась ипустила меня, было бы здорово. Но ты, наверное, спишь, что естественно и хорошо. Тебе, наверное, надо хорошо поспать после наших выходных. На тот случай, если ты слушаешь это до того, как я увижу тебя, я... э-э, буду снаружи, прислонюсь к твоей двери и буду ждать, когда ты проснешься. Тебе, наверное, интересно, почему я здесь... Я просто не мог вынести мысли о том, что снова оставлю тебя. Мне тоже не нравятся междугородние звонки, и кого волнует...

Голос Эйдена обрывается, пока я пялюсь в телефон, сбита с толку.

Я проснулась минуту назад, поэтому мозг ещё ничего не осознает. Поэтому я не поняла, что произошло.

Я возвращаюсь к списку голосовой почты и снова воспроизвожу.

— «Мэдди, это я. Эйден. Я, э-э... вообще-то, стою за твоей дверью. В Остине...»

Я все правильно расслышала! Остальная часть голосовой почты уходит на задний план — я вскакиваю с кровати, бегу к двери квартиры и быстро открываю ее. Верхняя часть тела Эйдена падает на пол к моим ногам.

— Черт, — ругается Эйден, потирая голову и медленно приходя в себя.

Должно быть, он спал, прислонившись к двери, а теперь лежит там, моргая и уставившись на меня.

— Ты не в Нью-Йорке!

— Нет, — улыбается Эйден.

— Ты здесь! У моей двери!

— Ага. Уже последние... пять с половиной часов.

Я в шоке подношу руки ко рту. Эйден медленно возвращается в сидячее положение, прежде чем встать. Он выглядит дерьмово. Вся его одежда помята. Волосы торчат дыбом с одной стороны из-за того, что прислонялся к двери. Он моргает одним глазом, пытаюсь привыкнуть к свету, льющемуся из окна позади меня, а я плачу. Затем бью его в грудь. Потом плачу еще немного.

— Что ты здесь делаешь?

— О, просто... доказываю свою любовь, — говорит Эйден с самоуничижительной усмешкой. — Знаешь, старый добрый жест, когда ты летишь обратно в город посреди ночи, а потом спишь в коридоре, потому что твоя девушка не открывает дверь.

— Ты ненормальный!

— Знаю.

— Как ты вернулся в Техас? Ты, наверное, сразу же улетел обратно.

Он прищуривает глаза, как будто обдумывает это.

— Я думаю, что пробыл в Нью-Йорке не более тридцати минут.

Вау.

Ладно. Он вернулся... надолго ли?

— Твое голосовое сообщение какое-то бессмысленное. Ты здесь только на несколько дней или как? — Я качаю головой, пытаюсь понять изменение обстоятельств. У него все еще есть только один чемодан.

Эйден потирает затылок, как будто нервничает.

— Нет, на самом деле забавная история... Я уволился с работы.

— Ты чего?!

— Да. Ушел. Прошлой ночью. Очень непрофессионально с моей стороны, ну, а что поделывать.

— Эйден!

Он смеется, а затем делает глубокий вдох. Эйден смотрит мне в глаза, и я вижу, как под его темными ресницами начинают собираться слезы. Он никогда не плачет. Никогда! Что происходит?

Затем медленно он начинает опускаться на одно колено. Эйден морщится, как от боли. Я уверена, что после того, как он несколько часов проспал, прислонившись к двери, его мышцы затекли.

— Мне кажется, я спал в странной позе. Тело убивает меня.

— Так почему ты стоишь на коленях? Вот, заходи внутрь, можешь поспать на кровати.

Я протягиваю руку, чтобы подхватить его, но он не принимает помощь.

— Не сейчас. Мне надо кое-что сделать.

— Что? — хмурюсь я.

Эйден разводит руками, как бы говоря: «Разве это не очевидно?».

Я в шоке отстраняюсь.

— Нет.

Нет.

Ни за что.

— Мэдди Лейн, — говорит Эйден, улыбаясь мне с этими достойными обморока ямочками на щеках, — тебе не кажется, что нам с тобой пора пожениться?

— Эйден Смит.

— Ох, боже, ты знаешь, кто я.

— Не шути сейчас! Ты серьезно?

— Как никогда.

— Ты просишь меня выйти за тебя.

— Ага, ты до сих пор не поняла? Могу повторить заново. Это недолго. Мэдди Лейн, тебе не кажется...

Я бросаюсь на Эйдена прежде, чем он успевает закончить, и мы вываливаемся обратно в коридор. Он стонет под моим весом, когда я прижимаю его к себе, целуя везде, где только могу: волосы, лоб, щеки, губы.

— Это значит да?

— Что это было за предложение? — дразню я, откидываясь назад, чтобы получше его рассмотреть. — Где была романтика?

— Я не закончил, — настаивает Эйден, глядя на меня с земли. На его лице дерзкая полуулыбка с прядью темных волос на лбу. — Ты — женщина моей мечты, лучшая любовница, которая у меня когда-либо была...

Я толкаю его в плечо, и он игриво морщится.

— Это твое предложение? Говорить о моих навыках в спальне? Нам же придется рассказать людям об этом!

— Хорошо, значит я не должен вдаваться в подробности о том маленьком деле, которое мы сделали в субботу вечером...

Когда я пытаюсь встать, чтобы сообщить ему, что с меня хватит колкостей, Эйден тянется, чтобы схватить меня за руки и прижать к себе.

— Мэдди.

Его тон изменился. Он больше не шутит. Зеленые глаза умоляют меня отнестись к нему серьезно, сказать «да» и избавить его от страданий, пока его руки сжимают мои.

— Я люблю тебя, — говорит он так искренне, что мне приходится моргать от внезапного наплыва эмоций. — Выходи за меня замуж, — продолжает Эйден, проглотив комок в горле. — Будь моей женой. Сделай меня самым счастливым человеком до конца жизни.

Я начинаю медленно кивать, но затем набираю обороты, и моя голова дико дергается вверх-вниз, пока по щекам текут слезы.

— Да? — переспрашивает он, начиная подниматься. — Да?

Я ухмыляюсь от уха до уха.

Эйден отпускает мои руки, чтобы обхватить меня за талию и поднять с земли. Мы врываемся обратно в квартиру. Я смутно осознаю, что Люси на заднем плане кухни что-то говорит, но каждая моя клеточка сосредоточена на Эйдене. Я целую его до бесчувствия, пытаюсь скорее показать ему, чем сказать, как сильно хочу выйти за него замуж. Отчаянно. Смущающе. Если бы я могла сказать «да» тысячу раз, я бы так и сделала.

— Не обращайтесь на меня внимания! Я просто продолжу есть хлопья! — кричит Люси, когда мы направляемся в мою комнату. — Нет, все в порядке. Просто оставьте входную дверь широко распахнутой! Я позабочусь об этом, конечно. О, и, наверное, я тоже заберу чемодан Эйдена, который он оставил? Я что, посыльный?

— Спасибо, Люси! — говорю я, как раз перед тем, как Эйден переносит меня через порог спальни и пинком закрывает за нами дверь.

Я хватаюсь за его одежду, пытаюсь волшебным образом заставить ее исчезнуть, когда понимаю, что сегодня рабочий день. Понедельник.

— Эйден, мне скоро нужно на работу!

— Ты успеешь. Обещаю, — говорит он нетерпеливо.

Я понятия не имею, как он может это обещать, поскольку в данный момент Эйден засовывает руку мне под пижамную рубашку.

То, что следует за этим, — самый быстрый, самый травмирующий приступ утреннего секса, который у меня когда-либо был. Мы не добираемся до кровати. Мы едва успеваем пройти мимо двери. Это быстро и безрассудно, и к концу я обливаюсь потом и тяжело дышу. У меня синяк на заднице и плечо болит бог знает от чего.

Я поднимаю взгляд на Эйдена: его щеки пылают, а в глазах читается: «У меня был самый лучший секс в жизни».

— Это было...

Эйден ухмыляется и заканчивает мысль за меня:

— Великолепно. А теперь иди в душ. После я провожу тебя на работу.

Я включаю воду и затем вхожу внутрь. Запрокинув голову под струей, я позволяю новообретенной реальности утонуть под слоями шока. Эйден вернулся в Техас ради меня. Он уволился с работы и сделал предложение. Это кажется невозможным.

Затем я выглядываю из-за занавески в душе и вижу, как он входит в ванную и направляется прямо ко мне. Он тоже хочет в душ и не спрашивает, прежде чем входит и сдвигает нас так, что мы оба промокаем.

Я смотрю на него, разинув рот, когда он, наконец, осознает это и оглядывается.

— Что не так?

Я качаю головой. Затем тыкаю в его грудь пальцем. Он реален.

— Что случилось? Ты странно себя ведешь. — Эйден вздергивает бровь в недоумении.

— Просто не могу во все это поверить.

— Нас в душе?

— Нет... тебя здесь. Твое предложение.

Эйден смеется и пожимает плечами, будто сейчас очередной совместный понедельник.

Затем я наблюдаю, как Эйден протягивает правую руку и медленно разворачивает тонкое золотое кольцо.

— Что это?

— Кольцо, которое я получил прошлой ночью от милой женщины, сидевшей рядом со мной в самолете. Я рассказал ей о своих планах, о том, что увольняюсь с работы и лечу обратно в Техас. Сказал ей, что хочу жениться на тебе, и она спросила меня, есть ли у меня кольцо, чтобы подарить тебе.

Эйден берет мою левую руку, чтобы надеть кольцо. Оно выглядит нежно и красиво с крошечной цветущей виноградной лозой, выгравированной на золоте.

— Она сказала, что купила это кольцо на свое пятидесятилетие, когда совершала одиночную поездку в Париж. Ей всегда хотелось посетить город, и хотя ей некого было взять с собой, она все равно поехала. Однажды ей стало немного одиноко, поэтому она пошла прогуляться вдоль Сены и завязала разговор с уличным торговцем старинными украшениями...

— Прямо как...

— В своем одиночестве я нашел картину. Она нашла кольцо. Женщина настояла, чтобы я взял его, и я сказал ей, что отдам его тебе после того, как ты согласишься выйти за меня замуж.

Кольцо встает на место, и я смотрю на него с благоговейным трепетом.

Эйден улыбается и слегка отходит, откидывая голову назад и проводя пальцами по темным прядям. Я наблюдаю, как капля воды обводит контур его щеки и подбородка, прежде чем исчезнуть.

Затем я набираюсь смелости затронуть страшную тему.

— Эйден?

Он напевает, держа глаза закрытыми, позволяя теплой воде омывать себя.

— Я хочу выйти за тебя. Но не хочу, чтобы ты бросал работу из-за меня. Ты ее любишь и пожалеешь об этом, если оставишь все это позади, просто чтобы быть со мной. Держу пари, если бы ты первым делом позвонил боссу...

Эйден открывает глаза, и мои слова ускользают. Я не уверена, что ожидала увидеть в выражении его лица, но он выглядит почти сердитым.

Инстинктивно я делаю микроскопический шаг назад.

— Я просто не хочу, чтобы ты пожалел об этом, — говорю я тихим голосом, удивляясь, почему Эйден смотрит на меня с горящими глазами и расстроенными бровями.

Эйден тянется, чтобы поймать мою руку, и я понимаю, что продолжаю пятиться от него.

Он притягивает меня ближе, и наши теплые тела прижимаются друг к другу. Указательным пальцем он приподнимает мой подбородок, и я внимательно слушаю, как он

говорит:

— Я бы тысячу раз бросил все, чтобы быть с тобой. Любая работа. Где угодно.

— Но...

— Нет. Послушай меня. Работа — это то, что мы делаем, чтобы оплачивать счета и тратить время. Конечно, повезло, что мне нравится то, что я делаю, но если ты думаешь, что это волнует меня больше, чем ты... Мэдди, это не идет ни в какое сравнение.

Мы опираемся лбами, и я закрываю глаза.

— Меня мало волнует что-то, помимо наших отношений. Поняла?

— Поняла, — улыбаюсь я.

Мэдди

Когда я прихожу домой, в нашем доме тихо, если не считать позвякивания ошейника Стэнли, когда он подходит поприветствовать меня у двери. Его хвост сильно виляет, ударяясь о стену при каждом покачивании бедрами.

— Привет, малыш, — говорю я, почесывая его хорошенько за ухом, так что его задняя нога слегка покачивается. — Где папа?

Тощая дворняжка, которую мы приютили несколько лет назад, ходит по кругу, радуясь, что я дома.

— Ладно, ладно. Пошли, найдем его.

В нашем маленьком бунгало в восточной части Остина темно, если не считать света в коридоре. Я прохожу мимо кухни и заглядываю внутрь. В основном здесь прибрано, но в раковине, вероятно, осталось несколько тарелок с ужина Эйдена. В те дни, когда у него приближается крайний срок, тарелки, как правило, скапливаются.

У двери в спальню я сбрасываю каблуки и стону от удовольствия, когда босые ноги снова касаются твердой земли. Скоро я сменю маленькое черное платье на пижаму, и все станет прекрасно.

Обычно я не прихожу домой так поздно, но мне пришлось сопровождать Элизу на ужин с клиентом. Теперь, когда я продвинулась в агентстве, это часть моей работы. Я тоже не против — хорошая еда, хорошая компания, — но я скучала по Эйдену. Последние несколько дней он был занят больше, чем обычно.

Я поворачиваю обратно по коридору, и Стэнли бежит рядом со мной. Если он когда-нибудь забегает слишком далеко вперед, он снова возвращается ко мне, как будто ему не нравится, как медленно я хожу по сравнению с ним.

Я заглядываю в гостиную, но Эйдена там нет.

Я выключаю телевизор и сворачиваю плед, приводя себя в порядок, прежде чем вернуться в холл.

Наша гостевая ванная комната пуста, как и гостевая спальня.

Приближаясь к маленькому офису, я слышу характерный звук щелкающей клавиатуры. Дверь почти закрыта, но я приоткрываю ее еще на несколько сантиметров. Эйден не замечает. Сомневаюсь, что он тоже заметил, что в комнате кромешная тьма. Эйден сидит за экраном компьютера, сосредоточившись на словах, которые печатает. Выражение лица искажается, как будто он чем-то недоволен, затем пальцы снова начинают летать. Я слушаю звук клавиатуры, когда он быстро печатает, и это успокаивает, как колыбельная.

Любой остаточный стресс от работы и жизни, кажется, исчезает, когда я наблюдаю за его работой.

Мой муж — журналист.

Если бы я не прерывала его, он бы работал до глубокой ночи. Эйден всегда был таким, гонялся за словами, когда они, кажется, льются рекой независимо от времени суток. Он пропускал приемы у врача и обеды, потому что был так поглощен работой. Мне приходится напоминать ему, что надо поесть, если он действительно сосредоточен. Чаще всего я просто приношу ему еду сама. Когда я это делаю, он бормочет слова благодарности, иногда даже не потрудившись взглянуть на меня, прежде чем выйду из комнаты.

Однако так бывает не всегда. Только когда он действительно занят.

— Я вижу тебя, — внезапно произносит Эйден.

Я ухмыляюсь.

— Думала, у меня хорошая скрытность.

— Да, но дыхание Стэнли все испортило.

Затем пес отходит от меня, подбегает к Эйдену и встает на задние лапы, чтобы опереться передними на бедро Эйдена. Эйден потирает голову и смотрит на меня.

Его пристальный взгляд скользит по мне с головы до ног. Наши взгляды встречаются, и он наклоняет голову набок.

— Красивая.

Я немного улыбаюсь, не совсем веря ему. Это был долгий день на работе, за которым последовал долгий ужин. Мне бы не помешала ванна и немного сна.

— Иди сюда, — машет Эйден мне рукой.

Я отталкиваюсь от дверного косяка и, обогнув стол, подхожу к Эйдену. Он обнимает меня за талию и тянет к себе на колени. Стэнли лает и прыгает, чувствуя себя обделенным.

— Как прошел день? — спрашивает Эйден, нежно заправляя прядь волос мне за ухо.

— Тяжело.

— Продуктивно? — пыхтит он.

Я улыбаюсь и киваю.

Его лицо освещено только мягким светом экрана компьютера. У него пятиминутная тень и усталые глаза. Он, наверное, весь день не двигался с этого места.

— Как продвигается статья?

— Мне пришлось полностью переписать сегодня утром. Я как-то потерял нить темы.

— А сейчас? — спрашиваю я, прижимая руку к его груди прямо над сердцем, чтобы почувствовать ритм.

— Думаю. Лучше. Я не узнаю, пока не перечитаю утром. Это все еще может быть полной тарабарщиной.

Я смеюсь, потому что знаю, что это не так. Эйден до смешного хорош в том, что делает. Он все еще работает в «Таймс». После его импровизированного возвращения в Техас позвонил его редактор, и они заключили сделку. Эйден мог бы продолжать работать на них на внештатной основе. Он согласился бы на частичное сокращение зарплаты в обмен на меньшие требования к командировкам. У нас все хорошо вышло. С нашей совокупной зарплатой мы могли позволить себе купить и отремонтировать старый дом. Для этого требовалось много любви. Я съезживаюсь, думая о том, в каком состоянии было это место, когда мы только его купили.

Мы не торопились ремонтировать его, по ходу дела научившись делать большую часть сами. Мы вырвали ужасный оранжевый ворсистый ковер и сорвали темно-бордовые обои, которые, казалось, доминировали в каждой комнате. Мы обновили шкафы на кухне и купили новую бытовую технику. И, конечно, ему все еще не помешали бы некоторые обновления. Оригинальные деревянные полы скрипят. Ванна на когтистых лапах в главной ванной комнате иногда протекает. Время от времени входная дверь сдвигается и решает, что не хочет закрываться должным образом.

Но мы живем здесь уже три года. Это наш дом, место, где мы приспособились к жизни молодоженов, место, где мы еще глубже полюбили друг друга, и, возможно, место, куда мы однажды приведем домой детей. Либо так, либо мы найдем брата для Стэнли. Что бы ни

принесла жизнь, мы встретим это вместе.

— Ты дальше будешь работать?

— Еще немного, — кивает Эйден.

Понимаю. Срок.

Я пытаюсь встать, чтобы позволить ему вернуться к работе, но он удерживает меня у себя на коленях.

Я смеюсь и прошу его отпустить.

— Нет, все в порядке. Я все еще могу писать, — говорит Эйден, обнимая меня за талию, чтобы дотянуться до клавиатуры. Он начинает печатать, и я смеюсь еще громче.

— Эйден.

— Ш-ш-ш. Я работаю.

Я снова пытаюсь высвободиться из его хватки, но он снова удерживает меня.

— Тебя не было весь день, — говорит он обиженно. — Просто останься еще на немного.

Я перестаю бороться с ним и смиренно вздыхаю. Эйден не собирается отпускать меня, а я слишком устала, чтобы продолжать попытки, поэтому я устраиваюсь рядом с ним поудобнее, прежде чем положить голову ему на плечо. Я вдыхаю запах Эйдена, и это успокаивает меня. Он снова начинает печатать, и несколько мгновений я наблюдаю за тем, как его пальцы двигаются по клавиатуре, поражаясь словам, которые, кажется, так легко вылетают из него. Разве ему не нужно остановиться и подумать о том, что он собирается сказать? Как его мозг работает так быстро?

Потом мои глаза начинают затуманиваться, и я закрываю их, всего на секунду, просто чтобы дать им отдохнуть.

Я слушаю ровный стук сердца Эйдена. Моя щека двигается вместе с подъемом и опусканием его груди, и непрерывный ритм его дыхания начинает мешать мне бодрствовать.

В какой-то момент, когда я больше сплю, чем бодрствую, Эйден целует меня в лоб и шепчет, что любит меня.

Я бы сказала ему то же самое, если бы могла, но я слишком устала. Слишком.

Нужно просто подождать до утра.

КОНЕЦ!

Больше книг на сайте - Knigoed.net